PG 3337
.H4 A15
1857
Copy 1

Class_____

Book_____

SLAVIC DIVISION

1/150
Printed in Fran
3115
5385
30

ПРЕРВАННЫЕ

РАЗСКАЗЫ

ИСКАНДЕРА.

Изданіе второе—исправленное авторомъ.

ЛОНДОНЪ

TRÜBNER & CO., 60, PATERNOSTER ROW.

1857.

ПРЕРВАННЫЕ

РАЗСКАЗЫ.

Hertzen, Aleksandr Ivanovich
II

ПРЕРВАННЫЕ

Prervannye razskazy

РАЗСКАЗЫ

ИСКАНДЕРА.

Изданіе второе—исправленное авторомъ.

ЛОНДОНЪ

TRÜBNER & CO., 60, PATERNOSTER ROW.

—

1857.

PG 3337
.H4 A15
1857

Slavic Division

502348
Je 29, 36

МАРІИ Р.....

.....И такъ Вы думаете что все таки печатать, не смотря на то что одна повѣсть едва начата, а другая не кончена... Оно въ самомъ дѣлѣ лучше, не напечатанная рукопись мѣшаетъ, это что-то неудавшееся, слабое, письмо не дошедшее по адресу, звукъ не дошедшій ни до чьего слуха.

Позвольте же вамъ и посвятить эти поблекшіе листья, захваченные на полдорогѣ суровыми утренниками. Новаго вы въ нихъ не найдете ничего; все вамъ знакомо въ нихъ и оригиналы блѣдныхъ

копій и молодой смѣхъ былаго времени и грусть настоящаго и даже то, что пропущено между строкъ. — Примите же ихъ, какъ принимаютъ старыхъ друзей послѣ долгой разлуки, не замѣчая ихъ недостатковъ, не подвергая ихъ слишкомъ строгому суду.

И.....

Лондонъ, 31 Декабря 1853.

I. —ДОЛГЪ ПРЕЖДЕ ВСЕГО.

II. —ПОВРЕЖДЕННЫЙ.

III. —МИМОѢЗДОМЪ.

IV. —ДОКТОРЪ КРУПОВЪ.

I.

ДОЛГЪ ПРЕЖДЕ ВСЕГО.

ПОВѢСТЬ.

"Я считалъ бы себя преступнымъ еслибъ не исполнилъ и въ сей настоящій годъ священнаго долга моего и не принесъ бы Вашему Превосходительству наиусерднѣйшаго поздравленія съ наступающимъ высокоторжественнымъ праздникомъ."

I.

ЗА ВОРОТАМИ.

Сыну Михайла Степановича Столыгина было лѣтъ четырнадцать... но съ этого начать невозможно; для того чтобъ принять участіе въ сынѣ, надобно узнать отца, надобно сколько нибудь узнать почтенное и доблестное семейство Столыгиныхъ. Мнѣ даже хотѣлось бы основательно познакомить читателей моихъ съ нимъ, но не знаю какъ лучше приняться.

Мнѣ приходило въ голову начать съ историческихъ преданій ихъ знаменитаго рода. Я хотѣлъ слегка упомянуть какъ Трифонъ Столыгинъ успѣлъ въ двѣ недѣли три раза присягнуть, разъ Владиславу, разъ Тушинскому вору, разъ не помню кому—и всѣмъ измѣнилъ; я хотѣлъ описать ихъ богатыя достоянія, ихъ села, въ которыхъ церкви были пышно украшены благочестивыми и смиренными приношеніями

помѣщиковъ, повидимому не столь смиренныхъ въ свѣтскихъ отношеніяхъ, что доказывали полуразвалившіяся, кривыя, худокрытыя и подпертыя шестами избы; но боясь утомить вниманіе ваше, я скромно рѣшаюсь начать не дальше какъ за воротами большаго московскаго дома Михайла Степановича Столыгина, что на Яузѣ. Ограда около дома каменная, вороты толстаго дерева, съ одной стороны калитка истинная, съ другой ложная, для симметріи, въ ней вставлена доска, на доскѣ сидитъ обтерханый старикъ, повидимому нищій.

Старикъ этотъ впрочемъ не былъ нищій, а дворникъ Михайла Степановича.

Пятьдѣсятъ второй годъ пошелъ съ тѣхъ поръ какъ красивый русый юноша Ефимка вышелъ въ первый разъ за эти ворота съ метлою въ рукахъ и горькими слезами на глазахъ. Дядя Михайла Степановича объѣзжая свои помѣстья привезъ его изъ Симбирска, не потому что ему особенно нуженъ былъ мальчикъ, а такъ, ему понравился добрый видъ Ефимки, онъ и рѣшился устроить его судьбу. Устроилъ онъ ее прочно, какъ видите. Ефимка мелъ юношей, мелъ съ пробивающимся усомъ, мелъ съ обкладистой бородой, мелъ съ просѣдью, мелъ совсѣмъ сѣдой и теперь мететъ съ пожелтѣвшей бородой, съ ногами которыя подгибаются, съ глазами которые плохо видятъ. Одно сберегъ онъ отъ юности — названіе Ефимки; впрочемъ страннѣе этаго патріархальнаго

названія было то, что онъ дѣйствительно не развился въ Ефимы. По мѣрѣ того какъ онъ свыкался съ своей одинокой жизнію, по мѣрѣ того какъ страсть къ двору и къ улицѣ у него дѣлалась сильнѣе и доходила до того что онъ вставалъ раза два, три ночью и осматривалъ дворъ съ пытливымъ любопытствомъ собаки, не смотря на то что вороты были заперты и двѣ настоящихъ собаки спущены съ цѣпи—въ немъ пропадала и живость и развязность, кругъ его понятій становился уже и уже, мысли смутнѣе, тусклѣе. Разъ, лѣтъ за двадцать до нашего разсказа, ему взошла въ голову дурь — жениться на кучеровой дочери; она была и не прочь, но баринъ сказалъ что это вздоръ, что онъ съ ума сошелъ, съ какой стати ему жениться — тѣмъ дѣло и кончилось. Ефимка потосковалъ, никому неговорилъ о томъ ни слова и сталъ попивать. Къ старости онъ сдѣлался кроткимъ, тихимъ звѣремъ, страдавшимъ отъ холода и отъ боли въ поясницѣ, веселившимся отъ сивухи и нюхательнаго табаку, который ему поставлялъ сосѣдній лавочникъ за то чтобъ онъ мелъ улицу передъ лавочкой. Другихъ сильныхъ страстей у него не было, если мы не примемъ за страсть его безусловной послушливости всѣмъ кто хотѣлъ приказывать и безграничнаго страха передъ Михайломъ Степановичемъ.

Нельзя сказать чтобы сношенія Ефимки съ Михайломъ Степановичемъ были особенно часты или

важны; они ограничивались строгими выговорами сопряженными съ сильными угрозами за то что мостовая портится, за то что тротуарные столбы гніютъ, за то что за нихъ зацѣпляются телѣги и сани; Ефимка чувствовалъ свою вину и со вздохомъ поминалъ то блаженное время когда улицъ не мостили, и тротуаровъ не чинили по очень простой причинѣ, потому что ихъ не было.

Сношеніе другаго рода, болѣе пріятное и торжественное, повторялось всякой годъ одинъ разъ. Въ свѣтлое Воскресеніе вся дворня приходила христосоваться съ барином. Причемъ Михайло Степановичъ обыкновенно угрюмый и раздраженный, мѣнялъ гнѣвъ на милость, и дарилъ своихъ слугъ ласковымъ словомъ— отчасти въ предупрежденіе другихъ подарковъ. "А помнишь" говорилъ ежегодно Михайло Степановичъ Ефимкѣ, обтирая губы послѣ христосованья "помнишъ какъ ты меня возилъ на салазкахъ и дѣлалъ снѣговую гору." Сердце прыгало отъ радости у старика при этихъ словахъ и онъ торопился отвѣчать "какъ же, батюшка, кормилецъ ты нашъ, мнѣ то не помнить, оно вѣдь еще при покойномъ дядюшкѣ вашей милости, при Львѣ Степановичѣ было, помню, вотъ словно вчера."

—"Ну оно вчера не вчера, прибавлялъ Михайло Степановичъ улыбаясь, а небось пятой десятокъ есть. Смотри же Ефимка, праздникъ праздникомъ, а улицу мети, да пьяныхъ много теперь шляется, такъ ты

какъ смеркнется вороты и запри. Что не крадуть ли булыжникъ?"—"Словно глазъ свой берегу батюшка, и ночью выхожу разъ, другой поглядѣть" отвѣчалъ дворникъ — и баринъ давалъ знакъ чтобъ онъ шелъ съ краснымъ яйцомъ даннымъ ему на обмѣнъ.

Этимъ періодическимъ разговоромъ ограничивались личныя сношенія двухъ ровесниковъ, жившихъ лѣтъ пятьдесять подъ одной крышей. Ефимка бывалъ очень доволенъ аристократическими воспоминаніями и обыкновенно вечеромъ въ первой праздникъ, не совсѣмъ трезвый разказывалъ кому нибудь въ грязной и душной кучерской, какъ было дѣло, прибавляя "Вѣдь подумаешъ какая память у Михайла то Степановича, помнитъ что — а вѣдь это сущая правда, бывало меня заложитъ въ салазки, а я вожу, а онъ то знай кнутикомъ погоняетъ — ей Богу— а сколько годовъ подумаешъ" и онъ качая головою развязывалъ онучи и засыпалъ на печи, подложивши свой армякъ (постели онъ еще не успѣлъ завести въ полвѣка) думая вѣроятно о суетѣ жизни человѣческой и о прочности нѣкоторыхъ общественныхъ положеній, напримѣръ дворниковъ.

И такъ Ефимка сидѣлъ у воротъ. Сначала онъ медленно, больше изъ удовольствія, нежели для пользы подгонялъ грязную воду въ канавкѣ метлой, потомъ понюхалъ табаку, посидѣлъ, посмотрѣлъ и задремалъ. Вѣроятно онъ довольно долго бы проспалъ, въ товариществѣ дворной собаки плебейскаго

происхожденія, черной съ бѣлыми пятными, длинною жесткою шерстью и изгрызеннымъ ухомъ, котораго сторонки она приподнимала врозь чтобъ сгонять мухъ еслибы ихъ обоихъ не разбудила женщина среднихъ лѣтъ.

Женщина эта, тщательно закутанная, въ шляпкѣ съ опущеннымъ вуалемъ, давно показалась на улицѣ; она медленно шла по противуположному тротуару и съ безпокойнымъ вниманіемъ смотрѣла что дѣлается на дворѣ Столыгина. На дворѣ все было тихо, казачекъ въ сѣняхъ пощелкивалъ орѣхи, кучеръ возлѣ сарая чистилъ хомутъ и курилъ изъ крошечнаго чубука, однако и этаго довольно было чтобъ отстращать ее; она прошла мимо и черезъ четверть часа явилась на томъ тротуарѣ на которомъ спалъ Ефимъ. Собака заворчала было, но вдруъ бросилась со всѣми собачьими изъявленіями радости къ женщинѣ, она испугалась ея ласкъ и отошла какъ можно скорѣе.— Осмотрѣвши еще разъ что дѣлается на дворѣ, она рѣшилась подойти къ Ефиму и назвать его "Ась," пробормоталъ Ефимъ "чего вамъ?" Онъ не былъ такъ счастливъ какъ его пріятель съ раздвоеннымъ ухомъ и не узналъ кто съ нимъ говоритъ. "Ефимушка, продолжала незнакомка—вызови сюда Кириловну." "Настасью Кириловну, а на что вамъ ее?" спросилъ дворникъ что то запинаясь.—"Да ты меня развѣ не узнаешь?" — "Ахъ ты мать пресвятая Богородица," отвѣчалъ старикъ и вскочилъ съ лавки, "глаза то,

какіе стали, матушка,... экъ я кого не спозналъ, простите матушка, изъ ума выжилъ на старости лѣтъ, такъ ужъ никуда не гожусь."

— "Послушай Ефимъ, мнѣ нѣкогда, коли можно вызови Настасью" — "Слушаю, матушка, слушаю, отчего же нельзя, — оно все можно, я сейчасъ для тебя то сбѣгалъ бы, — да вотъ, мать ты моя родная," и старикъ чесалъ пожелтѣлые волосы свои, "да какъ бы то есть Титъ то Трофимовичъ не свѣдалъ?" Женщина смотрѣла на него съ состраданіемъ и молчала; старикъ продолжалъ: "Боюсь, охъ боюсь, матушка, кости старыя, лѣта какія, а вѣдь у насъ кучеръ Непадистъ неприведи господь какая тажелая рука, такъ въ конюшнѣ богу душу и отдашъ, христіанскій долгъ не исполнишъ."

Старикъ еще не кончилъ своей рѣчи, какъ изъ воротъ выскочила старушонка худощавая, подслѣпая, вся въ морщинахъ, съ сѣдыми волосами. "Ахъ матушка, непзвольте слушать что вамъ старый сычь этотъ напѣваетъ, пожалуйте ко мнѣ, я проведу васъ,— вѣдь изъ окна матушка узнала, походку то вашу узнала, такъ сердце то и забилось, ахъ молъ наша барыня идетъ, шепчу я сама себѣ, да на половину къ Анатолію Михайловичу бѣгу, а тутъ попался казачекъ Ванюшка, преядовитой у насъ такой, шпіонишка мерзкой, что спросила я, баринъ то спитъ?— Спитъ еще — чтобъ ему тутъ, право не при васъ будь сказано." Все это она такъ проворно говорила съ

преспльной мимикой, что Марья Валеріановна не успѣла раскрыть рта и наконецъ ужъ перебила ее вопросомъ. "Настасьюшка, да здоровъ ли онъ?" "Ничего матушка, ну только худенькой такой. Какое и житье то! Вѣдь аспидъ то нашъ, на то и взялъ ихъ чтобъ было надъ кѣмъ зло изливать человѣконенавистникъ, ржа, которая, на что желѣзо, и то поѣдомъ ѣстъ. У Натоль же Михайловича, изволите знать какой нравъ, весь въ маменьку, не то что наше холопское дѣло, выйдешъ за дверь да самаго обругаешъ вдвое, прости господи, ну а они все къ сердцу принимаютъ." Марья Валеріановна утерла на скоро слезу и шепнула "пойдемъ же Настасьюшка."

Настасья строго на строго наказала Ефимкѣ, если Титъ подошлетъ казачка спросить съ кѣмъ она говорила за воротами и съ кѣмъ взошла, сказать со швеей молъ, съ Ольгой Петровной, что живетъ у Покровскихъ воротъ. Послѣ этаго, она повела Марью Валеріановну черезъ дворъ на заднее крыльцо, потомъ по темной лѣстницѣ, которую врядъ мели ли когда нибудь послѣ отстройки дома. Лѣстница эта шла въ маленькую коморку отведенную Настасьѣ; эта коморка была цѣль ея желаній, предметъ домогательствъ ея въ продолженіи пятнадцати лѣтъ. Ни у кого въ домѣ не было особой комнаты кромѣ у Тита. Михайло Степановичъ наконецъ дозволилъ занять ее, съ условіемъ не считать ее своею, никогда въ ней не сидѣть, а такъ покамѣсть положить свои,

пожитки. Въ этой маленькой комнатѣ стоялъ небольшой деревянный столъ, окрашенный временемъ, на немъ покоился покрытый полотенцомъ самоваръ, въ сосѣдствѣ чайника и двухъ опрокинутыхъ чашекъ. На стѣнѣ висѣли двѣ головки рисованныя чернымъ карандашемъ, одна изображала поврежденную женщину, которая смотрѣла изъ картины страшно выпаращивъ глаза, вмѣсто кудрей у нея были черви— должно думать что цѣль была представить Медузу. Другая представляла какаго то жандарма въ каскѣ вѣроятно выходившаго изъ воды, судя по голому плечу, лице у него было отвратительно правильно, посъ въ родѣ іонійской колонны, опрокинутой волютами внизъ, голову онъ держалъ крѣпко на сторону, разумѣется этотъ жандармъ былъ —Александръ Македонскій.

Но передъ этими картинами нарисованными дѣтской рукой, остановилась Марья Валеріановна и не могла болѣе удерживаться. Она закрыла глаза платкомъ и Настасья плакала ото всей души, приговоривая "да это онъ, мой голубчикъ, въ имянины подарилъ."

—"Ну какъ кто взойдетъ сюда Настасьюшка, что тогда дѣлать?"

—"Не извольте безпокоиться, матушка, фискала то нашего дома нѣтъ. Вишъ староста пріѣхалъ, да обозъ съ дровами что ли пришолъ, такъ онъ и пошелъ въ трактиръ принимать; самый вредный человѣкъ и

преалчной, никакой совѣсти нѣтъ, чаю пары двѣ выпьетъ съ французской водкой какъ слѣдуетъ, да потребуетъ бутылку бѣлаго, рыбы, икры; какъ чрево выноситъ, небось седьмой десятокъ живетъ, да вѣдь что матушка какой неочестливой и сына то своего приведетъ и того угощай. Ну да онъ угодитъ еще подъ красную шапку, сынъ то азарникъ. Покуда старой то песъ живъ, такъ все шито и крыто, а какъ Богъ по душу пошлетъ, мы все выведемъ, и какъ синень кая у кучера пропала....”

Длинная рѣчь in Titum осталась неокончанною, молодой человѣкъ лѣтъ тринадцати, стройный, милый и блѣдный отъ внутренняго движенія, бросился не говоря ни слова на шею Марьи Валеріановны и спряталъ голову на ея груди; она гладила его волосы, смѣялась, плакала, цаловала его “ну привелъ же Богъ, привелъ же Богъ, говорила она. Да дайже посмотрѣть на тебя...” и она всматривалась долго, съ тѣмъ упоеніемъ преданнымъ, святымъ, съ какимъ можетъ смотрѣть одна любовь матери. Она была счастлива, онъ такъ хорошъ, черты его такъ невинно чисты и открыты, она молилась ему “Дружокъ ты мой какой ты худенькой, говорила она ему, здоровъ ли ты?” “Я здоровъ маменька” отвѣчалъ молодой человѣкъ “Я только боюсь, что папаша узнаетъ, спроситъ мени?” И, батюшка, вмѣшалась няня, что это ужъ такой умникъ и неумѣете держать отвѣтъ. Правду сказать это только вашъ папаша воображаетъ

что его въ свѣтѣ никто не проведетъ, а его вся дворня надуваетъ." Молодой человѣкъ не отвѣчалъ, но сдѣлалъ движеніе которое дѣлаютъ всѣ нервные люди когда ножъ скрипитъ по тарелкѣ.

II.

ДЯДЮШКА ЛЕВЪ СТЕПАНОВИЧЪ.

Кажется что и хорошо я началъ мой разсказъ, а опять приходится отступить, далеко отступить, иначе не объяснишъ сцены происходившей въ маленькой комнаткѣ Настасьи.

Начнемте тамъ гдѣ оканчиваються воспоминанія Ефимки; онъ возилъ молодаго барина въ салазкахъ при жизни "Дяденьки." Дяденька Левъ Степановичъ уже потому заслуживаетъ, чтобы начать съ него, что не смотря на всю патріархальную дикость свою, онъ первый ручной представитель Столыгиныхъ. Этимъ онъ обязанъ слѣпой любви родителей къ его

меньшему брату. Степушку, никогда бы не рѣшились они отправить на службу, отдать въ чужія руки; Левушку, напротивъ, родители не жалѣли и какъ только онъ кончилъ курсъ своего воспитанія, то есть научился читать по русски и писать вопреки всѣмъ правиламъ ортографіи, его отправили въ Петербургъ. Послуживши лѣтъ десять въ гвардіи, онъ перешелъ въ гражданскую службу, былъ совѣтникомъ, былъ впослѣдствіи президентомъ какой то коллегіи, и въ большой близости съ кѣмъ то изъ временщиковъ. Патронъ его, долго умѣвшій искусно удержаться въ силѣ въ классическое время паденій и успѣховъ, воцареній и низверженій, послѣ Петра I и до Екатерины II, потерялъ наконецъ равновѣсіе и исчезъ въ своихъ малороссійскихъ вотчинахъ. Помощникъ и ставленикъ его Левъ Степановичъ, премудро и во время умѣлъ отдѣлить свою судьбу отъ судьбы патрона, премудро успѣлъ жениться, на племянницѣ другаго временщика, которую тотъ не зналъ куда дѣвать и наконецъ что премудрѣе всего вмѣстѣ, Левъ Степановичъ, получивъ аннинскую кавалерію вышелъ къ оставку и отправился въ Москву для устройства имѣнія, уважаемый всѣми какъ честный, добрый, солидный и дѣловой человѣкъ.

Не надобно думать чтобъ въ его удаленіи былъ одинъ расчетъ или дипломація; причина столькоже сильная звала его воротиться къ болѣе родной средѣ. Въ Петербургѣ не смотря на успѣхи по службѣ ему

все было что то неловко, точно въ гостяхъ; ему захотѣлось покоя въ почетномъ раздольи помѣщичьей жизни, захотѣлось пожить на своей волѣ; родители его давно померли, Степушка былъ отдѣленъ, имѣнье доставшееся Льву Степановичу было одно изъ богатѣйшихъ подъ Москвою, верстъ сотню по Можайкѣ отъ города. Какъ же не ѣхать ему было въ свои березовыя и липовыя рощи, въ свой старый отцовскій домъ, гдѣ подобострастная дворня и испуганное село готово было его встрѣтить съ страхомъ и трепетомъ, поклониться ему въ землю и подойти къ ручкѣ.

Въ Москвѣ онъ остался не долго, заложилъ на Яузѣ, вмѣсто деревяннаго дома, каменныя палаты и уѣхалъ въ Липовку, изрѣдка наѣзжая присмотрѣть за постройкой. За хозяйство Левъ Степановичъ принялся усердно; онъ и на службѣ своего имѣнья не разстроилъ, а напротивъ къ родовымъ тысячѣ душамъ прикупилъ тысячи полторы; но теперь, не вдаваясь въ агрономическія разсужденія, онъ разомъ сдѣлался смышленымъ помѣщикомъ съ той снаровкой, съ которой изъ лейбъ-гвардіи капитановъ сталъ въ годъ времени дѣловымъ совѣтникомъ. Удвоивая доходы, онъ улучшилъ состояніе крестьянъ. Онъ и хлѣбомъ поможетъ и овса на посѣвъ дастъ и корову или лошадь дастъ въ замѣну падшей, ну да послѣ держи ухо востро. Вдругъ никто не думаетъ, не гадаетъ, баринъ съ старостой и съ десятскими на дворъ. "Ей ты Акулька, покажи ка горшки для молока," невы-

мыты, тутъ бабѣ и расправа, "А ты Нефедъ покажъ ка соху, да и борону, выведи лошадь то," словомъ поучалъ ихъ какъ неразумныхъ дѣтей и мужички разсказывали долго послѣ его смерти "о порядкахъ стараго барина" прибавляя "точно бывало спуску не даетъ, ну а только умница былъ, все зналъ наше крестьянское дѣло досконально и праваго не тропетъ; то есть учитель былъ."

Дворовыхъ онъ держалъ безъ числа и мѣры, у него были мальчики единственно употребляемые днемъ на то чтобъ чистить клѣтки соловьевъ, а ночью ходить по двору чтобъ собаки не лаяли близь господскаго дома. У него были дѣвочки, которыхъ все назначеніе состояло въ томъ, чтобъ зимой стирать воду съ оконницъ, а лѣтомъ носить уголья и тазики для варенья. Нельзя сказать чтобъ такое количество прислуги его вводило въ особенно важныя траты; все, начиная съ самыхъ личностей было домашнее, рожъ и грѣчиха, горохъ и капуста, и не одинъ кормъ... умретъ корова выдѣлаютъ кожу, сапожникъ сошьетъ портному сапоги, въ то время какъ портной ему кроитъ куртку изъ домашняго сукна цвѣту маренго-клеръ и широкія панталоны изъ небѣленаго холста, которымъ были обложены рабочія бабы. Притомъ у Льва Степановича былъ неотъемлемый талантъ воспитывать дворню, талантъ совершенно утраченный въ наше время; онъ вселялъ съ юныхъ лѣтъ такой страхъ, что даже его фаворитъ и долею лазутчикъ,

камердинеръ Титъ Трофимовъ, гроза всей дворни не всегда обращавшій вниманіе на приказы барыни, сознавался въ минуты откровенности и сердечныхъ изліяній что ни разу не входилъ въ спальню барина безъ особаго чувства страха, особенно утромъ, незная въ какомъ разположеніи Левъ Степановичъ. Дивиться нечему. Выгоды и почетъ барскаго фавера очень недаромъ доставались Титу, особенно потому что онъ часто попадался на глаза. Левъ Степановичъ былъ человѣкъ характерный, сдерживать себя не считалъ нужнымъ и когда утромъ онъ выходилъ къ чаю съ красными глазами, сама Марѳа Петровна долго не смѣла начать разговоръ. Въ эти "характерныя" минуты сильно доставалось Титу,—побьетъ его бывало, да и пошлетъ къ барынѣ "поди говоритъ покажи ей свою рожу и скажи вотъ молъ какъ дураковъ учатъ, людей дѣлаютъ изъ скотовъ." Для Марѳы Петровны, въ ее скучной и однообразной жизни, подобныя случаи служили развлеченіемъ, даже она находила своего рода удовольствіе въ униженіи гордаго и высокомѣрнаго Тита.

Дѣйствительно, развлеченій въ ее жизни было мало, особенно свѣтскихъ. Дѣтей имъ Богъ не далъ. Пыталась она и ворожить и заговориваться и пить всякую дрянь и къ Тройцѣ-Сергію ходила пѣшкомъ и Титову сестру посылала въ Кіево-Печерскую Лавру, откуда она ей принесла колечко съ раки Варвары мученицы, но дѣтей все не было. Нельзя

сказать чтобъ Левъ Степановичъ особенно былъ отъ того несчастенъ, однако онъ сердился за это, какъ за безпорядокъ и упрекалъ въ минуты досады свою жену довольно оригинальнымъ образомъ говоря: "У меня жену Богъ даровалъ глупѣе таракана, что такое тараканъ, нечистота, а дѣтей выводитъ." При этомъ видно было гордое сознаніе что онъ своей стороны себя въ этомъ не винитъ—да и въ самомъ дѣлѣ безъ вопіющей несправедливости мудрено было винить Льва Степановича, взявъ во вниманіе хоть одно разительное сходство съ нимъ поваровыхъ дѣтей. Главное что сердило Льва Степановича, это отсутствіе цѣли въ хозяйствѣ и устройствѣ имѣнья. "Я, говорилъ онъ, денно и нощно хлопочу, и запашку удвоилъ и порядокъ завелъ и лѣсъ берегу и денегъ не трачу; а подумаю на что, самъ не знаю; точно управляющій братнина сына, а тотъ возметъ все, да и спасибо не скажетъ, я его знаю, по матери пошелъ, баба продувная была, и въ немъ хамовой крови довольно. Оно конечно это мой долгъ, на то я и поставленъ Богомъ въ помѣщики, чтобы хозяйничать, на томъ свѣтѣ съ меня спросится; все же лучше еслибы былъ настоящій наслѣдникъ!

И Левъ Михайловичъ грустно качалъ головою сидя на жесткихъ креслахъ, обитыхъ черной кожей приколоченной мѣдными гвоздочками. Марѳа Петровна горько плакивала отъ подобныхъ разговоровъ

и за свѣтскія лишенія прибѣгала къ духовнымъ утѣшеніямъ.

Возлѣ самаго господскаго дома, иждивеніемъ Льва Степановича была воздвигнута каменная церковь о трехъ предѣлахъ. Спальня выходила окнами къ колокольнѣ; при первомъ благовѣстѣ Марѳа Петровна поспѣшно одѣвалась и являлась ранѣе всѣхъ въ храмъ Божій. Левъ Степановичъ приходилъ позже и то по большимъ праздникамъ и въ воскресные дни. Марѳа же Петровна являлась при всѣхъ богослуженіяхъ, на похоранахъ, крестинахъ, бракосочетаніяхъ. Левъ Степановичъ становился впереди, подтягивалъ клиросу и бдительнымъ окомъ смотрѣлъ за порядкомъ, самъ дралъ за уши шалившихъ мальчишекъ и черезъ старосту показывалъ когда надо было креститься и когда класть земные поклоны. Онъ былъ любитель и знатокъ богослуженія, онъ на домъ къ себѣ призывалъ молодаго діакона и мѣсяца три всякой день училъ кадить и дѣлать возгласъ, поднимая орарь съ полуоборотомъ на амвонѣ; діаконъ дѣйствительно такъ мастерски дѣлалъ возгласъ и полоборота, что можайскіе купцы пріѣзжали любоваться и находили что Іеродіаконъ Савина монастыря далеко будетъ пониже липовскаго.

Монастырь этотъ былъ верстъ тридцать отъ усадьбы Льва Степановича. Онъ постоянно посылалъ туда не столько богатыя, сколько постоянныя приношенія—возовъ десять прошлогодняго и нѣсколько

сгорѣвшаго сѣна, овесъ негодный на семяна, сырыя и почернѣвшія дрова. Марѳа Петровна съ своей стороны дѣлала приношенія тоже болѣе цѣнныя по усердію, нежели почему иному; она посылала въ монастырь розовую и мятную воду, муравьиной спиртъ, сушеную малину, (иноки не зная что съ ней дѣлать, настаивали ее пѣннымъ виномъ,) нѣсколько банокъ грибовъ въ уксусѣ искусно уложенныхъ, такъ что съ которой стороны ни посмотришь все видно одни бѣлые грыбы а какъ ложкой ни возмешь все вынешь или березовикъ или масленокъ. Иноки иногда посѣщали благочестивый домъ богоприбѣжнаго помѣщика, и всегда находили радушный пріемъ Марѳы Петровны, которая любила ихъ и какъ то боялась.

Другихъ гостей почти никогда не являлось у Столыгиныхъ. Кромѣ ихъ двоихъ, еще проживали у нихъ дядя Марѳы Петровны съ своей женой. Ѣхавши изъ Петербурга Левъ Степановичъ пригласилъ къ себѣ дядю своей жены, не главнаго, а такъ дядю-старика, оконтуженнаго въ голову во время турецкой кампаніи, вслѣдствіе чего онъ потерялъ память, умъ и глаза. Настоящій дядя, не зная куда его дѣть, намекнулъ Льву Степановичу, который хотя уже тогда и былъ въ отставкѣ, но все же не смѣлъ поперечить особѣ. Слѣпой старикъ былъ женатъ на Молдаванкѣ, у которой въ домѣ лежалъ раненый; она была не первой молодости и не

смотря на большой римской носъ и на огромные орлиные глаза отличалась великимъ смиреніемъ духа. Ее Столыгинъ употреблялъ на пріемъ талекъ, холстины, орѣховъ, на чищеніе ягодъ, сушеніе травъ, вареніе грибовъ, Марѳа Петровна, призрѣвая родственниковъ, была увѣрена что этимъ загладитъ всѣ свои грѣхи, а можетъ сдѣлаетъ доступною и свою молитву о дарованіи дѣтей. Обращеніе сложившееся между хозяевами и гостями, было простое, патріархальное. Марѳа Петровна называла старика дядей, но жену его не только не называла теткой, но говорила ей "ты" и въ иныхъ случаяхъ позволяла цаловать у себя руку. Левъ Степановичъ говорилъ обоимъ "ты" и обращался съ ними такъ какъ слѣдуетъ обращаться съ людьми вполнѣ зависящими отъ насъ—съ холоднымъ презрѣніемъ и съ оскорбительнымъ выказываніемъ своего превосходства. Онъ ихъ трактовалъ какъ мебель или вещь не очень нужную, но къ которой онъ привыкъ.

Утро — слѣпой обыкновенно проводилъ въ своей комнатѣ во флигелѣ, гдѣ курилъ сушеной вишневой листъ, перемѣшанный съ венгерскими корешками. Въ часъ, дѣвка приставленная за нимъ, надѣвала на него длинный синій сертукъ, повязывала бѣлый галстухъ и приводила въ столовую. Здѣсь онъ дожидался, сидя въ углу, торжественнаго выхода Льва Степановича. Горе бывало старику если онъ опоздаетъ, тутъ доставалось не только ему, но и Танькѣ,

служившей при немъ корнакомъ и Молдаванкѣ. Старику повязывали на шею салфетку и сажали его за столъ, гдѣ онъ смиренно дожидался пока Левъ Степановичъ ему пришлетъ рюмку настойки, въ которою онъ ему подливалъ воды. За столомъ старикъ не смѣлъ ничего просить, да не смѣлъ ни отъ чего и отказаться; даже больше двухъ стакановъ квасу (хозяева пили кислыя щи, но для дяди съ теткой приносили людскаго квасу, кислаго какъ квасцы) ему не дозволялось пить. Подадутъ ли дыню, Левъ Степановичъ вырѣжетъ лучшую часть, а корки положитъ ему на тарелку. Марѳа Петровна дѣлала тоже съ зрячей Молдаванкой, прибавляя что это сущій вздоръ и почти грѣхъ думать, что Богъ такъ создалъ дыню, что одну закраинку можно употреблять въ снѣдь.

Въ рѣдкія минуты, когда Левъ Степановичъ былъ веселъ, слѣпой старикъ служилъ предметомъ всѣхъ шутокъ и любезностей Льва Степановича. "А добро пожаловать" кричалъ онъ "добро пожаловать отецъ Ксенофонтій! — Ей Васильичъ, (такъ называлъ онъ дядю) невидишь, что ли, отецъ Ксенофонтій идетъ тебя благославить" — "не вижу, государь мой, не вижу" отвѣчалъ слѣпой "да вотъ съ правой то стороны — и онъ посылалъ Тита благословлять старика и тотъ ловилъ его руку. Левъ Степановичъ хохоталъ до слезъ, не догадываясь что самое забавное въ этой комедіи, состояло въ томъ, что выжившій изъ ума старикъ

съ тою остротой слуха которая обща всѣмъ слѣпымъ очень хорошо зналъ, что отецъ Ксенофонтій не входилъ и представлялъ только для удовольствія покровителя, что обманутъ. Но верхъ наслажденія для Столыгина состоялъ въ томъ, чтобы накласть на тарелку старику чего нибуть скоромнаго въ постный день и когда тотъ съ спокойной совѣстью съѣдалъ, онъ его спрашивалъ, что это ты на старости лѣтъ, въ Молдавіи что ли въ Турецкую перешелъ, въ какой день утираешъ скоромное. У старика дѣлались спазмы, онъ плакалъ, полоскалъ ротъ, дѣлался больнымъ—это очень забавляло Столыгина.

Иногда Левъ Степановичъ будилъ въ старикѣ что то похожее на чувство человѣческаго достоинства и онъ дрожащимъ голосомъ напоминалъ Льву Степановичу что ему грѣшно обижать слѣпца и что онъ все таки дворянинъ и преміеръ маіоръ по чину. "Ваше высокородіе, отвѣчалъ Столыгинъ, у котораго кровь бросалась въ лицо отъ такой дерзкой опозиціи, да ты бы ѣхалъ въ полкъ — ну, я тебѣ пришелся не понраву, прости великодушно, а ужъ переучиваться мнѣ поздно, мнѣ не подъ лѣта; да и чтоже, я тебя не на веревочкѣ держу, ступай себѣ въ Молдавію въ женнино имѣнье.

—"Левъ Степановичъ, робко прибавляла Марѳа Петровна — вѣдь какъ бы то ни было, онъ мнѣ дядя и вамъ сродственникъ.

—"Вотъ? Въ самомъ дѣлѣ? Возражалъ еще болѣе

разъяренный Столыгинъ. Скажите пожалуста, новости какія! А знаешъ ли ты, что еслибы онъ не былъ твой дядя, такъ у меня не толькобъ не сидѣлъ за столомъ, да и подъ столомъ." Испуганная маіорша дергала мужа за рукавъ, начинала плакать, прося простить неразумнаго слѣпца, не умѣющаго цѣнить благодѣяній. У старика текли по щекамъ тоже слезы, но какъ то очень жалкія, онъ походилъ на безпомощнаго ребенка, обижаемаго грубой и пьяной толпой.

Послѣ обѣда баринъ ложился отдохнуть. Титъ долженъ былъ стоять у дверей и когда Левъ Степановичъ ударитъ въ ладоши, подать ему графинъ кислыхъ щей, Иногда въ это время Титъ бѣгалъ въ дѣвичью и приказывалъ по имянному назначенію той или другой горничной налить ромашки и подать барину, что "де на животѣ не хорошо" и горничная съ какимъ то страхомъ бѣжала къ Агафьи Ивановнѣ. Агафья Ивановна ворча сквозь зубы сыпала вонючую траву въ чайничекъ. Марѳа Петровна никогда не навѣщала мужа во время его гастрическихъ припадковъ; она ограничивала свое участіе развѣдываніемъ кто именно носила ромашку, для того чтобы при случаѣ припомнить такую услугу и такое предпочтеніе.

Левъ Степановичъ, запивши кислыми щами или ромашкой сонъ отправлялся побродить по полямъ и работамъ, и часовъ въ шесть являлся въ чайную комнату, гдѣ у стѣны уже сидѣлъ на большихъ крѣ-

слахъ слѣпой маіоръ и вязалъ чулокъ, единственное умственное занятіе, которое осталось у него. Иногда старикъ засыпалъ, Левъ Степановичъ разумѣется этаго немогъ вынести и тотчасъ кричалъ горничной "Танька не зѣвай" и Танька будила старика, который проснувшись увѣрялъ что онъ и не думалъ спать, что онъ и по ночамъ плохо спитъ, отъ поясницы. Послѣ чая, Столыгинъ вынималъ довольно не новую колоду картъ и игралъ въ дураки съ женою и Молдаванкой. Если онъ бывалъ въ особенно хорошемъ расположеніи, то середи игры разсказывалъ въ тысячной разъ отрывки изъ аристократическихъ воспоминаній своихъ; какъ покойникъ графъ его любилъ, какъ ему довѣрялъ, какъ совѣтывался съ нимъ; но притомъ дружба дружбой, а служба службой. "Бывало задастъ такую баню, и бумаги всѣ по полу разбросаетъ и разкричится. Ну иной разъ и чувствуешь что правъ, да и не отвѣчаешь, надо дать мѣсто гнѣву. Онъ же у насъ терпѣть не могъ какъ отвѣчаютъ; тогда было жутко, а теперь съ благородностью вспоминаю."

Всего же болѣе любилъ онъ останавливаться съ большими подробностями на томъ какъ графъ его посылалъ однажды съ бумагой къ князю Григорью Григорьевичу... "Утромъ всталъ я часовъ въ пять. Титъ, тогда мальчишкой былъ, не разъѣдался еще какъ теперь, что гадко смотрѣть — ну только и тогда былъ прелѣнивой и преглупой. Вхожу я

въ переднюю, насилу его растолкалъ, чтобы скорѣй за парикмахеромъ сбѣгалъ. Парикмахеръ пришелъ, причесалъ меня.... тогда носили вотъ такъ, три пукли одна надъ другой; я надѣлъ мундиръ и отправляюсь къ князю. Вхожу въ переднюю, говорю оффиціанту, что вотъ по такому дѣлу отъ графа къ его свѣтлости присланъ. Оффиціантъ посмотрѣлъ на меня, видитъ съ двумя лакеями пріѣхалъ — и говоритъ "раненько изволили пожаловать, князь не встаетъ раньше дѣсяти, а въ десятъ я молъ камердинеру доложу." А можно, говорю я ему гдѣ небудь обождать? "Какъ не можно комнатъ у насъ довольно. Вотъ пожалуйте въ залу." Я взошелъ, люди полы метутъ, да пыль стираютъ, я сѣлъ въ уголокъ и сижу. Часика такъ черезъ два, вышелъ секретарь ли, камердинеръ ли и прямо ко мнѣ "Вы отъ графа?" — "Я батюшка, я" — "пожалуйте за мною къ его свѣтлости въ гардеробную." Вхожу я, князь изволитъ въ пудермантелѣ сидѣть и одинъ парикмахеръ въ шитомъ французскомъ кафтанѣ причесываетъ а другой держитъ на серебряномъ блюдѣ помаду, пудру и гребенки. Князь взявши бумагу, такимъ громкимъ ласковымъ голосомъ мнѣ и молвили "благодари графа, я сегодня доложу объ этомъ дѣлѣ. Мнѣ графъ говорилъ о тебѣ, что ты дѣловой и усердный чиновникъ, старайся впередъ заслуживать такой отзывъ." Свѣтлѣйшій молъ князь, жизнъ свою предпочитаю положить за службу.

—"Хорошо, хорошо сказалъ князь и изволилъ со стола взять табатерку, золотую. Государыня тебѣ жалуетъ въ поощреніе. Какъ онъ это изволилъ сказать, у меня слезы въ три ручья. Я хотѣлъ было руку поцаловать, но онъ отдернулъ. Я его въ плечо, князь взглянулъ на меня, да пальчикомъ парикмахеру показалъ—да оба такъ и вспрыснули отъ смѣха. Я ничего не понимаю, что за причина. А дѣло то было просто, цалуя свѣтлѣйшаго въ плечо, я весь вымарался въ пудрѣ. Князь потомъ за ея величества столомъ разсказывалъ объ этомъ, ей Богу." И во всемъ лицѣ Льва Степановича разпространялась гордая радость.

Но большей частію вмѣсто аристократическихъ разсказовъ и воспоминаній Левъ Степановичъ угрюмый и "гнѣвный" какъ выражалась Молдаванка, притѣснялъ ее и жену за игрой всевозможными мелочами, бросалъ сдавая карты на полъ, дразнилъ Молдаванку, съ бѣшенствомъ критиковалъ каждый ходъ и такъ добивалъ вечеръ до ужина. Въ десятомъ часу Левъ Степановичъ отправлялся въ спальню, замѣчая "ну слава Богу вотъ день то и прошелъ," какъ будто онъ ждалъ чего то, или какъ будто ему хотѣлось поскорѣе скоротать свой вѣкъ.

Передъ спальней была образная, маленькая комната которой восточный уголъ былъ уставленъ большими и драгоцѣнными иконами, въ кіотѣ краснаго дерева. Двѣ лампадки горѣли безпрестанно

передъ образами. Левъ Степановичъ всякой вечеръ молился иконамъ, кладя земные поклоны или покрайнѣй мѣрѣ касаясь перстомъ до земли. Потомъ онъ отпускалъ Тита. Титъ пользуясь единственнымъ свободнымъ временемъ, отправлялся на село къ Исаю рыбаку или къ обручнику Никифору, всего же чаще къ старостѣ, который на мірской счетъ покупалъ для дворовыхъ сивуху. Титъ бралъ съ собою кого нибудь изъ лакеевъ, особенно же Митьку цирюльника отлично игравшаго на гитарѣ.

Долго жилъ такъ доблестный помѣщикъ Левъ Степановичъ, Богъ знаетъ для чего устроивая и улучшая свое имѣнье, усугубляя свои доходы и непользуясь ими. Домъ его съ селами и деревнями составлялъ какой то особенный міръ, разобщенный со всѣмъ остальнымъ міромъ, чертою проведенной генеральнымъ межеваніемъ. Даже московскія вѣдомости не получались въ Липовкѣ. Войны раздирали Европу, миры заключались, троны падали; въ Липовкѣ все шло нынче какъ вчера, вечеромъ игра въ дурачки, утромъ сельскія работы, таже жирная бужанина подавалась за обѣдомъ, Титъ все также стоялъ у дверей съ квасомъ, и никто не только не говорилъ, но и не зналъ и не желалъ знать всемірныхъ событій наполнявшихъ собою весь свѣтъ.

Но такъ какъ всему временному есть конецъ, то пришелъ конецъ и этому застою, и притомъ очень крутой. Однажды послѣ обѣда, Левъ Степановичъ,

уботребивши довольно разсольника съ потрохами, жирной индѣйки и разныхъ сдобныхъ и слоенныхъ пирожковъ и смочивъ все это кислыми-щами, перешелъ въ гостинную закусить обѣдъ арбузомъ и выпить княжевишной наливки. Освѣжившись арбузомъ и разгорячившись наливкой, онъ въ самомъ лучшемъ разположеніи духа пошелъ въ кабинетъ уснуть. Но какъ нарочно въ залѣ засталъ Настьку, говорившую въ дверяхъ передней съ извѣстнымъ намъ музыкантомъ и цирюльникомъ Митькой. Левъ Степановичъ былъ чрезвычайно ревнивъ во всемъ что касалось до горничныхъ. Ему что то померещилось не совсѣмъ хорошее въ выраженіи Митькина лица. Онъ закричалъ страшнымъ голосомъ и схватилъ въ углу стоящую палку. Митька, горячая голова какъ всѣ артисты, ударился бѣжать. Столыгинъ за нимъ, со всемъ грузомъ индѣйки, потроховъ, подъ квасомъ, и арбузомъ; Митька отъ него, онъ за нимъ, Митька на чердакъ по узенькой лѣстницѣ, Столыгинъ сунулся было, но увидѣлъ, что судьба его не создала матросомъ. На крикъ барина, сбѣжалась вся дворня. Багровый отъ гнѣва, сбиваясь въ словахъ и буквахъ баринъ велѣлъ поймать Митьку гдѣ бы онъ ни былъ и посадить въ колодку, пока онъ рѣшитъ его судьбу; отдавши приказъ, онъ усталый и запыхавшись удалился въ кабинетъ.

Случай этотъ разпространилъ ужасъ и безпокойство въ домѣ, въ людскихъ, въ кухнѣ, на конюшнѣ

и наконецъ во всемъ селѣ. Агафья Ивановна ходила служить молебенъ и затеплила свѣчку въ дѣвичьей передъ иконой всѣхъ скорбящихъ заступницы. Молдаванка, сбивавшаяся во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ на поврежденную, бормотала сквозь зубы, "о царѣ Давидѣ и всей кротости его" и безпрестанно повторяла "свять, свять, свять" какъ передъ громовымъ ударомъ.

Титу не пришлось долго Митьку искать; онъ сидѣлъ босикомъ въ питейномъ домѣ, уже выпивши на сапоги сивухи и громко кричалъ "не хочу служить аспиду такому, хочу царю служить, въ солдаты пойду, у меня нѣтъ ни отца ни матери, за народъ послужу, а ужъ я ему не слуга, и назадъ не пойду, а силой возметъ, такъ грѣхъ надъ собой совершу, ей Богу совершу."

"Митрій, Митрій ты не горлань, говорилъ ему Титъ и такого вздора не ври; барина рука длинная, она тебя вездѣ достанетъ, а ты лучше ступай со мной, а не то вѣдь и руки свяжемъ, на то барской приказъ."

Краснорѣчіе Тита побѣдило наконецъ Митьку и онъ протестуя и говоря что завтра же грѣхъ совершитъ, пошелъ, прибавляя "нѣтъ Титъ Трофимовичъ, вязать меня не нужно, я не воръ и не собака чтобы меня на веревкѣ водить — мы дойдемъ и безъ веревки." На дорогѣ Митька во весь голосъ пѣлъ. "Ай барыня, барыня!" съ тѣми богатыми варіантами, которыми изобилуютъ всѣ передни.

Неумытный Титъ посадивъ своего друга въ колодку, побѣжалъ къ дверямъ съ кислыми щами. Въ пять часовъ Марѳа Петровна присылала узнать проснулся ли баринъ; Титъ молча помахалъ рукой и приложилъ палецъ къ губамъ. Въ шесть пришла сама Марѳа Петровна къ дверямъ. "Кажется еще не изволили просыпаться," доложилъ Титъ. Марѳа Петровна тихо отворила дверь и такъ вскрикнула вдругъ, что Титъ опрокинулъ кувшинъ съ кислыми щами. Закричать было не мудрено, Старый баринъ лежалъ растянувшись возлѣ кровати, одинъ глазъ былъ прищуренъ, другой совершенно открытъ съ тупымъ и мутно стекляннымъ выраженіемъ; ротъ былъ перекошенъ и нѣсколько капель кровавой пѣны текло по губамъ. Съ минуту продолжалась совершенная тишина, но вдругъ откуда ни возмись, хлынула въ комнату вся дворня; грозный Титъ не препятствовалъ, а стоялъ какъ вкопанный. Марѳу Петровну вынесли въ обморкѣ и положили ей подъ ложечку, образъ въ которомъ были мощи Св. Антипія; Молдаванка вбѣжала въ комнату съ какимъ то неестественнымъ хныканьемъ и поскользнувшись въ лужѣ кислыхъ щей чуть не сломила ногу.

Титъ, какъ болѣе сильный характеръ первый пришелъ въ себя и снова тѣмъ повелительнымъ голосомъ, которымъ отдавалъ барскіе приказы лѣтъ двадцать, сказалъ "Ну что тутъ зѣвать! Сенька, втащи сюда корыто, да воды. А ты, Ларивонъ, сбѣгай ка за ба-

тюшкой. Да нѣтъ ли у васъ, Агафья Ивановна, мѣднаго пятака на правой глазъ то ему надобно положить..." И все пошло какъ по маслу.

Освобожденный арестантъ Митька, безъ малѣйшаго злопамятства приготовлялся, какъ записной грамотей, ночью читать въ запуски псалтырь съ земскимъ и пономаремъ, проспалъ только Молдаванку дать ему табаку позабрательнѣе, на случай если сонъ клонить будетъ.

Дворня была испугана. Она доставалась человѣку неизвѣстному; къ нраву стараго барина примѣнились, теперь приходилось вновь начинать службу и какъ, и что будетъ, и кто останется въ Липовкѣ, кто поѣдетъ въ Питеръ, на какомъ положеніи, все это волновало умы и заставляло почти жалѣть покойника.

Черезъ два дня, послѣ необыкновенныхъ напряженій, написалъ Титъ, будущему обладателю, слѣдующее письмо:

"Все Милостивейшій Государь,
Государь батюшка и единственной заступникъ
нашъ Михайло Степановичъ.

"По приказанію Ея Превосходительства тетушки вашей, а нашей госпожи Марфы Петровны. Приемлю смѣлость начертать Вамъ, батюшка Михайла Степановичъ сіи стро ки, такъ какъ по большему огорченію они сами писать силъ не чувствуютъ Богу же угодно было посѣтить ихъ великимъ несчастіемъ

утратою ихъ и нашего отца и благодѣтеля о упокоеніи души коего должны до скончанія дней нашихъ молить Господа и Дядюшки вашего нынѣ въ бозѣ представившагося Его превосходительства Льва Степановича, изволившагося скончатся въ двадцать третье мѣсяца число, въ 6 часовъ по полудни. Онагоже тѣлу выносъ завтрашняго числа.

"Такъ какъ мы по извѣстности ваши, то батюшка и все милостивѣйшій Государь, могите призрѣть насъ яко сиротъ отца лишенныхъ и неоставить милосердіемъ вашимъ недостойныхъ подданныхъ а мы чувствуемъ какъ обязаны усердствіемъ Вашему здоровью до конца нашей жизни, что покойному дядюшки такъ и вамъ все едино, какъ вся дворня такъ и выборный Трофимъ Кузминъ съ міромъ.

"Пребывая Ни жайщій рабъ вашъ Титъ — если изволите помнить что при покойном Дядюшкѣ камардинеромъ находился.

Село Липовка. 1794 года Іюня 25 дня.

III.

НѢЖНЫЙ ВРАТЕЦЪ ПОКОЙНАГО ДЯДЮШКИ.

Михайлъ Степановичъ былъ сынъ брата Льва Степановича—Степана Степановича. Въ то время какъ Левъ Степановичъ посвящалъ дни свои блестящей гражданской дѣятельности, получалъ высокіе знаки милости и цѣловалъ свѣтлѣйшее плечо, карьера его меньшаго брата разъигривалась на иномъ поприщѣ не столько громкомъ, но бодѣе сердечномъ.

Любимецъ родителей баловень и "нѣженка" какъ выражалась дворня онъ постоянно оставался въ деревнѣ подъ крыломъ материнскимъ. Въ двѣнадцать лѣтъ старуха няня мыла его еще всякую субботу въ корытѣ и приносила ему съ села лепешки, чтобы онъ хорошенько позволилъ промылить голову и не кричалъ бы на весь домъ, когда мыльная вода попадала въ глаза. Лѣтъ четырнадцати, признаки

ранняго совершеннолѣтія начинали ясно оказываться въ отношеніяхъ Степушки къ дѣвичьей. Матушка его, не слышавшая въ немъ души, не токмо не препятствовала развитію его раннихъ способностей, но даже не безъ удовольствія смотрѣла на удаль сынка и исподволь помогала ему, что при ея средствахъ и гражданскихъ отношеніяхъ къ дѣвичьей не представляло непреоборимыхъ трудностей. Нѣжныя чувства, питаемыя съ такого нѣжнаго возраста вскорѣ поглотили всего Степушку; любовь, какъ выражаются поэты была единственнымъ призваніемъ его, онъ до кончины своей былъ вѣренъ избранному пути буколико-эротическаго помѣщика.

Степушка не долго пользовался покровительствомъ родителей. Ему было семнадцать лѣтъ когда онъ лишился матери, года черезъ три спустя умеръ его отецъ. Смерть родителей и честное преданіе ихъ тѣла земли, недоставили Степану Степановичу столько безпокойствъ и сердечныхъ мукъ, какъ пріѣздъ брата; онъ вообще не отличался храбростью, брата же онъ особенно боялся. Не зная что дѣлать, онъ совѣщался съ своими подданными и не могъ безъ содраганія вздумать какъ они будутъ дѣлить дворовыхъ, къ числу которыхъ принадлежала и дѣвичья. Онъ взялъ нѣкоторыя мѣры, всѣхъ горничныхъ велѣлъ запереть въ поваровой комнатѣ, оставивши на лице только такихъ, которыя имѣли значителныя недостатки въ лицѣ, сильную шадровитость, косые

глаза. Левъ Степановичъ все понялъ, обдѣлилъ брата, закупивъ его пустыми уступками, предоставилъ ему почти весь прекрасный полъ и благославляемый имъ уѣхалъ назадъ.

Проводивши брата, Степанъ Степановичъ принялся съ своей стороны за устройство имѣнья. Онъ купилъ двухъ музыкантовъ и приказалъ имъ учить дворовыхъ дѣвокъ пѣть. Хоры составились хоть куда, учители играли одинъ на торбанѣ, другой на кларнетѣ. Въ праздничные дни, сгоняли послѣ обѣдни, крестьянскихъ дѣвокъ и бабъ на лужекъ передъ домомъ для хороводовъ и пѣсней. Степанъ Степановичъ, откушавши, выходилъ въ сѣни, въ халатѣ на распашку, окруженный горничными, тутъ онъ садился, горничныя готовили чай и обмахивали мухъ павлиновыми перьями. Благодѣтельный помѣщикъ угощалъ гостей цареградскими стручками, пряниками, брагой и грошевыми серьгами, иногда самъ участвовалъ въ хороводахъ, но чаще засыпалъ подъ конецъ; чай имѣлъ на него очень сильное вліяніе, хотя онъ и подливалъ французской водки, чтобы ослабить его дѣйствіе.

Матеріяльной частью хозяйства Степанъ Степановичъ, какъ всѣ сентиментальныя натуры заниматься не любилъ; староста и поваръ управляли вотчиной; до барина доступъ былъ не легокъ, кому и случалось съ нимъ молвить слово остерегался проболтаться, баринъ все разказывалъ горничнымъ. Случилось

разъ что крестьянка, съ большими, черными глазами, пожаловалась барину на старосту, Степанъ Степановичъ, не давая себѣ труда разобрать дѣла, и вѣчно увлекаемый своимъ нѣжнымъ сердцемъ, велѣлъ старосту на конюшнѣ посѣчь. Староста обмылся пѣнничкомъ и кротко вынесъ наказаніе, не думая оправдываться, не смотря на то что онъ въ дѣлѣ былъ правъ; тѣмъ не менѣе желаніе мести сильно запало въ его душу. Спустя недѣлю другую, староста черезъ повара доложилъ барину, что де не смотря на барское приказаніе, такая то баба сильно балуется и находится въ очень близкихъ отношеніяхъ съ своимъ мужемъ, возвратившимся съ работы въ городѣ. Поступокъ этотъ, такъ грубо неблагодарный, глубоко огорчилъ Степана Степановича и онъ велѣлъ бабу назначать безъ очереди въ работу. Похудѣвъ состарясь черезъ годъ она на себѣ носила доказательства что приказъ былъ исполненъ въ точности. Послѣ этаго примѣра никто кромѣ горничныхъ, не смѣлъ дѣлать оппозицію старостѣ и повару.

Веселая, сельская жизнь Степана Степановича стала скоро извѣстной въ околодкѣ; явились сосѣди, одни съ цѣлью его женить на дочери, другіе обыграть, третьи болѣе скромные познакомились потому что имъ казалось пить чужой пуншъ пріятнѣе своего. Онъ поддавался всему, весьма вѣроятно что его бы женили и обыграли, но нѣжное сердце его спасло. Посѣщая однаго изъ своихъ сосѣдей, онъ увидѣлъ у

него горничную—такъ сердце у него и опустилось... онъ пріѣхалъ домой растроенный, влюбленный, да какъ! Ѣсть пересталъ, а пить сталъ вдвое больше. Подумалъ онъ, подумалъ, видитъ что такой страсти переломить невозможно; опостылила ему дѣвичья, и если онъ дозволялъ себѣ кой какія шалости, то больше чтобы не отставать отъ привычекъ, нежели изъ удовольствія.

Присталъ Степанъ Степановичъ къ сосѣду, чтобы тотъ продалъ Акульку; сосѣдъ поломался, потомъ согласился съ условіемъ, чтобы Столыгинъ купилъ отца и мать — я, говоритъ христіанинъ и не хочу разлучать того что Богъ соединилъ. Степанъ Степановичъ на все согласился и заплатилъ ему три тысячи рублей; по тогдашнимъ цѣнамъ на такую сумму можно было купить пять Акулекъ и столько же Дуняшекъ съ ихъ отцами и матерями.

Сельская Брунегильда поняла, именно по суммѣ, заплаченной за нее, ширь своей власти и въ полгода привела своего господина въ полнѣйшую покорность. Померкло вліяніе повара, ослабла сила старосты. Отецъ Акулины Андреевны былъ сдѣланъ дворецкимъ, мать ключницей, да она и имъ потачки не давала, а держала ихъ въ страхѣ и повиновеніи — и всего этаго было ей мало, ей хотѣлось открыто и явно быть помѣщицей, она стала питать династическіе интересы. И года черезъ два Степанъ Степановичъ поѣхалъ въ четверомѣстной колымагѣ

покойнаго родителя своего въ церковь и обвѣнчался съ Акулиной Андреевной. Бракъ ихъ, не такъ какъ бракъ Льва Степановича, неостался безплоднымъ. Въ сѣняхъ господскаго дома, когда новобрачные воротились, сперва подошли къ ручкѣ и поздравили новую барыню ея родители, а потомъ кормилица въ золотомъ повойникѣ поднесла десятимѣсячнаго сына; бракъ ихъ былъ благословенъ заблаговременно. Грудной ребенокъ этотъ, Михайло Степановичъ, котораго Ефимка возилъ на салазкахъ, а онъ его кнутикомъ подгонялъ.

Послѣ свадьбы барынъ сдѣлался призракъ. Акулина Андреевна приняла бразды правленія сильной рукой. Она съ глубокимъ политическимъ тактомъ взяла всѣ мѣры чтобы упрочить свое самовластіе — но какъ всегда бываетъ, взявши всѣ мѣры она все таки упустила изъ виду одну изъ возможныхъ причинъ переворота, и на ней то все оборвалось. Мало знакомая съ врачебной наукой, она не только неограничивала, но развивала въ Степанѣ Степановичѣ его страсть къ наливкамъ и сладкимъ водкамъ; она не знала что человѣческое тѣло только до извѣстной степени противодѣйствуетъ алкоголю. Лѣтъ черезъ семь послѣ бракосочетанія, синій Степанъ Степановичъ, отекшій отъ водяной, полунѣмой отъ паралича, отдалъ Богу душу — около того времени когда Левъ Степановичъ отдѣлывалъ свой домъ на Яузѣ.

Получивъ вѣсть о смерти брата, Левъ Степановичъ, въ первыя минуты горести попробовалъ опровергнуть бракъ покойника, потомъ законность его сына, но вскорѣ увидѣлъ что Акулина Андреевна взяла всѣ мѣры еще при жизни мужа и что седьмую часть ей выдѣлить во всякомъ случаѣ придется, и сыну имѣніе предоставить, да еще заплатить протори. Больно было Льву Степановичу, но онъ покорился несправедливой судьбѣ и какъ настоящій практическій человѣкъ, тотчасъ придумалъ иной образъ дѣйствія. Онъ написалъ къ вдовѣ письмо, полное родственнаго участія, звалъ ее въ Москву для окончанія дѣлъ и для того чтобы показать ему наслѣдника его брата, а можетъ и его собственнаго, печься о которомъ онъ считалъ священной обязанностью, ибо Богомъ и закономъ назначенъ ему въ опекуны. Весьма вѣроятно, что Акулина Андреевна не повезла бы своего сына по письму дяди, но послѣ смерти Степана Степановича люди стали что то грубо поговаривать, а иногда даже и перечить съ такимъ видомъ, что Акулинѣ Андреевнѣ показалось безопаснѣе переѣхать въ Москву. Левъ Степановичъ плакалъ при свиданіи съ Мишей, благославилъ его образомъ и взялъ на себя всѣ хлопоты по опекѣ и по управленію имѣніемъ.

Акулину Андреевну провести было не легко; но ее устранилъ совершенно неожиданный случай. Своей седьмой частью она прельстила однаго поручика изъ

ординарцевъ при Московскомъ Главнокомандующемъ, и сама прельстилась его ростомъ, его дебѣлой и свирѣпой красотой, совершенно противуположной аркадскому покойнику. Акулина Андреевна не могла удержаться чтобы не выйти за него за мужъ. Роли перемѣнились. Поручикъ съ четвертаго дня началъ ее бить и ужъ Акулина Андреевна, на этотъ разъ, стала пить подслащенныя наливки. Левъ Степановичъ сильно покровительствовалъ поручику и выхлопоталъ ему прибыльное мѣсто по коммиссаріатской части, гдѣ то на черномъ морѣ. Левъ Степановичъ требовалъ, чтобы племянникъ его остался въ Москвѣ для полученія приличнаго его званію воспитанія. Мать не хотѣла оставить его; но поручикъ прикрикнулъ и уговорилъ ее, основываясь на томъ, что мѣсто получилъ по ходатайству Столыгина и что его дружбу надо беречь на черной день.

IV.

ТРОЮРОДНЫЕ БРАТЬЯ.

Мишѣ было лѣтъ десять. Воспитаніе его не было сложно; простое, деревенское воспитаніе того времени; оно ограничивалось съ физической стороны — развитіемъ непобѣдимаго пищеваренія, съ нравственной — укорененіемъ вѣрнаго взгляда на отношеніе столбоваго помѣщика къ дворовымъ и крестьянамъ. Воспитаніе это не столько было отвлеченно и книжно, какъ практично и потому самому имѣло несомнѣнный успѣхъ. Десятилѣтній мальчикъ былъ окруженъ толпой оборванныхъ, грязныхъ и босыхъ мальчишекъ, которыхъ онъ тѣснилъ, билъ и на которыхъ жаловался матери, бравшей всегда его сторону.

Одинъ болѣе свободный товарищъ его игръ былъ сынъ сельскаго священника, отличавшійся бѣлыми волосами, до того рѣдкими, что не совсѣмъ покры-

вали кожу на черепѣ, и способностью въ двѣнадцать лѣтъ выпивать чайную чашку сивухи не пьянѣя. Онъ иногда обижалъ Мишу, не дозволялъ ему себя тотчасъ поймать въ горѣлкахъ, обгонялъ его въ запуски, самъ ѣлъ найденныя ягоды. Мишу это оскорбляло и Акулина Андреевна не могла оставаться равнодушной къ такому нарушенію приличій; она обыкновенно подзывала къ себѣ Поповича и поучала его слѣдующимъ образомъ "ты, толоконной лобъ, ты помни, дуракъ, и чувствуй съ кѣмъ я тебѣ позволяю играть; ты вѣдь воображаешь что Михайло то Степановичъ дьячковъ сынъ."

Матушка попадья бывало какъ услышитъ подобное слово, тотчасъ не вступая въ дальнѣйшее разбирательство дѣла, поймаетъ сына за бѣдные волосенки, какъ то приправленные на маслѣ приносимомъ для лампады Тихвинской Божіей матери — и довольно удачно представляетъ будто безпощадно деретъ его за волосы, приговоривая: "Ахъ ты грубіянъ эдакой поганый, вотъ истинно дурья порода. Простите матушка Акулина Андреевна, изволите сами знать, какой умъ въ нашихъ дѣтяхъ, въ срамѣ и запустѣніи живутъ; а ты благодари дуракъ барыню что изволитъ обучать" и она наклоняла его масленную голову и сама кланялась. Миша послѣ подтрунивалъ надъ пріятелемъ, но поповичъ съ досадой улыбаясь говорилъ "Вѣдь все вретъ, мать то, такъ для барыни въ угоду горячку поритъ, примѣръ дѣлаетъ."

Левъ Степановичъ не долго продержалъ у себя племянника; цѣль его была достигнута, онъ его разлучилъ съ матерью и могъ распоряжаться какъ хотѣлъ имѣніемъ. Онъ думалъ отдать Мишу въ пансіонъ; но двоюродная тетка Льва Степановича выпросила его къ себѣ воспитывать съ своимъ сыномъ, который, говорила она, былъ одинъ и скучалъ. Льву Степановичу не очень хотѣлось, но онъ побаивался княгини и согласился. Побаивался онъ ее потому что она сильно любила болтать и имѣла большія связи въ Петербургѣ; что она могла ему сдѣлать болтовней и связями, не знаю, да и онъ не зналъ, а трусилъ. Княгиня была богата, держала большой домъ и занималась дѣланіемъ визитовъ. При сынѣ находился Французъ гувернеръ. Рекомендованный самимъ Вольтеромъ Шувалову, Шуваловымъ княгинѣ Дашковой, Дашковой нашей княгинѣ, онъ безусловно управлялъ воспитаніемъ. Гувернеръ былъ не глупый человѣкъ какъ всѣ Французы, и не умный человѣкъ — какъ всѣ Французы; онъ имѣлъ всѣ забавные недостатки своей страны, лгалъ, острилъ, былъ дерзокъ и не золъ, высокомѣренъ и добрый малый. Онъ смотрѣлъ съ улыбкой превосходства на все русское, отроду не слыхалъ что есть нѣмецкая литература и англійскіе поэты, за то зналъ на память Корнеля и Расина, всѣ литературные анекдоты отъ Буало до энциклопедистовъ, онъ зналъ даже древніе языки и любилъ въ рѣ-

чи поразить цитатомъ изъ Георгикъ или изъ Фарсалы.

Само собою разумѣется что нашъ гувернеръ былъ поклонникъ Вовенарга и Гелвеція, упивался Жанъ-Жакомъ, мечталъ о совершенномъ равенствѣ и полномъ братствѣ, что не мѣшало ему ставить передъ своей звучной фамильей Дрейякъ, смягчающее "де," на которое онъ не имѣлъ права. Онъ съ улыбкой сожалѣнія говорилъ о католицизмѣ и вообще о христіанствѣ и проповѣдывалъ какую то религію собственнаго изобрѣтенія, состоявшую изъ поклоненія закону тяготѣнія. Безъ тяготѣнія, говорилъ онъ морща лобъ отъ усилій — былъ бы хаосъ и атомы разлетѣлись бы, тяготѣніе поддерживаетъ великій порядокъ, въ которомъ раскрывается великій художникъ. При развитіи этихъ глубокихъ и ясныхъ истинъ, онъ никогда не забывалъ прибавить, что по этому Платонъ и называлъ Бога геометромъ, а Нютонъ снималъ шляпу когда произносилъ имя Божье. Сверхъ своей религіи тяготѣнія, которою онъ былъ совершенно доволенъ, онъ упорно не хотѣлъ суда на томъ свѣтѣ и язвительно смѣялся надъ людьми вѣрившими въ адъ — хотя противъ безсмертія души онъ не только ничего не имѣлъ, но говорилъ что оно крайне нужно для жизни.

Ученье съ Де Дрейякомъ шло весело и легко. Онъ могъ всегда говорить безъ различія времени, предмета, возраста и пола, а потому его ученики

отлично выучивались, сначала слушать по французски, а потомъ говорить. Воспитаніе почти въ этомъ и состояло.

Миша сначала погрустилъ въ домѣ княгини и утирая слезы поминалъ о Липовкѣ. Онъ очень хорошо замѣтилъ что первая роль не ему принадлежитъ, онъ былъ "братецъ" онъ былъ "cher cousin," въ то время какъ князь былъ самимъ собою. Различіе это Миша равно видѣлъ и въ обращеніи княгини, и въ обращеніи гостей, и еще болѣе въ обращеніи дядьки. Старикъ безъ возраженія исполнялъ приказы князя, а Мишѣ часто говорилъ что ему нѣкогда, что онъ можетъ послать кого нибудь помоложе. Самолюбивый мальчикъ, глубоко оскорбленный всѣмъ этимъ дулся, сидѣлъ въ углу, смотрѣлъ изъ подлобья. Дрейякъ это относилъ къ дикости, другіе вовсе не замѣчали.

Видя безуспѣшность своихъ протестацій, Миша вдругъ сдѣлался шелковый, ласковъ, веселъ, привѣтливъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ былъ любимецъ Дрейяка. Сама княгиня не могла надивиться какой онъ не глупой мальчикъ "точно можно сказать c'est un miracle ce qu'en a fait мой Дрейякъ, онъ совсемъ sauvage былъ, ну и теперь эдакой дурнушка, а право премилой мальчикъ." Въ словѣ дурнушка выражалось сознаніе матери, что ея сынъ не такъ уменъ, не такъ даровитъ и она торопилась утѣшиться его красотой. Молодой князь

не любилъ учиться, онъ былъ разсѣянъ и зѣвалъ за уроками; добрый, очень добрый, разкрытый всякому чувству и благородный по натурѣ, онъ былъ вялъ, и умъ его дремалъ еще безпробудно, да и не знаю просыпался ли въ послѣдствіи когда нибудь. Лѣнь и невниманіе князя поощрили Мишу и Миша бросился на занятія, со всѣмъ усердіемъ которое даетъ зависть и затаенное желаніе превосходства. Дрейякъ чуть не плакалъ, видя, какъ ловко Миша цитируетъ мѣста изъ Кандида, изъ Дѣвы Орлеанской, изъ Жака Фаталиста....

Мало по малу воспитаніе молодыхъ людей пришло къ концу. Они писали французскія записочки правильнѣе русскихъ. При всей своей лѣни, даже князь зналъ довольно хорошо греческую миѳологію и французскую исторію, больше въ то время не требовалось; тогда, у насъ еще не выдумывали своей литературы, о русскихъ журналахъ и не снилось никому, развѣ одному Новикову; русской исторіи тоже еще не было открыто. Знали только что царствовалъ мудрый правитель Олегъ, о которомъ сама императрица изволила писать пьэсу, знали еще благодаря Вольтеру нѣкоторые невѣрныя подробности о царствованіи Петра I. У княгини было таки небольшое собраніе русскихъ книгъ сочиненія Сумарокова; Россіада Хераскова, Камень вѣры Стефана Яворскаго и томовъ сорокъ записокъ вольнаго эко-

помическаго общества, но молодые люди никогда не развертывали этихъ книгъ.

Княгиня свезла дѣтей въ гвардію и сама поселилась въ Петербургѣ. Служба тогда была легкая. Изрѣдка приходилось надѣть мундиръ, въ кои вѣки доставалось побывать въ караулѣ, это даже нравилось какъ разнообразіе. Остальное время, кромѣ родственныхъ визитовъ, визитовъ къ важнымъ людямъ, обѣдни по воскресеньямъ въ домовой церкви княгининаго брата и скучнаго обѣда у самой княгини, было въ полномъ распоряженіи молодыхъ людей. Князь радовался мундиру, радовался волѣ, пылко бросался на всѣ наслажденія, на всѣ удовольствія; отроду не останавливавшійся ни на чемъ и отроду ни на чемъ не останавливаемый, онъ часто обжигался, былъ обманутъ, ссорился и при всемъ этомъ былъ славный товарищъ и лихой малый. Столыгинъ былъ скромнѣе; онъ глядѣлъ на своего товарища съ какимъ то снисхожденіемъ, порицая внутри все что дѣлалось. Изъ всѣхъ исторій Столыгинъ выходилъ чистымъ, такъ мастерски онъ умѣлъ себя держать. Князь любилъ его, вѣрилъ въ его дружбу, признавалъ его превосходство и съ дѣтскимъ простосердечіемъ прибѣгалъ во всякомъ трудномъ случаѣ къ Мишѣ за совѣтомъ.

Князь былъ хорошъ собою, румяный, нѣжный, отрочески мужественнаго вида съ легкимъ пухомъ на

губахъ, съ чистымъ голубымъ взглядомъ, онъ нравился особенно сангвиническимъ дѣвицамъ и молодымъ вдовамъ. Столыгинъ, бравшій нестолько красотою сколько дерзкой рѣчью, любезностью и злословіемъ, не могъ простить своему другу его высокій ростъ, его красивыя черты, и старался всякой разъ затмить его остротами и колкостями.

Они занялись исключительно волокитствомъ; отъ боярскихъ палатъ до швеи иностраннаго происхожденія и до отечественныхъ Охтенокъ, ничего не ускользало отъ нашихъ молодыхъ людей. Къ томуже князь успѣлъ раза два проиграться въ пухъ, надавать векселей за страстную любовь, побить какихъ то соперниковъ, упасть изъ саней мертво пьяный, словомъ сдѣлать все, что въ тѣ счастливыя времена называлось службой въ гвардіи.

Когда Столыгинъ замѣтилъ что не смотря на все его краснорѣчіе, князь рѣшительно беретъ верхъ у женщинъ, онъ сталъ его подбивать ѣхать въ Парижъ. Дѣйствительно только этого рукоположенія и недоставало нашимъ друзьямъ.

Сначала, какъ водиться, княгиня не хотѣла пустить; потомъ сама имъ выпросила отпускъ. Надзоръ за дѣтьми снова былъ порученъ Дрейяку успѣвшему въ антрактѣ образовать еще двухъ русскихъ помѣщиковъ греческою миѳологіей и французскою исторіей. Тогда еще существовали пространство

и даль, не такъ какъ теперь, мѣсяца два тащились они до Парижа.

...Улицы кипѣли народомъ, тамъ сямъ стояли отдѣльныя групы, что то читая, что то слушая; крикъ и пѣсни, громкіе разговоры, грозные возгласы и движенія, все показывало ту лихорадочную возбужденность, ту удвоенную жизнь, то судорожное и страстное настроеніе, въ которомъ былъ Парижъ того времени; казалось что у камней бился пульсъ, въ воздухѣ была примѣшана электрическая струя, наводившая душу на злобу и безпокойство, на охоту борьбы, потрясеній, страшныхъ вопросовъ и отчаянныхъ разрѣшеній, на все чѣмъ были полны писатели XVIII вѣка. И все это выговорилось, заявилось, выказалось путникамъ, прежде нежели запыленый и тажелый дормезъ остановился у отеля въ улицѣ Сентъ-Оноре и двое крѣпостныхъ слугъ, стали отстегивать пряжки у важей...

И вотъ Михайло Степановичъ напудреный и раздушеный, въ шитомъ кафтанѣ, съ крошечною шпажкой, съ подвязанными икрами, весь въ кружевахъ и цѣпочкахъ остритъ въ Версалѣ какъ острилъ въ Петербургѣ; онъ толкуетъ о тьерсъ-эта, превозноситъ Неккера и пугаетъ смѣлостью опасныхъ мнѣній двухъ старыхъ маркизъ, которыя отъ страха хотятъ ѣхать въ Берри въ свои имѣнія. Его замѣтили. Нѣсколько колкостей удачно имъ сказаныхъ повто-

рялись: "Знаете что меня всего болѣе удивляетъ въ этомъ marquis hyperboréen, сказалъ разъ сдавая карты, пожилой абатъ съ сухимъ и строгимъ лицемъ "нестолько умъ — умомъ насъ, слава Богу, нелегко удивить — нѣтъ меня поражаетъ его способность все понимать и ни въ чемъ не брать участія; для него жизнь, кипящая возлѣ, имѣетъ тотъ же интересъ, какъ сказанія о Сезострисѣ. Это какой то посторонній всему —"Скиѳъ въ Аѳинахъ" замѣтилъ какой то ученый. —Совсѣмъ нѣтъ, возразилъ Абатъ, у Скиѳа было бы что нибудь свое, дикое, а онъ съ виду и съ рѣчи похожъ на меня съ вами. Признаюсь вамъ, я могъ бы ненавидѣть такаго человѣка, еслибъ я не жалѣлъ его. Это болѣзненное произведеніе образованія привитаго къ корню ненуждавшемуся въ немъ. Будьте увѣрены что у него нѣтъ будущности." —"Помилуйте изъ него выйдетъ отличный дипломатъ, онъ даже лицомъ похожъ на Кауница." "Въ самомъ дѣлѣ похожъ" подхватила пожилая дама старавшаяся скрыть свои годы—и гиперборейской маркизъ былъ забытъ.

Пока Столыгинъ занималъ собою гостинныя, князь успѣлъ отбить маленькую актрису у сына какаго то посла, подраться съ нимъ на шпагахъ, обезоружить его, простить и въ тотъже вечеръ ему спустить пятьсотъ червонцевъ. Но маленькая актриса была очень мила и очень благодарна своему рыцарю.

Путешествіе князя и Столыгина окончилось прежде нежели они предполагали, виною этаго былъ Дрейякъ. Де Дрейякъ, котораго прислуга въ трактирѣ звала Мсье ле Шевалье, одобрительно и не безъ заднихъ мыслей улыбался "успѣхамъ человѣчества, и торжеству разума надъ предразсудками;" но онъ какъ всѣ благоразумные люди больше успѣха любилъ безопасность и больше торжества ума и разума — покой. А тутъ вышелъ вотъ какой случай. Погода разъ была чудесная, Дрейякъ пошелъ гулять утромъ; но только что онъ вышелъ на бульваръ, какъ услышалъ за собой какой то нестройный гулъ; онъ остановился и сдѣлавъ изъ руки зонтикъ отъ свѣта началъ всматриваться; сначала онъ увидѣлъ облако пыли, блескъ пикъ, ружей, наконецъ вырѣзалась нестройная пестрая масса людей. Прежде нежели Дрейякъ, что нибудь понялъ, высокій плечистый мущина безъ сертука, съ засученными рукавами, съ тяжелымъ желѣзнымъ ломомъ, повязанный краснымъ платкомъ, поровнявшись съ нимъ спросилъ его громовымъ голосомъ "ты съ нами?" Дрейякъ, блѣдный и ужъ нѣсколько нездоровый, не могъ сообразить какое можетъ имѣть послѣдствіе отказъ и потому медлилъ съ отвѣтомъ; но новый знакомецъ былъ нетерпѣливъ, онъ взялъ нашего шевалье за шиворотъ и сообщивъ его тѣлу движеніе, весьма непріятное повторилъ вопросъ. Дрейякъ вмѣсто отвѣта, уронилъ трость; учтивая дама, почтеннаго размѣра, съ сѣдыми

космами торчавшими изъ подъ чепчика подняла ее и показывая болѣе и болѣе густѣвшей массѣ народа замѣтила "да это акапаристъ, аристократъ, посмотрите какой набалдашникъ, золотой и съ рѣзьбою, что вы толкуете съ нимъ, на фонарь его!" — "На фонарь," сказали нѣсколько голосовъ спокойнымъ, потверждающимъ тономъ, исполненнымъ наивнаго убѣжденія, что дѣйствительно его необходимо повѣсить на фонарь, что это просто аксіома. Человѣка три выступили было съ очень враждебнымъ намѣреніемъ, дѣло остановилось за веревкой, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати обѣщался тотчасъ принести. Дрейякъ воспользовался этимъ временемъ чтобы сказать "помилуйте что вы? съ молодыхъ лѣтъ я питался писаніями нашихъ великихъ писателей, и примѣрами римской и спартанской республики." — "Хорошо, очень хорошо" закричали нѣсколько человѣкъ слышавшихъ только слово "республика."— "Я съ вами — продолжалъ ободренный ораторъ, я принадлежу народу, я изъ народа, какъ же мнѣ не быть съ вами? —" и остановившаяся кучка двинулась впередъ грозно и мрачно, принимая новыя толпы изъ всѣхъ переулковъ и улицъ и братаясь съ ними. Долго спустя раздавался еще на бульварѣ ревъ похожій на морскія волны гонимыя вѣтромъ въ скалистый берегъ, ревъ иногда утихавшій и вдругъ раздававшійся торжественно и страшно.

Дрейяку удалось завернуть, подъ самымъ суетнымъ предлогомъ въ переулокъ, вылучивъ счастливую минуту когда все вниманіе его сосѣдей обратилось на абата, котораго толкали впередъ три торговки; онъ далъ оттуда стречка и пришелъ домой полумертвый, съ потухшими глазами и съ изорваннымъ кафтаномъ. Дома онъ легъ въ постель, велѣлъ налить какой то тизаны и въ первый разъ признался что дорого бы далъ еслибы былъ на варварскихъ, но покойныхъ берегахъ Невы. Тизана помогла ему, онъ началъ приходить въ себя и собирался было прочесть въ Титѣ Ливіи о народномъ возмущеніи противъ Тарквинія старшаго, какъ вдругъ раздался ружейный залпъ, прогремѣла пушка, еще разъ, и еще — а тамъ выстрѣлы въ разбивку; временами слышался барабанъ и дальній гулъ, и гулъ, и барабанъ, и выстрѣлы казалось приближались. По улицѣ бѣжали блузники, работники съ крикомъ "а ла бастиль, а ла бастиль!" Передъ окнами остановили офицера изъ Royal Allemand, стащили съ лошади и повели "о Боже мой, Боже мой, пощади насъ и помилуй" бормоталъ Дрейякъ, измѣняя закону тяготѣнія и забывая что Платонъ Бога называлъ "великимъ геометромъ." Тутъ онъ вспомнилъ что прислуга его называетъ шевалье и это проклятое "де" передъ фамильей. "Всѣ люди, говорилъ онъ гарсону, который вошелъ чтобы вынести чайникъ, равны, всѣ люди братья, и могутъ отличаться только

гражданскими добродѣтелями, любовью къ народу и къ неотъемлемымъ правамъ человѣка."

Михайлъ Степановичъ ходилъ смотрѣть взятіе Бастиліи; Дрейякъ былъ увѣренъ, не видя его вечеромъ, что онъ убитъ и уже начиналъ утѣшаться тѣмъ что нашелъ славную турнюру какъ извѣстить объ этомъ княгиню, когда явился Столыгинъ, помирая со смѣху при мысли какъ его версальскіе пріятели обрадуются новости о взятіи Бастиліи.

Дрейякъ объявилъ, что дольше въ Парижѣ неостанется и не смотря на всѣ споры и просьбы, опираясь на полномочіе княгини отстоялъ свое мнѣніе, съ тѣмъ мужествомъ, которое можетъ дать одинъ сильный страхъ; дѣлать было нечего, дѣти воротились. И маленькая француженка очутилась какъ то въ тоже время на Литейной и сильно хлопотала объ отдѣлкѣ своей квартиры и топала ножкой съ досады что лакей Кузьма, ничего не понимаетъ что она говоритъ.

Разъ вечеромъ князь засталъ Михайла Степановича въ слишкомъ огненномъ разговорѣ съ Mademoiselle Nina. Князь былъ не въ духѣ, разсердился и обошелся колко, сухо съ Столыгинымъ. Столыгинъ и уступилъ бы, да на бѣду онъ взглянулъ на плутовскіе глазки маленькой Француженки,—глазки помирали со смѣху, и щурясь какъ будто говорили "какаяжъ ты дрянь." Взглядъ этотъ подзадорилъ его. Ссора разгорѣлась. Князь не помня себя выбро-

силъ Столыгина за дверь и разругалъ его такъ, что на этотъ разъ маленькая Нина ничего не поняла, а Кузьма все понялъ.

Они дрались. Дуэль кончилась почти ничѣмъ. Столыгинъ ранилъ князя въ щеку, Это подражаніе цезаревымъ солдатамъ въ Фарсальской битвѣ, врядъ было ли случайно, за то оно и не прошло ему даромъ; раны на щекѣ невозможно было скрыть. Княгиня узнала черезъ людей о дуэли и приказала Столыгину оставить ея домъ.

Такимъ образомъ лѣтъ двадцати восьми отъроду, Столыгинъ очутился впервые на собственныхъ ногахъ.

Привычный къ роскоши княгинина дома, онъ такъ испугался своей бѣдности, хотя онъ очень прилично могъ жить своими доходами, что сдѣлался отвратительнѣйшимъ скрягой. Онъ дни и ночи проводилъ въ придумываніи какъ бы разбогатѣть. Одна надежда у него и была, на смерть дяди, но старикъ былъ здоровъ, почеркъ его писемъ былъ оскробительно твердъ.

Онъ было принялся хозяйничать, дядя вручилъ ему бразды правленія послѣ его выѣзда изъ дома княгини, но какъ то неловко, и зналъ то онъ плохо сельское дѣло и время терялъ на мелочи. Но человѣкъ этотъ, какъ говорятъ, родился въ рубашкѣ. Къ нему повадился ходить какой то отставной морской офицеръ, основываясь на томъ что онъ служилъ

вмѣстѣ съ его вотчимомъ въ Севастополѣ и зналъ его родительницу. Морякъ имѣлъ процессъ и зналъ что черезъ связи Столыгина, можетъ его выиграть. Столыгинъ обѣщалъ ему, чтобъ отдѣлаться отъ него, поговорить съ тѣмъ и съ другимъ, и разумѣется не говорилъ ни съ кѣмъ. Но морякъ привыкъ выжидать погоды, онъ всякой день сталъ ходить къ Столыгину. Ему отказывали—онъ возвращался, его не пускали — онъ прогуливался около дома и ловилъ Столыгина на улицѣ. Наконецъ Михайло Степановичъ выведенный изъ терпѣнія, исполнилъ его просьбу. Офицеръ былъ безмѣрно счастливъ.

"Чѣмъ вы намѣрены заниматься?" спросилъ его Столыгинъ перебивая длинное и скучное изъявленіе флотской благодарности.— "Искать частной службы, по части управленія имѣніемъ" отвѣчалъ Морякъ. Михайлъ Степановичъ посмотрѣлъ на него и почти покраснѣлъ отъ мысли, какъ онъ до сихъ поръ не подумалъ употребить его на дѣло. Дѣйствительно человѣкъ этотъ былъ для него кладъ.

Морякъ какъ нарочно отчасти уцѣлѣлъ для благосостоянія хозяйства Столыгина; онъ леталъ на воздухъ при взрывѣ какаго то судна подъ Чесмой, онъ былъ весь израненъ, поломанъ и помятъ; но не смотря на пристегнутый рукавъ вмѣсто лѣвой руки, на отсутствіе уха и на подвязанную челюсть, эта хирургическая рѣдкость сохранила неутомимую дѣятельность, безпрерывно разлитую желчь и смор-

щившееся отъ худобы и злобы лицо. Онъ былъ исполнителенъ и честенъ, онъ никого бы не обманулъ, тѣмъ болѣе человѣка, которому былъ обязанъ важной услугой; но многимъ именно эта честность и эта исполнительность показались бы хуже всякаго плутовства.

Михайлъ Степановичъ предложилъ ему ѣхать осмотрѣть его имѣніе. Морякъ отправился.

V.

НАСЛѢДНИКЪ.

Столыгинъ ждалъ Моряка съ часу на часъ со всѣми его проэктами и планами, когда вмѣсто его пришло краснорѣчивое письмо Тита. Онъ немедленно поскакалъ въ Москву. Въ Москвѣ его ожидала новая радость, которой онъ не могъ и предполагать. Титъ Трофимовъ и староста, пріѣхавшіе поклониться

новому барину, извѣстили его о смерти Маѳы Петровны. — "А что есть завѣщаніе?" спросилъ съ нѣкоторымъ беспокойствомъ Михайлъ Степановичъ "покойная тетушка письмо только изволила вашей милости оставить," отвѣчалъ Титъ вынимая бумажникъ. "Ты бы съ этаго и началъ болванъ," замѣтилъ Столыгинъ поспѣшно, вырывая изъ рукъ Тита письмо. Лице его просвѣтлѣло при чтеніи, онъ видѣлъ ясно что смерть такимъ сюрпризомъ подкосила стариковъ, что они не успѣли сдѣлать "никакихъ глупыхъ распоряженій."

—"Кто при домѣ въ деревнѣ остался? За коимъ чертомъ вы оба пріѣхали?" Спросилъ Михайлъ Степановичъ.

—"Агафья Петровна ключница, батюшка, и покойной тетушки дядюшка маіоръ съ супругой."

—"Они то первые и растащутъ все, да гдѣже бумаги?"

—"Въ кабинетѣ покойнаго барина, дверь вотчиной печатью запечатана и десятской приставленъ въ калидорѣ."

—"Я завтра собираюсь въ Липовку, будьте готовы."

—"Милости просимъ батюшка, отвѣчалъ низко кланяясь староста. Лошади дожидаются, моихъ тройка на вашемъ дворѣ, да крестьянскихъ еще двѣ придутъ подъ вечеръ въ Роговскую.

—"Хорошо ступай. А ты, эй! Титъ! сейчасъ съ Ильей Антипычемъ, (такъ назывались остатки морскаго офицера, задержанные въ Москвѣ вѣстью о кончинѣ Льва Степановича) въ домѣ все по описи прими, слышишь." "Слушаю, батюшка" отвѣчалъ Титъ густымъ голосомъ.

На другой день баринъ и первый министръ его отправились въ подмосковную. На границѣ Липовской земли ждали Михайла Степановича дворовые люди и депутація отъ крестьянъ съ хлѣбомъ и солью. Староста и Титъ Трофимовъ, ѣхавшіе впереди въ телѣгѣ, остановили дормезъ и доложили Михайлу Степановичу, что этотъ большой камень и эта большая яма означаютъ границу его владѣній. Онъ вышелъ изъ кареты; подданые повалились въ ноги, старикъ сѣдой какъ лунь, съ длинной бородой и съ лицемъ буонаротіевскихъ статуй поднесъ хлѣбъ и соль. Михайло Степановичъ указалъ Титу чтобы онъ принялъ хлѣбъ и дребезжащимъ голосомъ сказалъ крестьянамъ: что благодаритъ ихъ за хлѣбъ за соль, но надѣется что они усердіе свое докажутъ на дѣлѣ. "А что на оброчныхъ есть недоимка?" "Есть невеликое, батюшка, дѣло" отвѣчалъ староста. "А ты чего смотрѣлъ, у меня чтобы слово недоимка небыло извѣстно. Слышишь! Какой оброкъ платятъ, неслыханое дѣло, дядюшка такъ попустилъ отъ старости. Я чай вамъ, православные, передъ сосѣдями

совѣстно, такъ мало платить." — "Они легко могутъ платить еще по десяти рублей съ тягла" замѣтилъ Морякъ.

— "Еще бы подмосковные мужики. Видите что люди говорятъ." "Какъ вашей милости взгодно будетъ, какъ изволите, батюшка, установить наше крестьянское дѣло сполнять" сказалъ буанаротьевской старикъ и мужики снова поклонились въ землю, благодаря за доброе намѣреніе лишить ихъ стыда такъ мало платить. "Объ этомъ я поговорю завтра, собери утромъ на барской дворъ стариковъ."

—"Это что за рожи? продолжалъ помѣщикъ, обращая привѣтствіе къ дворовымъ. "Откуда это покойникъ набралъ ихъ, одинъ Титъ на человѣка похожъ. Кто это, въ засаленомъ панковомъ сертукѣ, на право—то?"

—"Земской Василій Никитинъ, отвѣчалъ староста, то есть онъ батюшка по ревизіи записанъ Львомъ, да покойный дядюшка, взявши во дворъ, изволили Васильемъ назвать." "Сюда отъ него виномъ пахнетъ. Дорогу къ кабаку вы не будете у меня знать."

Послѣ этой рѣчи онъ быстрыми шагами пошелъ по дорогѣ съ Морякомъ, который шелъ возлѣ безъ фуражки; староста и Титъ плелись нѣсколько отступя и не глядя другъ на друга, а за ними дворовые, крестьяне, дормезъ и тѣлега. Никто почти ничего не говорилъ, на сердцѣ у всѣхъ было тяжело, нело-

вко. Когда они шли по селу, дряхлые старики, старухи выходили изъ избъ и земно кланялись, дѣти съ крикомъ и плачемъ прятались за вороты, молодыя бабы съ ужасомъ выглядывали въ окна; одна собака какая то, смѣлая и даже разсерженая процессіей выбѣжала съ лаемъ на дорогу, но Титъ и староста бросились на нее съ такимъ остервененіемъ, что она поджавши хвостъ пустилась во весь опоръ и успокоилась только забившись подъ крышу послѣдняго овина. Такъ достигли господскаго дома, тутъ дожидались священникъ съ женою и съ сотами отъ пчелокъ своихъ, тощій, плѣшивой діаконъ и причетники съ волосами, которыхъ разчесать не было возможности. Слѣпой маіоръ и Молдаванка, повязанная бѣлымъ платкомъ и закутанная въ черную шаль покойной благодѣтельницы, встрѣтили въ сѣняхъ новаго обладателя Липовки.

Михайло Степановичъ учтиво обошелся со всѣми, но всѣмъ какъ то стало жаль Льва Степановича больше нежели прежде. Онъ попросилъ священника отслужить молебенъ съ водоосвященіемъ и потомъ панихиду о покойникѣ; освѣдомился говѣютъ ли крестьяне и отправился въ запечатанный кабинетъ, сопровождаемый Морякомъ. Онъ нашелъ все въ порядкѣ и деньги и ломбардные билеты. Говорятъ что онъ нашелъ еще записку, въ которой дядюшка изъявлялъ желаніе отпустить на волю дворовыхъ, но онъ справедливо замѣтивъ Моряку, что стало быть

дядя раздумалъ если самъ ненаписалъ отпускныхъ и что въ такомъ случаѣ отпустить ихъ было бы противно желанію покойника — сжегъ эту записку на свѣчѣ.

На другой день Михайло Степановичъ возвѣстилъ маіору и его супругѣ, что свято исполняя волю покойной тетушки, поручившей ему не оставить ихъ, онъ имъ жалуетъ двѣ тысячи рублей. Причемъ онъ вручилъ билетъ (по которому проценты были взяты). Потомъ онъ имъ объявилъ, что сколько ни желалъ бы, но не можетъ по разнымъ соображеніямъ оставить за ними комнаты и совѣтуетъ имъ переѣхать въ Москву. "Кирилѣ Васильевичу часто можетъ быть, прибавилъ онъ, нужда въ докторѣ, ему непремѣнно надобно жить въ городѣ." Молдаванка хотѣла было просить Михайла Степановича позволить имъ остаться, хоть въ людской избѣ, но встрѣтивъ холодные глаза его съ рыжеватыми рѣсницами, она не смѣла вымолвить ни слова и пошла укладывать свои пожитки.

Осмотрѣвши прочія имѣнія и повелѣвъ безпрекословно слушать во всемъ моряка, онъ уѣхалъ въ Петербургъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отправился снова за границу. Гдѣ онъ былъ, что дѣлалъ въ продолженіи цѣлыхъ четырехъ лѣтъ? Трудно сказать. И что собственно его привязывало къ заграничной жизни...?

Когда онъ воротился въ Москву, Морякъ подалъ

ему отчеты; другіе проживаются въ путешествіи, Михайло Степановичъ нашелъ во всемъ приращеніе, безъ всякого труда, безъ всякихъ пожертвованій почти; онъ чрезвычайно мало давалъ моряку. Даже теперь воротившись изъ путешествія онъ отдѣлался золотыми нортоновскими часами, которые купилъ по случаю и о которыхъ разсказывалъ моряку, чтобъ поднять ихъ цѣну, что они принадлежали адмиралу Элфингстону.

Одинъ одинехонекъ жилъ Михайло Степановичъ въ огромномъ и запустѣломъ домѣ на Яузѣ. Что то страшно угрюмое было въ его существованіи, онъ ни съ кѣмъ не знался, рѣдко выѣзжалъ ничего не дѣлалъ, былъ скупъ до отвратительности и скрытно, прозаически, дешево развратенъ. Каждую недѣлю пріѣзжалъ изъ Липовки морякъ и Столыгинъ оставлялъ его дня на два, подъ предлогомъ разныхъ дѣлъ, а въ сущности изъ потребности живаго человѣка. Дворню свою онъ страшно тѣснилъ. У него въ воображеніи все носился домъ княгини и онъ хотѣлъ достигнуть чего то подобнаго не тратя денегъ; задача была невозможная, на всякомъ шагу онъ видѣлъ что ему не удается, бѣсился и вымѣщалъ это на слугахъ. При всей своей скупости, онъ серьезно имѣніемъ не занимался, иногда только, безъ всякой нужды онъ врывался въ управленіе моряка, распространялъ ужасъ и трепетъ, брилъ лбы, наказывалъ, бралъ во дворъ, обремѣнялъ совершенно ненужными

роботами — тамъ дорогу велитъ проложить, тутъ сарай перенести съ мѣста на мѣсто.... показавши такимъ образомъ свою власть, онъ снова предоставлялъ моряку управленіе крестьянами.

Сверхъ моряка являлся къ Столыгину раза два въ недѣлю высокой, подслѣпый мѣняла въ безконечномъ сертукѣ; моргая глазами и пошевеливая плечомъ, онъ называлъ всѣ камни и всѣ вещи наизнанку, что вовсе ему не мѣшало быть тонкимъ знатокомъ. Черезъ него Михайло Степановичъ помѣщалъ свои деньги, за баснословные проценты. Мѣняла, неудовлетворяясь куртажемъ за безносныхъ адонисовъ, за новые антики и старыя картины,— занимался въ свободное время пріятною должностью сводчика. Михайлѣ Степановичу не хотѣлось выступать ростовщикомъ, да не хотѣлось тоже и капиталъ оставлять на одни несчастные пять процентовъ, которые тогда платилъ ломбардъ, такъ онъ и прибѣгалъ къ услугамъ мѣнялы. Не смотря на всѣ предосторожности его, мѣняла все таки надулъ Столыгина. Завелся процессъ. Ни одинъ сенатскій секретарь, ни одинъ герой посѣдѣвшій въ чернилахъ, вскормленный на справкахъ и сандаракѣ, не догадался бы никогда чѣмъ окончится этотъ процессъ.

Хожденіе по дѣлу было поручено Столыгинымъ, знаменитому тогда въ Москвѣ стряпчему, оставному статскому совѣтнику Валерьяну Андреевичу Трегубскому. У стряпчаго была дочь, скромная, запуган-

ная отцемъ, дикая отъ одиночества и очень не дурная собою. Михайлѣ Степановичу она приглянулась, онъ любилъ эти скромныя волокитства, не вовлекавшія въ большія траты. Молодая дѣвушка совершенно неопытная и подбиваемая безпрерывно кухаркой, шла, сама не зная какъ, прямо на свою гибель. Кухарка статскаго совѣтника, помогавшая Столыгину за бѣленькую бумажку и за золотыя серги, которыя онъ обѣщалъ, но все не приносилъ, вдругъ испугалась могущихъ быть изъ этой связи послѣдствій и разъ вечеромъ, не много напившись все разсказала отцу, разумѣется кромѣ собственнаго участія. Старикъ разомъ убѣдился въ справедливости доноса и въ томъ что предупредить поздно, но поправить самое время.

Сказать по правдѣ, новость эта больше обрадовала его, нежели опечалила; тѣмъ не менѣе онъ съ свирѣпостью напалъ на дочь, разбранилъ ее, оттаскалъ по обычаю праотцевъ за косу, заперъ въ чуланъ, словомъ, сдѣлалъ все что требовала оскорбленная любовь родителя. Исполнивъ эту тяжелую, хотя и святую обязанность, онъ снова сдѣлался чѣмъ былъ— стряпчимъ и принялся дѣлать повальный обыскъ въ комнатѣ дочери. Нашелъ онъ и записочки и вещицы разныя, все пересмотрѣлъ внимательно, все перечиталъ раза два, три. Прочтенное явнымъ образомъ доставляло ему удовольствіе. Онъ взялъ письмо къ себѣ, принялся самъ писать, писалъ долго,

подгибая третій палецъ подъ перо, и наклоняя правый глазъ къ самой бумагѣ. И перемарывалъ онъ, и перечитывалъ, и прибавлялъ, и сокращалъ, наконецъ удовлетворенный редакціей, онъ раза два до кашля понюхалъ табаку и принялся переписывать на бѣло. Переписавши, онъ взялъ свѣчу и отправился къ дочери.

Бѣдная дѣвушка, оскорбленная, униженная, пристыженая, заплаканная сидѣла въ углу. Старикъ на все на это считалъ какъ нельзя лучше. "Убила, говорилъ онъ ей, убила старика отца, сѣдины покрыла позоромъ," дѣвушка стояла ни живая ни мертвая и шептала блѣдными губами "простите, простите." — "Поди сюда, закричалъ отецъ, возми перо, пиши, тутъ — нуже." — "Батюшка!" — "Да ты еще не слушаться, опозорила отца, да и изъ повиновенія вышла, тебѣ говорятъ пиши," и онъ диктовалъ "дочь статскаго совѣтника Марья Валерьяновна Трегубская." Дѣвушка писала въ лихорадкѣ, въ безуміи; когда отецъ взялъ у нее перо, руки ея опустились, она упала на колѣни передъ пустымъ стуломъ и прижала къ нему голову. Почтенный старецъ вышелъ не говоря ни слова, онъ думалъ что ему больше придется ломаться, онъ былъ даже нѣсколько сконфуженъ легкой побѣдой.

На другой день Столыгинъ получилъ отъ статскаго совѣтника длинное письмо; онъ сообщалъ ему что вѣсть о томъ что Михайло Степановичъ, опутавъ

коварными обѣщаніями, повергъ его дочь въ гибель несчастія и лишилъ его послѣдней опоры и послѣдняго утѣшенія, поразила его въ самое сердце; что онъ находитъ наконецъ положеніе жертвы его соблазна, сомнительнымъ. А потому полагаетъ, что онъ навѣрно свой поступокъ покроетъ Божіимъ благословеніемъ черезъ бракъ, которымъ возвратитъ ей честь, а себѣ спокойствіе совѣсти, которое превыше всѣхъ благъ земныхъ. Будеже (чего Боже сохрани) Михайлѣ Степановичу это не угодно, то онъ съ прискорбіемъ долженъ будетъ сему дѣлу дать гласность и просить защиты у недремлющаго закона и у высокихъ особъ, Богомъ и монархомъ поставленныхъ невиннымъ въ защиту и сильнымъ въ обузданіе; въ подкрѣпленіе же просьбы, сверхъ свидѣтельства домашнихъ, онъ съ душевнымъ прискорбіемъ приведетъ разные документы собственною Михайла Степановича рукою писанные. Въ заключеніи, оскорбленный отецъ, счелъ нужнымъ присовокупить что преступная дочь его, есть съ тѣмъ вмѣстѣ его единственная наслѣдница, какъ дома, что въ Хамовнической части, въ третьемъ кварталѣ, за N. 99 такъ и капитала имѣющаго ей достаться, когда Господу Богу угодно будетъ прекратить грѣшные дни его.

Михайло Степановичъ задохнулся отъ гнѣва и отъ страха; онъ очень хорошо зналъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло, ему представились траты, мировыя сдѣлки, грѣхъ

пополамъ. О бракѣ онъ и не думалъ, онъ считалъ его не возможнымъ. Въ своемъ отвѣтѣ онъ просилъ старика ве вѣритъ клеветамъ, увѣрялъ что онъ ихъ разсѣетъ, говорилъ что это козни его враговъ, завидующихъ его спокойной и безмятежной жизни и главное уговоривалъ его не торопиться въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ честь его дочери.

Валеріанъ Андреевичъ не даромъ лѣтъ сорокъ былъ стряпчимъ; онъ видѣлъ что Столыгинъ выигрываетъ время, что слѣдственно ему его терять неслѣдуетъ. Между разными дѣлами, ввѣренными его хожденію, былъ у него на рукахъ длинной, запутанной процессъ о горныхъ заводахъ, однаго графа, находившагося въ большой силѣ. Трегубской отправился къ нему и вдругъ докладывая ему о теченіи дѣла подобралъ нижнюю губу, опустилъ щеки, сдѣлалъ пресмѣшной видъ и началъ капать слезами. Графъ удивился, встревожился, сталъ спрашивать, старикъ просилъ прощенія, извинялся своимъ нѣжнымъ сердцемъ и безмѣрнымъ горемъ, наконецъ разсказалъ всю исторію, показалъ письма Столыгина и просьбы дочери. Графъ, забывая вовсе ненужныя въ то время воспоминанія собственныхъ продѣлокъ, принялъ сердечное участіе въ горѣ несчастнаго старца и сказалъ ему отпуская его: "Будь покоенъ, негодяю этому даромъ это не пройдетъ. Оставь письмо дочери у меня. Да кстати, апеляціонную записку по моему дѣлу окончи поскорѣе." Старикъ успокоился.

Черезъ нѣсколько дней предводитель дворянства пригласилъ къ себѣ Михайла Степановича по "экстренному и конфиденціальному дѣлу." Освѣдомившись о состояніи его здоровья и объ урожаѣ озимыхъ хлѣбовъ, предводитель спросилъ его—какъ онъ намѣренъ окончить неосторожный пасажъ свой съ дѣвицей Трегубской, присовокупляя что ему велѣно посовѣтовать Михайлѣ Степановичу кончить это дѣло какъ слѣдуетъ дворянину и христіанину. Столыгинъ пустился въ рядъ объясненій. Предводитель выслушалъ ихъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ, и замѣтилъ, что все это совершенно справедливо, но что онъ тѣмъ не менѣе увѣренъ что Михайло Степановичъ оправдаетъ довѣріе высокихъ особъ и поступитъ какъ христіанинъ и дворянинъ; что впрочемъ онъ его проситъ, даетъ себѣ трудъ, прочесть письмо полученное имъ по поводу этой непріятной исторіи.

Михайло Степановичъ прочелъ письмо и положилъ его на столъ, молча и съ измѣнившимся лицомъ.

"Не угодно ли вамъ будетъ теперь спросилъ его предводитель, подписать вотъ эту бумажку?" Столыгинъ взялъ перо. "Позвольте—позвольте, съ жаромъ замѣтилъ предводитель, вѣжливо вырывая изъ его руки перо, "это перо не хорошо, вотъ это гораздо лучше." Столыгинъ взялъ лучшее перо и нѣсколько дрожащей рукой подписалъ. Думать надобно что первая бумага была очень краснорѣчива и вполнѣ убѣждала въ необходимости подписать вторую. Пред-

водитель прощаясь сказалъ Столыгину, что онъ искренно и сердечно радъ что дѣло кончилось келейно и что онъ такъ прекрасно, какъ истинный патріотъ и настоящій христіанинъ, рѣшился поправить поступокъ или лучше пасажъ.

Черезъ недѣлю Михайло Степановичъ былъ женатъ. Не смотря на то что Москва классическая страна бракосочетаній, но я увѣренъ что со времени знаменитаго кутежа, по поводу котораго въ лѣтописяхъ въ первый разъ упоминается имя Москвы и до нашихъ дней, не было человѣка менѣе расположеннаго и менѣе годнаго къ семейной жизни какъ Столыгинъ. Благодѣтельное начальство исправило эти недостатки, отеческимъ вмѣшательствомъ своимъ.

Трудно себѣ представить, хуже, нелѣпѣе и неловче положенія бѣдной новобрачной. Перейдя по распоряженію высшаго правительства, изъ затворничества, въ которомъ ее держалъ старый писарь, въ чужой домъ, въ которомъ не было въ ней нужды, въ которомъ ничего не перемѣнилось отъ ея появленія—положеніе ея собственно ухудшилось. Столыгинъ ее держалъ не какъ жену, а какъ крѣпостную фаворитку. У ней не было ни одной знакомой, Столыгинъ запретилъ ей принимать какихъ то родственницъ, раза два являвшихся изъ за Москвы рѣки позавидовать ея счастію; она сама не хотѣла дѣлить досуги съ племянницей моряка, которую Столыгинъ хотѣлъ ввести по части супружеской тайной полиціи.

Она никуда не выѣзжала, иногда только Михайло Степановичъ предлагалъ женѣ проѣхаться въ каретѣ, одной, и тутъ кучеру и лакею давалась инструкція какими улицами ѣхать.

Нѣсколько лѣтъ оставалась она потерянной, оскорбляемой и безгласной. Существо доброе, готовое любить, готовое на всякую преданность, она отдавалась молча своей судьбѣ и вспоминая страданія выносимыя отъ отца, она думала что такъ и надобно, что такое положеніе женщины на свѣтѣ.

Первый утѣшитель явившійся ей былъ малютка Анатоль, родившійся черезъ годъ послѣ ея свадьбы; впослѣдствіи онъ же и развилъ, и воспиталъ, и освободилъ ее.

Рожденіе сына на нѣсколько степеней поправило положеніе Марьи Валеріановны. Столыгинъ былъ доволенъ сходствомъ. Онъ до того расходился въ первыя минуты радости, что съ благосклонной улыбкой спросилъ Тита: "ты видѣлъ маленькаго?" и когда Титъ отвѣчалъ, что несподобился еще этого счастія, онъ велѣлъ кормилицѣ показать Анатоля Михайловича Титу. Титъ подошелъ къ ножкѣ новорожденнаго и со слезами умиленія три раза повторилъ: "настоящій папенька, вылитой папенька, папенькинъ потретъ."

Михайло Степановичъ очень довольный, тутъ же отдалъ приказъ, чтобы люди вставали когда проходитъ кормилица съ маленькимъ бариномъ; а корми-

лицѣ напротивъ разрѣшилъ сидѣть даже въ своемъ присутствіи ; чего впрочемъ она никогда не дѣлала, повинуясь инструкціямъ моряка. Кормилица была изъ Липовки. За двѣ недѣли до родовъ Марьи Валеріановны, приказалъ Столыгинъ моряку, выслать для выбора двухъ трехъ здоровыхъ, красивыхъ и недавно родившихъ бабъ съ ихъ дѣтьми. Морякъ выслалъ шесть, и мѣра эта оказалась вовсе неизлишней ; отъ сильнаго мороза и слабыхъ тулуповъ, двѣ лучшія кормилицы, отправленныя на пятой день послѣ родовъ простудились и такъ основательно, что потомъ сколько ихъ старуха птичница ни окуривала калганомъ и сабуромъ, все таки водяная сдѣлалась ; у третьей на дорогѣ съ ребенкомъ родимчикъ приключился, вѣроятно отъ дурнаго глаза, и не смотря на чистой воздухъ и прочія удобства зимняго пути, въ пошевняхъ онъ умеръ не доѣзжая Реполовки, гдѣ обыкновенно Липовскіе останавливались ; такъ какъ у матери отъ этаго молоко поднялось въ голову, то она и оказалась неспособною кормить грудью. Остались три для выбора, согласно желанію Михайла Степановича. Изъ нихъ онъ самъ съ повивальной бабкой избрали женщину дѣйствительно, замѣчательную. Будучи третій годъ за мужемъ, она еще не утратила ни красоты, ни здоровья и была то что называется кровь съ молокомъ, со сливками даже можно сказать. На организмъ, который не только безнаказанно, но такъ торжественно вынесъ бѣдность,

работу, отца, мать, жнитво, мужа, двухъ снохъ, старосту, свекровь и барщину, можно было слѣпо положиться. Кормилица на барскомъ дворѣ въ два мѣсяца сдѣлалась вдвое толще и румянѣе. Такъ что свекровъ приходившая иногда изъ деревни, не могла безъ ненависти видѣть ее и всякой разъ бормотала выходя изъ воротъ "вишь разъѣлась на барскихъ чаяхъ какая. Дай срокъ воротишься домой, спустимъ жиръ... Погоди." Говорятъ, что простодушная старушка добросовѣстно сдержала обѣщаніе.

Для дворни малютка сдѣлался новымъ источникомъ гоненій и несчастій. Стукъ во время его сна, сквозной вѣтеръ, отворенная дверь — все это выводило изъ себя Столыгина. Что выпесла бѣдная няня, та самая Настасья, которая послужила невольной причиной смерти Льва Степановича, мудрено себѣ представить. Кормилицѣ дозволялось иногда спать, Настасья должна была день и ночь быть на лицо. Она раздѣвалась разъ только въ недѣлю — въ банѣ. Настасьѣ было приказано, чтобы лѣтомъ въ дѣтской не было мухъ; она отвѣчала за крикъ ребенка, за то что онъ падалъ начиная ходить, за насморкъ который дѣлался отъ прорѣзыванія зубовъ... И подите изслѣдуйте тайны сердца человѣческаго — Настасья любила до безумія ребенка, существованіемъ котораго отравлялась вся жизнь ея, за котораго она вынесла сколько нравственныхъ страданій, столько и физической боли. Марья Валеріановна сколько могла во-

знаграждала ее и лаской и подарками, но сама чувствовала какую бѣдную замѣну она ей даетъ за лишенія всякаго покоя, за вѣчный страхъ, вѣчную брань и вѣчное преслѣдованіе.

Пока ребенокъ былъ звѣркомъ, баловству со состороны Михайла Степановича не было конца; но когда у Анатоля начала развиваться воля, любовь отца стала превращаться въ гоненіе. Болѣзненный эгоизмъ Столыгина, раздражительная капризность и избалованность его не могли выносить присутствія чего бы то ни было свободнаго; онъ даже собаченку, не знаю какъ попавшуюся ему, до того испортилъ что она ходила при немъ повѣся хвостъ и опустя голову какъ чумная.

Марья Валеріановна, до тѣхъ поръ кроткая и самоотверженная, явилась женщиной съ характеромъ и съ волей непреклонной. Она не только рѣшилась защитить ребенка отъ очевидной порчи, но уважая въ себѣ его мать, она сама стала на другую ногу. Эту оппозицію, тотчасъ замѣтилъ Михайло Степановичъ и рѣшился сломить ее во чтобы то ни стало.

Пяти-шести лѣтній Анатоль былъ свидѣтелемъ грубыхъ, отвратительныхъ сценъ, нервный и нѣжный мальчикъ судорожно хватался за платье матери, и не плакалъ, а послѣ ночью стоналъ во снѣ и проснувшись дрожа всѣмъ тѣломъ спрашивалъ няню "папаша еще тутъ, ушелъ папаша?" Марья Валеріановна чувствовала необходимость положить

предѣлъ этому и не знала какъ. Обстоятельства, какъ всегда бываетъ, помогли ей.

Въ гостинной стояла горка, на которой были разставлены всякія ненужности, взятыя у мѣнялы, для поощренія его. Анатоль, тысячу разъ игравшій этой дрянью подошелъ къ горкѣ и взялъ какую то фарфоровую куклу. "Не тронь!" закричалъ отецъ. Анатоль посмотрѣлъ на него съ испугомъ, оставилъ куклу и черезъ двѣ минуты опять ее взялъ. Михайло Степановичъ подошелъ къ нему, схватилъ за руку и дернулъ его съ такою силой, что онъ грянулся объ полъ и разбилъ себѣ до крови лобъ. Мать и няня бросились къ нему. "Оставьте его, это вздоръ, капризы," закричалъ отецъ; няня пріостановилась въ недоумѣніи, но мать не обращая никакого вниманія на слова мужа, подняла Анатоля и понесла его, говоря: "пойдемъ дружокъ мой въ дѣтскую, папаша боленъ."—"Да ты слышала или нѣтъ что я сказалъ?" спросилъ Михайло Степановичъ—"оставь его." "Ни подъ какимъ видомъ, отвѣчала оскорбленная мать, какъ можно оставить ребенка съ человѣкомъ въ припадкѣ безумія?" "Это что значитъ?" спросилъ Столыгинъ дрожа всѣмъ тѣломъ отъ бѣшенства. "То, отвѣчала Марья Валеріановна, что есть всему мѣра, и если вы сошли съ ума, то мой долгъ положить предѣлъ вашему вредному вліянію на ребенка." Михайло Степановичъ не далъ ей кончить, онъ ударилъ ее. Анатоль взвизгнулъ и помертвѣлъ.

Марья Валеріановна пришедши въ спальню бросилась на колѣни передъ образомъ и долго молилась обливаясь слезами, потомъ она поднесла Анатоля къ иконѣ и велѣла ему приложиться, одѣла его, накинула на себя шаль и выславъ Настю и горничную зачѣмъ то изъ дѣвичьей, вышла съ Анатолемъ за вороты, незамѣченная никѣмъ кромѣ Ефима. На дворѣ смерклось; Марья Валеріановна, почти никогда не выходила вечеромъ на улицу, ей было страшно и жутко; по счастію извощикъ ѣхавшій безъ сѣдока предложилъ ей свои услуги, она кой какъ усѣлась на калиберѣ, взяла на колѣни Анатоля и отправилась къ отцу въ домъ. Сходя съ дрожекъ она сунула извощику въ руки цѣлковый и хотѣла взойти въ вороты; но извощикъ остановилъ ее, онъ думалъ что она ему дала пятакъ и сказалъ: "нѣтъ, барыня, постой, какъ можно," и разглядѣвши что это не пятакъ а цѣлковый, продолжалъ тѣмъ же тономъ и нисколько непотерявшись, "какъ можно цѣлковый взять съ двоихъ, синенькую слѣдуетъ получить, матушка." Она бросила ему какую то монету и взошла въ ту несчастную калитку изъ за которой лѣтъ шесть тому назадъ, Богъ знаетъ подъ вліяніемъ какой чары, вышла на первое свиданіе съ человѣкомъ, котораго судьба избрала на то, чтобы мучить ее цѣлую жизнь.

Когда Михайло Степановичъ пришелъ въ себя, онъ понялъ что переступилъ нѣсколько границу.

"Ну да что же дѣлать, думалъ онъ, у меня нравъ такой, пора въ самомъ дѣлѣ привыкнуть, сердитъ меня какъ нарочно, et ensuite elle devient impertinente, я не могу своего сына воспитывать по моимъ идеямъ." Утѣшивши себя такими разсужденіями онъ отправился въ гостинную, однако на лицѣ его было видно, что какъ ни убѣдительны онѣ были, но совѣсть не совсѣмъ была покойна. Большая гостинная была пуста и мрачна, освѣщенная двумя сальными свѣчами. Онъ посидѣлъ на диванѣ— пусто, нехорошо, "Сенька!" закричалъ онъ и мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, одѣтый казачкомъ показался въ дверяхъ. "Скажи Наськѣ, чтобы привела Анатоля Михайловича."

Казачекъ вышелъ, но долго не возвращался, слышны были голоса, шопотъ, шаги. Титъ блѣдный какъ смерть стоялъ въ залѣ, Настасья съ заплаканными глазами ему объясняла что то, Титъ качалъ головой и приговоривалъ: "Господи Боже мой, прости наши прегрѣшенія." Черезъ нѣсколько минутъ казачекъ взошелъ съ докладомъ: "Анатоля Михайловича дома нѣтъ, ихъ барыня изволили взять съ собою."

— Что... о... о... о?

— Казачекъ повторилъ.

— Что ты врешь, пошли Наську и Тита. Наська и Титъ взошли.

— Куда барыня пошла? спросилъ Столыгинъ.

— Не могу доложить, отвѣчала старуха дрожа

всѣмъ тѣломъ, меня изволили послать за водой, изволили надѣть желтую шаль — я думала такъ отъ холоду....

— Молчи и отвѣчай только на то что я спрашиваю? ну а ты старой разбойникъ, ты чего смотрѣлъ, Титъ Трофимовичъ, домоправитель. Кто пошелъ за барыней?

— Виноватъ, батюшка, Михайло Степановичъ, Богъ попуталъ на старости лѣтъ, я не видалъ.

— Виноватъ батюшка, передразнилъ его Столыгинъ входившій болѣе и болѣе въ ярость, позови старый дуракъ Кузьку и Оську, да дурака Ефимку и кучеровъ. Люди переглянулись съ ужасомъ другъ на друга, они очень хорошо знали что значить приглашеніе кучеровъ....

На другой день утромъ Титъ, Настасья и двое лакеевъ валялись въ ногахъ у Маріи Валеріановны утирая слезы и умоляя ее спасти ихъ. Столыгинъ велѣлъ имъ или привести барыню съ сыномъ или готовится въ смирительный домъ и потомъ на поселеніе. Сѣдой и толстый Титъ ревѣлъ какъ ребенокъ приговорывая: сгубитъ онъ насъ, матушка, со свѣта Божьяго сгонитъ. Марья Валеріановна, говорила Настасья, спаси ты насъ заступница наша или ужъ оставь меня здѣсь.—Я домой непойду, прибавилъ старикъ, я съ каменнаго моста брошусь въ воду, одинъ конецъ.

Марья Валеріановна долго молчала, тяжело ей

было, она еще разъ взглянула на эти растерянныя и отчаянныя лица, встала и сказала грустнымъ голосомъ. "Такъ и быть, я спасу васъ, я не могу допустить, чтобы онъ замучилъ васъ за меня, я возвращусь теперь можетъ на свою собственную гибель. Только молите же Бога, чтобы не на гибель малютки?

— Мать ты наша родная! говорилъ Титъ, Иверской Божіей матери отслужимъ молебенъ, всей дворней свѣчу десятифунтовую поставимъ.

Марья Валеріановна явилась домой не какъ виновная и бѣглая жена, а съ полнымъ сознаніемъ своей правоты и своего призванія быть защитницей сына. Она покойно и твердо объявила Столыгину, что возвратилась только для того чтобы спасти совершенно невинныхъ людей отъ ого бѣшенства, но что она рѣшилась не жертовать болѣе сыномъ необузданности такаго отца.

— Охъ, говорилъ Михайло Степановичъ, притворившійся больнымъ—охъ, ma chére, за чѣмъ это ты употребляешь такія слова, мое ухо не привыкло къ такимъ выраженіямъ. У меня отъ заботъ, отъ болѣзни (онъ жаловался на аневризмъ, котораго у него впрочемъ небыло) бываютъ иногда черныя минуты — надобно кротостью и добрымъ словомъ остановить, а не раздражать, я самъ оплакиваю несчастный случай," и онъ остановился какъ бы подавленный сильными чувствами.

Но на Марью Валеріановну его рѣчи болѣе не дѣйствовали. Весь prestige окружавшій его изчезъ, она чувствовала себя на столько выше, на столько сильнѣе его, что у ней начала развиваться жалость къ нему.

Послѣ этой исторіи Столыгинъ сталъ себя держать попристойнѣе. Марья Валеріановна съ сыномъ жила большую половину года въ деревнѣ; такъ какъ это значительно уменьшало расходы, то мужъ и не препятствовалъ. Смерть добраго старика Валеріана Андреевича случившаяся черезъ нѣсколько лѣтъ, снова запутала и окончательно разстропла жизнь устроенную Маріей Валеріановной.

Онъ умеръ вскорѣ послѣ московскаго пожара. Старикъ оставался все время войны въ Москвѣ, довольно счастливо скупая, долею у Французовъ, долею у казаковъ разныя серебряныя и золотыя вещицы. По выходѣ непріятеля онъ подавалъ просьбу о денежномъ вспоможеніи для поправленія дома созженнаго богопротивнымъ врагомъ во время нашествія Галловъ и съ ними двенадесяти языкъ. Но не смотря на то, что его просьба была совершенно не справедлива, онъ получилъ отказъ. Это его сильно огорчило, онъ помаячилъ еще годикъ, да и умеръ оставивши Марьѣ Валеріановнѣ домъ, золотыя и серебряныя бездѣлушки и толстую пачку ломбардныхъ билетовъ.

Марья Валеріановна въ это время была въ Петер-

бургѣ, куда Столыгинъ переѣхалъ во время приближенія непріятеля. Домъ ихъ на Яузѣ сгорѣлъ. Морякъ отстроивалъ его медленно, потому что Столыгинъ скупился на деньги. Старикъ передъ смертью звалъ дочь проститься. Она поѣхала, но не застала его. Морякъ имѣвшій уже свои инструкціи распоряжался въ домѣ ея отца, какъ на кораблѣ взятомъ въ плѣнъ. Марья Валеріановна молчала, но билеты ломбардные прибрала, Михайло Степановичъ не давалъ почти вовсе денегъ на воспитаніе сына, да и сверхъ того она хотѣла на всякой случай имѣть капиталъ въ своихъ рукахъ.

Это обстоятельство снова ее поссорило съ мужемъ Переписка ихъ приняла горкій тонъ. Видя непреклонность жены, Столыгину пришла въ голову мысль, воспользоваться разлукой ея съ сыномъ, чтобы поставить на своемъ.

Онъ писалъ моряку во всякомъ письмѣ, чтобы все было готово, для его пріѣзда, что онъ на дняхъ ѣдетъ и нарочно оттягивалъ свой отъѣздъ. Возвратившись наконецъ въ свой домъ на Яузѣ, онъ прервалъ всѣ сношенія съ Маріей Валеріановной, строго запретилъ людямъ принимать ее или ходить къ ней въ домъ. "Я долженъ былъ принять такія мѣры, говорилъ онъ, для сына; я все бы ей простилъ, но она женщина до того эгрированная что можетъ пошатнуть тѣ фундаменты морали, которые я съ такимъ трудомъ вывожу въ сердцѣ Анатоля."

Разумѣется, ему никто не вѣрилъ, кромѣ моряка, да и тотъ болѣе вѣрилъ изъ дисциплины и подчиненности, нежели изъ убѣжденія, и защищалъ Столыгина только слѣдующимъ выразительнымъ аргументомъ. "Все же вѣдь, какъ тамъ угодно, а она супруга Михайла Степановича, а Михайло Степановичъ какъ бы то ни было все же ея супругъ есть....!"

ВМѢСТО ПРОДОЛЖЕНІЯ.

Въ началѣ 1848 года, я посылалъ эту часть повѣсти въ Петербургъ. Не смотря на повторенное объявленіе на оберткѣ однаго журнала, печатать ее не позволили. Отъ чего? Непомнию; судите сами, повѣсть передъ вами.

Тогда именно въ Россіи былъ сильнѣйшій припадокъ цензурной болѣзни. Сверхъ обыкновенной гражданской цензуры, была въ то время учреждена другая военная, составленная изъ Генералъ-Адъютантовъ, Генералъ-лейтенантовъ, Генералъ-интендентовъ, Инженеровъ, Артиллеристовъ, Начальниковъ штаба, Свиты его Величества офицеровъ, Плацъ и Бау адъютантовъ, однаго татарскаго князя и двухъ православныхъ монаховъ подъ предсѣдательствомъ Морскаго Министра. Она разбирала тѣже книги, но книги, авторовъ и цензоровъ вмѣстѣ.

Эта осадная цензура руководствуясь военнымъ регламентомъ Петра I и греческимъ Номоканономъ запретила печатать чтобы то ни было писанное мною, хотя бы то было слово о пользѣ тайной полиціи и явнаго самодержавія, или задушевная переписка съ друзьями о выгодахъ крѣпостнаго состоянія, тѣлесныхъ наказаній и рекрутскихъ наборовъ.

Запрещеніемъ своимъ лейбъ-цензурный аудиторіатъ напомнилъ мнѣ, что русскимъ пора печатать внѣ Россіи, что намъ нечего сказать такого, что могла бы пропустить военно-судная цензура.

.....Не находя силы продолжать повѣсть, я разскажу вамъ ея планъ.

Мнѣ хотѣлось въ Анатолѣ представить человѣка полнаго силъ, энергіи, способностей, жизнь котораго тягостна, пуста, ложна и безотрадна отъ постояннаго противурѣчія между его стремленіями и его долгомъ. Онъ усиливается и успѣваетъ всякой разъ покорять свою мятежную волю тому что онъ считаетъ обязанностію, и на эту борьбу тратитъ всю свою жизнь. Онъ совершаетъ героическіе акты самоотверженія и преданности, тушитъ страсти, жертвуетъ влеченіями и всѣмъ этимъ достигаетъ того вялаго, безцвѣтнаго состоянія, въ которомъ находится всякая посредственная и бездарная натура. Сила этаго человѣка должна была потребиться безъ пользы для другихъ, безъ отрады для него.

Этотъ характеръ и среда въ которой онъ разви-

вался, наша родная почва, или лучше наше родное болото, утягивающее, морящее исподоволь, заволакивающее непремѣнно всякую личность, какъ она тамъ себѣ ни бейся — вотъ что мнѣ хотѣлось представить, въ моей повѣсти.

Съ самой первой юности Анатоль втянутъ въ роковое столкновеніе съ долгомъ. Передъ нимъ въ страшной нелѣпости является родительская власть. Онъ ненавидитъ Михайла Степановича, но онъ переламываетъ свое естественное отвращеніе и повинуется этому человѣку, потому что онъ его отецъ.

Гонимый и притѣсняемый Анатоль, нашелъ выходъ, который находятъ всѣ юноши съ теплымъ и чистымъ сердцемъ; онъ встрѣтилъ дѣвушку, которую полюбилъ искренно, откровенно. Для ихъ счастія недоставало одного—воли.

Пришла и она.

Михайло Степановичъ наконецъ умеръ къ неописанной радости дворовыхъ людей. Анатоль какъ Онѣгинъ:

Яремъ отъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ,
Мужикъ судьбу благословилъ,

а семидесятилѣтній морякъ слегъ въ постель и не вставалъ больше отъ этаго "дебоша;" онъ грустно качая головой, повторялъ: "А все библейское общество, все библейское общество, это изъ Великобританіи идетъ."

Анатоль между тѣмъ начиналъ чувствовать усталь отъ своей любви, ему было тѣсно съ Олинькой, ея вѣчный дѣтской лепетъ утомлялъ его. Чувство, нашедшее свой предѣлъ непрочно, безконечная даль также нужна любви и дружбѣ, какъ изящному виду.

Олинька принадлежала къ тѣмъ милымъ, но не глубокимъ и не развивающимся натурамъ, которыя однажды вспыхнувъ сильнымъ чувствомъ готовы, осѣдаютъ и уже дальше не идутъ.

Когда Анатоль убѣдился, что онъ ее не любитъ, онъ ужаснулся своей сухости, своей неблагодарности; въ несчастіи онъ не находилъ другой отрады, иного утѣшенія какъ въ ея любви, а теперь свободный, богатый, онъ готовъ ее покинуть. Разумѣется послѣ этаго разсужденія, онъ женился.

Близость лицъ фактъ психологическій, легко любить ни за что и очень трудно любить за что нибудь. Людскія отношенія, кромѣ дѣловыхъ, основанныя на чемъ нибудь внѣ вольнаго сочувствія поверхностны, разрушаются или разрушаютъ. Быть близкимъ только изъ благодарности, изъ состраданія, изъ того, что этотъ человѣкъ мой братъ, что этотъ другой меня вытащилъ изъ воды, а этотъ третій упадетъ самъ безъ меня въ воду — одинъ изъ тягчайшихъ крестовъ, которые могутъ пасть на плечи.

Анатоль черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ брака былъ несчастенъ и губилъ своимъ несчастіемъ бѣдную Олиньку.

Мой герой — (вы можетъ и неподозрѣваете этого) былъ конно-егерскимъ офицеромъ; вскорѣ послѣ его свадьбы, его назначили адъютантомъ корпуснаго начальника, который ему былъ сродни.

Корпусный командиръ былъ никто иной, какъ нашъ старый знакомый князь, князь взявшій съ собой изъ Парижа маленькую Нину, въ то время какъ парижскій народъ бралъ бастилію. Онъ славно сдѣлалъ свою карьеру и воротился изъ кампаніи въ 1815 году обвѣшанный крестами всѣхъ нѣмецкихъ государей, введенныхъ казаками во владѣніе и млечнымъ путемъ русскихъ звѣздъ. Онъ былъ прострѣленъ двумя пулями и весь въ долгахъ. Онъ уже плохо видѣлъ, нетвердо ступалъ, неясно слышалъ; но все еще съ нѣкоторымъ fion зачесывалъ сѣдые волосы à la Titus, подтягивалъ мундиръ, прыскался духами, красилъ усы, волочился за барышнями и Богъ знаетъ для чего, кажется изъ одного приличія, держалъ французскую актрису на содержаніи.

Это лицо, меня чрезвычайно занимало; его мнѣ хотѣлось особенно отдѣлать. Князь долженъ былъ принадлежать къ типу людей, который утрачивается, который я еще очень хорошо зналъ и который необходимо сохранить, къ типу русскаго Генерала 1812 г.

Русское общество съ Петра I раза четыре измѣняло нравы. Объ Екатерининскихъ старикахъ, говорили очень много, но люди Александровскаго времени будто забыты, оттого ли что они ближе

къ намъ или отчего другаго, но ихъ мало выводятъ на сцену не смотря на то, что они совсѣмъ не похожи на современныхъ актеровъ "памятной книжки" и дѣйствующихъ лицъ "адрессъ календаря."

При Екатеринѣ сложилась въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ, не аристократія, а какое то служилое вельможничество, надмѣнное, гордое и недавно сдѣланное ручнымъ. Съ 1725 и до 1762 г. эти люди участвовали во всѣхъ низверженіяхъ, и возведеніяхъ на престолъ, они распоряжались русской короной упавшей на финскую грязь, какъ своимъ добромъ и очень хорошо знали что ножки Петербургскаго трона не такъ то крѣпки и что не только Петропавловская крѣпость и Шлюссельбургъ, но Пелымъ и вообще Сибирь не такъ то далеки отъ дворца. Крамольная горсть богатыхъ сановниковъ, съ участіемъ гвардейскихъ офицеровъ, двухъ-трехъ нѣмецкихъ плутовъ, хряня наружный видъ рабскаго подобострастія и преданности, сажала кого хотѣла на царское мѣсто, давая знать о томъ къ свѣдѣнію другимъ городамъ имперіи; въ сущности народу было безразлично имя тѣхъ, которые держали кнутъ, спинѣ одинаково было больно.

Ангальтъ-Цербская принцесса произведенная Орловыми въ чинъ императрицы всероссійской, умѣла съ лукавою хитростію женщины и куртизаны обстричь волосы буйнымъ олигархамъ и усыпить ихъ дикіе порывы важнымъ почетомъ, милостивой улыб-

кой, крестьянскими душами, а иногда своимъ собственнымъ высочайшимъ тѣломъ. Изъ нихъ образовалось въ половинѣ ея царствованія вельможничество, о которомъ мы говорили. Въ этихъ людяхъ было смѣшано русское патріархальное барство съ версальскимъ царедворствомъ, неприступная "морга" западныхъ аристократовъ и удаль казацкихъ атамановъ, хитрость дипломатовъ и звѣрство дикихъ. Люди эти были спѣсивы по русски и дерзки по французки; они обходились учтиво съ одними иностранцами; съ русскими они иногда были ласковы, иногда милостивы, но всѣмъ до полковничьяго чина говорили ты. Ограниченные и надутые собой, вельможи эти хранили какое то чувство собственнаго достоинства, любили матушку императрицу и святую Русь. Екатерина II щадила ихъ и снисходительно слушала ихъ совѣты, не считая нужнымъ исполнять ихъ.

Тяжелый и важный вѣкъ этихъ старыхъ ворчуновъ, обсыпанныхъ пудрою и нюхательнымъ табакомъ, сенаторовъ и кавалеровъ ордена Св. Владиміра первой степени, съ тростью въ рукахъ и гайдуками за каретой, вѣкъ этихъ стариковъ говорившихъ громко, смѣло и нѣсколько въ носъ—былъ разомъ подрѣзанъ воцареніемъ Павла Петровича.

Онъ въ первые двадцать четыре часа послѣ смерти матери сдѣлалъ изъ роскошнаго, пышнаго, сладострастнаго, мужскаго сераля называвшагося зимнимъ дворцомъ — казарму, кордегардію, острогъ,

экзерциръ-гаузъ и полицейской домъ. Павелъ былъ человѣкъ одичалый въ Гатчинѣ, едва сохранившій какія то смутные рыцарскіе порывы отъ прежняго состоянія; это былъ бенгальскій тигръ съ сентиментальными выходками, угрюмый и влюбленный, вѣчно раздраженный и вѣчно раздражаемый, онъ навѣрное попалъ бы въ сумасшедшій домъ, еслибы не попалъ прежде на тронъ.

Перевернулъ онъ старыхъ вельможъ, привыкшихъ при Екатеринѣ къ покою и уваженію. Ему не нужны были ни государственные люди, ни сенаторы, ему нужны были штыкъ-юнкеры и каптенармусы. Не даромъ училъ Павелъ, на своей печальной дачѣ лѣтъ двадцать, какихъ то троглодитовъ новому артикулу и метанью эспонтономъ; онъ хотѣлъ ввести гатчинское управленіе въ управленіе россійской имперіи, онъ хотѣлъ царствовать по темпамъ.

Въ такой простой, въ такой наивной формѣ самовластье еще ни разу не являлось въ Россіи, какъ при Павлѣ. Это былъ бредъ, хаосъ; его марсоманія, которую онъ передалъ всѣмъ своимъ дѣтямъ, доходила до смѣшнаго, до презрительнаго и въ тоже время до трагическаго; этотъ коронованый Казимодо, со слезами на глазахъ билъ рукою тактъ, разгорался въ лицѣ, былъ счастливъ когда солдаты вѣрно маршировали. Тѣже пароксизмы бывали потомъ у цесаревича Константина. Свирѣпости Павла, неоправдываются

даже государственными необходимостями, его деспотизмъ былъ безсмысленный, горячещный, ненужный; кого пыталъ онъ и ссылалъ толпами съ своимъ генералъ-прокуроромъ Обольяниновымъ и за что? Никто не знаетъ. Но вельможъ онъ приструнилъ, струсили они и вспомнили, что они такіе же крѣпостные холопи, какъ ихъ слуги. Съ ужасомъ смотрѣли они какъ императоръ "шутитъ шутки нехорошія," то того въ Сибирь, то другаго въ Сибирь; они въ тихомолку укладывались и тащились на крестьянскихъ лошадяхъ въ тяжелыхъ колымагахъ въ Москву и въ свои жалованныя покойной императрицей вотчины.

Тамъ ихъ и оставилъ Александръ послѣ кончины Павла; онъ не счелъ нужнымъ вызывать изъ деревень маститыхъ государственныхъ людей, благо они засѣли, облѣнились и задремали, учреждая въ своихъ помѣстьяхъ небольшіе дворики въ родѣ екатерининскихъ. Александръ окружилъ себя новымъ поколѣніемъ.

Поколѣніе захваченное въ гвардіи павловской сиверкой, было бодро и полно силъ. Событія ихъ довоспитали. Шуточное ли дѣло Аустерлицъ, Ейлау, Тильзитъ, борьба 1812 года, Парижъ въ Москвѣ, Москва въ Парижѣ?

Старые гвардейцы возвращались побѣдоносными генералами. Опасности, пораженія, побѣды, соприкосновеніе съ арміей Наполеона и съ чужими

краями, все это образовало ихъ характеръ; смѣлые, добродушные и очень недальніе, съ религіей дисциплины и застегнутыхъ крючковъ, но и съ религіей чести, они владѣли Россіей до тѣхъ поръ пока подросло Николаевское поколѣніе военныхъ чиновниковъ и статскихъ солдатъ.

Люди эти занимали не только всѣ военныя мѣста, но девять десятыхъ высшихъ гражданскихъ должностей, не имѣя ни малѣйшаго понятія о дѣлахъ, и подписывая бумаги не читая ихъ. Они любили солдатъ и били ихъ палками не на животъ, а на смерть, оттого что имъ ни разу не пришло въ голову, что солдата можно выучить не бивши его палкой. Они тратили страшныя деньги, и не имѣя своихъ, тратили казенныя; красть собакъ, книги и казну у насъ никогда не считалось воровствомъ. Но они не были ни доносчиками, ни шпіонами и за подчиненныхъ стояли головой.

Одинъ изъ полнѣйшихъ типовъ ихъ былъ графъ Милорадовичъ, храбрый, блестящій, лихой, беззаботный, десять разъ выкупленный Александромъ изъ долговъ, волокита, мотъ, болтунъ, любезнѣйшій въ мірѣ человѣкъ, идолъ солдатъ, управлявшій нѣсколько лѣтъ Петербургомъ, не зная ни одпаго закона и какъ парочно убитый въ первый день царствованія Николая.

Когда раненаго Милорадовича привезли въ конно-гвардейскія казармы и Арендтъ осмотрѣвъ его

раны, приготовлялся вынуть пулю, Милорадовичъ сказалъ ему: "Ну, ma foi, рана смертельная, я довольно видѣлъ раненыхъ, такъ ужъ если надо еще пулю вынимать, пошлите за моимъ старымъ лекаремъ; мнѣ помочь нельзя, а старика огорчитъ что не онъ дѣлалъ операцію." Дѣйствительно пулю вынулъ старый лекарь заливаясь слезами. Послѣ операціи, адъютантъ спросилъ графа не желаетъ ли онъ продиктовать какія нибудь распоряженія. Милорадовичъ тотчасъ потребовалъ нотаріуса; но когда тотъ пришелъ, онъ думалъ, думалъ — и сказалъ наконецъ: "Ну, братецъ, это очень мудрено, ну такъ все какъ по закону слѣдуетъ, развѣ вотъ что — у одного стараго пріятеля моего есть сынъ, славный малый, но такая горячая голова, онъ, я знаю, замѣшанъ въ это дѣло, ну такъ напишите, что я умирая просилъ Государя его помиловать — больше, ma foi, ничего не знаю."

Потомъ онъ умеръ и хорошо здѣлалъ.

Прозаическому, осеннему царствованію Николая не нужно было такихъ людей, которые, раненые на смерть, помнятъ о старомъ лекарѣ, и умирая не знаютъ что завѣщать, кромѣ просьбы о сынѣ пріятеля. Эти люди вообще неловки, громко говорятъ, шумятъ, иногда возражаютъ, судятъ вкривь и вкось; они правда готовы всегда лить свою кровь на полѣ сраженія и служатъ до конца дней своихъ вѣрой и правдой; но войны внѣшней тогда непред-

видѣлось а для внутренней они неспособны. Говорятъ, что графъ Бенкендорфъ входя къ государю, а ходилъ онъ къ нему разъ пять въ день, всякой разъ блѣднѣлъ — вотъ какіе люди нужны были новому государю. Ему нужны были агенты а не помощники, исполнители а не совѣтники, вѣстовые, а не воины. Онъ никогда не могъ придумать что сдѣлать изъ умнѣйшаго всѣхъ русскихъ Генераловъ—Ермолова и оставилъ его въ праздности доживать вѣкъ въ Москвѣ.

Надобно было много труда, усилій, времени, чтобъ воспитать современное поколѣніе чиновниковъ по особымъ порученіямъ, кореспондентовъ, генераловъ "отъ чернилъ" и прочихъ жандармовъ подъ разными учтивыми названіями, чтобы дойти до той степени совершенства и виртуозности, до которой дошло петербургское правительство теперь.

Да, износилъ, истеръ исказалъ все хорошее александровскаго поколѣнія, все хранившее вѣру въ близкую будущность Руси, жерновъ Николаевской мѣльницы, цѣлую Польшу смололъ, балтійскихъ Нѣмцевъ защѣпилъ, бѣдную Финляндію, и все еще мѣлетъ—все еще мѣлетъ....

У отца была бѣлая горячка самовластья, delirium tyrannorum, у сына она перешла въ хроническую fievre lente. Павелъ душилъ изъ всѣхъ силъ Россію и въ четыре года свернулъ шею—не Россіи, а себѣ. Николай затягиваетъ узелъ исподволь, неторопясь,

— сегодня нѣсколько Русскихъ въ рудники, завтра нѣсколько Поляковъ, сегодня нѣтъ заграничныхъ пасовъ, завтра закрыты двѣ, три школы... двадцать седьмой годъ трудится его величество, воздуху намъ не достаетъ, дышать трудно, а онъ все затягиваетъ —и до сихъ поръ слава Богу здоровъ.

Въ царствованіе Николая желтая, желчная, злая фигура Аракчеева нѣжно изчезаетъ—Рогнѣдой, плачущей на гробѣ Анастасіи, но школа его растетъ, но его ставленики, его ученики идутъ впередъ. Школа писарей, кантонистовъ и аудиторовъ, дѣльцовъ и флигельмановъ, людей бездарныхъ — но точныхъ, людей бездушныхъ—но полныхъ честолюбія, людей посредственныхъ — но которыхъ "усердіе все превозмогаетъ!"

Для этихъ людей можетъ найдется мѣсто въ министерствахъ и въ арестантскихъ ротахъ, но навѣрно нѣтъ въ повѣстяхъ....*

Какъ попалъ Анатоль въ военную службу трудно сказать. Эти вещи у насъ дѣлывались обыкновенно случайно. Сверхъ того гражданская служба не могла нравится, серьезно управлять имѣніемъ еще не считалось дѣломъ, оставалась одна военная карьера.

Попавши въ адъютанты къ князю, Анатоль погибалъ отъ скуки. Юнкеромъ онъ покрайней мѣры

* Въ первомъ изданіи тутъ были пропущены нѣсколько страницъ, мы ихъ помѣщаемъ въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ были написаны въ Ниццѣ въ 1851 году.

физически развлекался гимнастикой манежа и ученья. Адъютантомъ онъ ѣздилъ съ княземъ на балы и обѣды и праздно сидѣлъ по нѣскольку часовъ у него въ залѣ. Но скучать ему пришлось не долго, новое скорбное столкновеніе воли съ долгомъ, вполнѣ разсѣяло его. Въ то время когда всего менѣе кто либо ждалъ похода, возстала Польша. Князь получилъ приказъ выступить съ своимъ корпусомъ и идти примкнуться къ войску Дибича. Все засустилось въ его арміи, князь ожилъ, забылъ свои лѣта, цѣлые дни верхомъ дѣлалъ смотры и ревизіи. Офицеры радовались отличіямъ и быстрому повышенію, солдаты радовались что не будетъ ученій безпрерывныхъ смотровъ во время похода.

Анатоль хранившій свято юныя мечты студентскаго періода, хотя и удовлѣтворялся собственнымъ одобрѣніемъ за благородное біеніе сердца и искреннимъ желаніемъ освобожденія крестьянъ, тѣмъ не менѣе всѣ благородныя симпатіи его были за Польшу, на которую онъ шелъ врагомъ, палачемъ, слугой деспотизма,* что же ему было дѣлать? Подавать въ отставку было поздно, сказаться больнымъ, выдатутъ за труса. Съ непреодолимымъ отвращеніемъ, почти съ раскаяніемъ явился онъ на полѣ битвы, совался въ огонь безъ всякой нужды, но пули обходили его,

* Я разсказываю здѣсь планъ моей повѣсти такъ какъ онъ складывался въ моей головѣ. Разумѣется мнѣ нельзя бы было говорить о Польшѣ и о возстаніи иначе какъ намеками.

а храбрость его была замѣчена; князь привязалъ ему самъ георгіевской крестъ въ петлицу. Товарищи завидовали ему.

На приступѣ Варшавы графъ Толь подъѣхалъ съ княземъ къ первому взятому бастіону, разцаловалъ маіора, поздравилъ его съ крестомъ и потомъ спросилъ его указывая на толпу плѣнныхъ: "Ктоже у васъ будетъ ихъ беречъ?" Маіоръ державшій платокъ на ранѣ молчалъ и съ испуганнымъ недоумѣніемъ смотрѣлъ въ глаза генералу. "На приступѣ, сказалъ Толь, каждый человѣкъ нуженъ; если всѣ офицеры наберутъ столько плѣнныхъ, половина солдать выбудутъ ихъ строя," онъ сдѣлалъ знакъ рукою и прибавилъ: "Понимаете?" * Маіоръ понималъ, но не говорилъ ни слова. Толь поморщился и обернувшись къ Анатолю сказалъ ему въ полголоса: "Господинъ адъютантъ, маіоръ кажется ослабъ отъ раны, скажите старшему капитану il faut en finir avec les prisoniers." Анатоль стоялъ какъ вкопанный, рука его будто приросла къ шляпѣ. "Ну чегожъ вы ждете? —скажите что я велѣлъ ихъ разстрѣлять; адъютантъ вашъ не очень расторопенъ," замѣтилъ онъ князю, повертывая лошадь и показывая ему зрительной трубой какія то осадныя работы.

Старшій капитанъ отдалъ нужныя приказанія и сказалъ маіору и Анатолю: "А впрочемъ я охотнѣе

* Это истинное происшествіе разсказанное мнѣ самимъ офицеромъ.

пошелъ бы еще разъ на бастіонъ—бить безоружнаго не манеръ. Ей, закричалъ онъ, Ѳедосѣевъ выведи людей." Анатоль хотѣлъ ускакать, но былъ остановленъ колонной охотниковъ шедшихъ съ пѣснями и съ криками "ура!" на приступъ. За нимъ раздались отрывистые слова команды и ружейный залпъ грянулъ почти въ тоже время. Анатоль обернулся—человѣкъ двадцать плѣнныхъ лежали въ крови, одни мертвые, другіе въ судорогахъ — столько же живыхъ и легко раненыхъ стояли у стѣны. Одни обезумѣвшіе отъ страха судорожно хохотали, кричали и плакали, два-три человѣка громко читали молитвы по латынѣ, третьи блѣдные стиснувъ зубы съ гордостью смотрѣли на палачей. Въ ихъ числѣ былъ бѣлокурый юноша; онъ остановилъ взглядъ своихъ большихъ голубыхъ глазъ на Анатолѣ, въ этомъ взглядѣ рядомъ съ укоромъ, видно было столько презрѣнія, что Анатоль опустилъ голову. У солдатъ дрожали руки, самъ унтеръ-офицеръ Ѳедосѣевъ, хотя для поддержанія чести и говорилъ: "Экъ живучи эти Поляки!" но былъ блѣденъ и не въ своей тарелкѣ.

"Вторая шеренга впе-редъ! Шай-клацъ!" командовалъ капитанъ; ружья склонились и брякнули. У Анатоля потемнѣло въ глазахъ, онъ покачнулся и далъ шпоры лошади, но лошадь вдругъ поднялась на дыбы и брякнулась на земь — осколокъ русской бомбы раппилъ лошадь и раздробилъ Анатолю плечо;

новая толпа охотниковъ шла съ пѣснями и гарцованьемъ мимо раненаго. Анатоль лишился сознанія.

Недѣль черезъ шесть Анатоль выздоравливалъ въ лазаретѣ отъ раны, но исторія съ плѣнными не проходила такъ скоро. Все время своей болѣзни, онъ бредилъ о какихъ то голубыхъ глазахъ, которые на него смотрѣли въ то время какъ капитанъ командовалъ: "Вторая шеренга впередъ!" Больной спрашивалъ гдѣ этотъ человѣкъ, просилъ его привести— онъ хотѣлъ ему что то объяснить, и потомъ повторялъ слова Ѳедосѣева "какъ Поляки живучи!"

Князь жалѣвшій очень своего адъютанта, говорилъ что онъ повидимому контуженъ въ голову и потому заговоривается, впрочемъ надѣялся что онъ выздоровитъ и приводилъ въ примѣръ разныхъ раненныхъ въ голову въ 1812 и 13 годахъ.

Анатоль вышелъ въ отставку и поѣхалъ къ водамъ. Слабый отъ раны и убитый духомъ выѣхалъ онъ изъ Варшавы. Голубые глаза Поляка преслѣдовали его, ему казалось что онъ нѣсколько разъ встрѣчалъ — молодаго страдальца, который можетъ избѣгнулъ смерти; ему казалось что онъ узнаетъ тоже выраженіе укора безпокойной печали и презрѣнія смѣшаннаго почти съ сожалѣніемъ. Нѣсколько разъ хотѣлось ему подойти взять за руку незнакомца и разсказать ему какъ онъ попалъ на поле сраженія. Но польскія раны были еще слишкомъ свѣжи, время понимать другъ друга и мириться еще не прихо-

дило, и онъ останавливался, боясь холоднаго отвѣта.

Въ Познани, онъ на станціи вышелъ изъ коляски и велѣлъ ей ѣхать за собой когда заложатъ лошадей, а самъ пошелъ пѣшкомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ деревни стояла въ небольшой нишѣ мадона, передъ ней на колѣнахъ молился молодой Полякъ — опять онъ и можетъ въ самомъ дѣлѣ. Несчастный былъ скорѣе похожъ на мертвеца умершаго послѣ изнурительной болѣзни и котораго забыли схоронить, нежели на живое существо лѣтъ двадцати. Онъ былъ въ военной шинели, рука лежала на перевязкѣ, челюсть и ухо были подвязаны, сухія посинѣвшія губы и бѣлая блѣдность свидѣтельствовали о лихорадкѣ и потери крови. Онъ только что перебрался черезъ границу и былъ еще весь подъ вліяніемъ счастливаго спасенія; Анатоль заговорилъ съ нимъ. Сначала раненый вздрогнулъ, не скрывая что встрѣча съ Русскимъ ему непріятна.

Анатоль не хотѣлъ пропустить этой встрѣчи; онъ взялъ его за руку и просилъ выслушать его. Онъ говорилъ долго и горячо. Удивленный Полякъ слушалъ его съ вниманіемъ, пристально смотрѣлъ на него и глубоко потрясенный въ свою очередь сказалъ ему: "Вы прилетѣли какъ голубь въ ковчегъ, съ вѣстью о близости берега — и именно въ ту минуту когда я покинулъ родину и начинаю страннническую жизнь. Наконецъ то начинается казнь нашихъ враговъ,

станъ ихъ распадается и если русскій офицеръ такъ говоритъ какъ вы, еще не все погибло!"

Анатоль былъ счастливъ, они поѣхали вмѣстѣ.

Что униженій, что холоду и оскорбленій долженъ былъ вынести Анатоль въ этомъ путешествіи. Для каждаго польскаго выходца въ то время путешествіе было рядомъ торжествъ, симпатическихъ пріемовъ; на каждаго Русскаго народы смотрѣли съ затаенной злобой, какъ на сообщника Николая. Раза два графъ Ксаверій долженъ былъ, избѣгая непріятностей со стороны раздраженной толпы, выдавать Анатоля за Поляка. Дѣйствительная нелюбовь къ Русскимъ идетъ съ этого времени, мы ею обязаны Николаю.

Въ этой встрѣчѣ Анатоля съ графомъ Ксаверіемъ мнѣ хотѣлось представить нашу русскую натуру, широкую, но разпущенную, многостороннюю, но неустоявшуюся въ соприкосновеніи съ натурой польской опредѣленной, испытанной, односторонней, не идущей впередъ, но твердо стоящей на своей почвѣ. У Анатоля были прекрасныя стремленія, но они больше опредѣлялись отрицательно и никогда не приходили въ ясность. У Поляка во внутренней жизни все было кончено, рѣшено, онъ шелъ своимъ путемъ, не возвращаясь къ точкѣ отправленія, не подвергая всякой шагъ безпрерывной критикѣ, не пытая его сомнѣніемъ. Въ его образѣ мыслей была очевидная непослѣдовательность, переломъ, но это не уменьшало его энергической дѣятельности, и гла-

вное не мѣшало ему. Онъ былъ католикъ и революціонеръ, аристократъ и бунтовщикъ, свѣтскій человѣкъ въ нашемъ смыслѣ слова — и породистый Полякъ. Отважный, твердый фанатикъ чести, надежный заговорщикъ, онъ былъ безхитростенъ и беззаботенъ какъ дитя, такъ что жизнь его, при всей тягости его положенія, шла легче, стройнѣе нежели жизнь Анатоля, у котораго не было никакаго внѣшняго несчастія.

Графъ Ксаверій долженъ былъ совершенно овладѣть Анатолемъ,— познакомить его съ польскими Іезуитами. Ихъ строгій чинъ, ихъ наружный покой, подъ которыми казались заморенными всѣ сомнѣнія и страсти, кромѣ вѣры и энергіи въ дѣлѣ прозелитизма, должны были потрясти его. Онъ искалъ куда нибудь прислониться, онъ стоялъ слишкомъ одинокъ, слишкомъ оставленъ самъ на себя, безъ опредѣленной цѣли, безъ дѣла. Жена его умерла, съ родственниками у него было также мало общаго, какъ съ московской жизнью вообще, ни какой сильной связи, общаго интереса или общаго упованія. Опять та же жизнь, которая образовала поколѣніе Онѣгиныхъ, Чацкихъ и насъ всѣхъ . . .

Серьезность религіозныхъ убѣжденій католика или протестанта часто удивляетъ насъ; она еще больше должна была поразить Анатоля. Когда онъ воспитывался, тогда еще не было ни православныхъ славянофиловъ, ни полицейскаго православія, не было ни

накожнаго обращенія Уніатовъ, ни мощей Митрофана Воронежскаго, ни путешествій къ святымъ мѣстамъ—чужимъ и своимъ—Муравьева, ни духовнаго прозрѣнія Гоголя, Языковъ писалъ еще вакхическія пѣсни, а прмоговъ и кондаковъ не только не писалъ, но и не читалъ. Церковь, приложивъ кисточкой печать дара духа святаго во время крещенія, оставляла человѣка въ покоѣ и сама почивала въ тишинѣ.

Но если религіознаго воспитанія не было въ ходу, то цивическое становилось со всякимъ днемъ труднѣе; за него ссылали на Кавказъ, брили лобъ. Отсюда то тяжелое состояніе нравственной праздности, которое толкаетъ живаго человѣка къ чему нибудь опредѣленному. Протестантовъ, идущихъ въ католицизмъ, я считаю сумасшедшими... но въ Русскихъ я камнемъ не брошу, они могутъ съ отчаянія идти въ католицизмъ, пока въ Россіи не начнется новая эпоха.

Легко стало жить Анатолю, когда онъ переступилъ за порогъ монастыря и подпалъ строгому искусу ставленника—послушника. Покойная гавань призывающая труждающихся, открывалась для него, онъ слушался неразсуждая и усталый къ вечеру отъ работы, усиленнаго изученія латинскаго языка, и разныхъ утреннихъ и вечернихъ службъ, онъ засыпалъ покойно.

Но церковь призываетъ не однихъ труждающихся, но и нищихъ духомъ. Тутъ въ виду католическаго алтаря, хотѣлъ я представить послѣднюю битву его

съ долгомъ. Пока продолжались искусъ, ученіе, работа, все шло хорошо, но съ принятіемъ его въ братство Іисуса, старый врагъ скептицизмъ снова проснулся; чѣмъ больше онъ смотрѣлъ изъ за кулисъ на великолѣпную и таинственную обстановку католицизма, тѣмъ меньше онъ находилъ вѣры, и новый рядъ мучительныхъ страданій начался для него. Но тутъ выходъ былъ еще меньше возможенъ, нежели въ польской войнѣ. Развѣ не онъ самъ добровольно надѣлъ на себя эти вериги? Ихъ онъ рѣшился носить до конца жизни.

Мрачный, исхудалый, задавленный горькимъ сознаніемъ страшной ошибки, монахъ Столыпинъ, исполнялъ нѣсколько лѣтъ какъ автоматъ свои обязанности, скрывая отъ всѣхъ внутреннюю борьбу и страданія.

Инквизиторскій глазъ настоятеля ихъ разглядѣлъ. Боясь будущаго, онъ выхлопоталъ отъ Ротгана почетную миссію для Столыпина въ Монтевидео. И наслѣдникъ Степана Степановича и Михайла Степановича, обладатель помѣстій въ Можайскомъ и Рузскомъ уѣздахъ отправился на первомъ кораблѣ за океанъ, проповѣдывать религію, въ которую невѣрилъ, и умереть отъ желтой лихорадки....

Таковъ былъ мой планъ.

Ницца Осенью 1851.

II.

МИМОѢЗДОМЪ.

(ОТРЫВОКЪ.)

II.

МИМОѢЗДОМЪ.

(ОТРЫВОКЪ.)

. . . . . Ѣхавши какъ то изъ деревни въ Москву, я остановился дни на два въ одномъ губернскомъ городѣ. На другое утро явилась ко мнѣ жена одного крестьянина изъ нашей вотчины, который торговалъ тутъ. Она была въ отчаяніи, мужъ ея сидѣлъ шестой мѣсяцъ въ острогѣ и до нея дошелъ слухъ, что его скоро накажутъ. Я разпросилъ дѣло; никакой важности въ преступленіи его не было.

Я знавалъ когда то товарища предсѣдателя, честнѣйшаго человѣка въ мірѣ и большаго оригинала; отправляюсь прямо къ нему въ уголовную палату; присутствіе еще не начиналось, мой старичекъ съ своимъ добродушнымъ лицемъ и съ синими очками на глазахъ сидѣлъ одинъ одинехонекъ, читая страшной толщины дѣло. Мы съ нимъ не видались года три, онъ обрадовался мнѣ, и я ему обрадовался, не потому чтобы мы другъ друга особенно любили,

а потому что человѣкъ всегда радуется, когда увидитъ знакомыя черты послѣ долгаго отсутствія. Я сказалъ ему о причинахъ моего появленія. Онъ велѣлъ подать дѣло; резолюція была подготовлена, я попросилъ его обратить вниманіе на нѣкоторыя "облегчающія обстоятельства," онъ согласился въ возможности уменьшить наказаніе.

Поблагодаривши его, я не могъ удержаться чтобы не сказать ему, дружески взявши его за руку: "Владиміръ Яковлевичъ, ну а еслибъ я не пришелъ, да не попросилъ бы васъ, перечитать дѣло, мужика то бы наказали строже нежели надобно.

—Что дѣлать, батюшка, отвѣчалъ старикъ поднимая свои синія очки на лобъ, совѣсть у меня чиста; я не читавши всего дѣла никогда не подпишу протокола, но, признаюсь, какъ огня боюсь отыскивать облегчащія причины.

— Ну васъ нельзя обвинить ни въ снисходительности, ни въ особомъ желаніи облегчить участь подсудимаго.

—Со всѣмъ напротивъ. Я двадцатый годъ служу въ этой палатѣ, а всякой разъ какъ придется подписывать строгій приговоръ, такъ мурашки по тѣлу пробѣгутъ.

— Такъ отъ чего же вы не любите облегчающихъ обстоятельствъ?

— Ведутъ далеко, вотъ что; право вы нынѣшніе все только вершки хватаете—ну вѣдь вы чай служили,

тамъ гдѣ нибудь въ министерствѣ, а дѣла навѣрно въ руки не брали; но вамъ оно все темная грамота. Не хотите ли позаняться у насъ въ архивѣ, прочтите дѣла хоть за два послѣдніе года, впередъ пригодится, и судопроизводство узнаете и людей тоже. Тутъ и поймете, что такое отыскивать оправданія и куда это ведетъ.

—Благодарю за доброе предложеніе, однако прежде нежели я переѣду въ вашъ архивъ на нѣсколько мѣсяцевъ, скорѣе не прочтешь двухъ полокъ, объясните теперь еще болѣе непонятное для меня, отвращеніе ваше отъ облегчающихъ обстоятельствъ. Хлопотъ что ли много, времени не достаетъ рыться въ каждомъ дѣлѣ?

— Господи прости мои прегрѣшенія, да что я, батюшка, въ вашихъ глазахъ турка или якобинецъ какой, что изъ лѣни (замѣтьте якобинцевъ во всемъ обвиняли прежде, но исключительно Владиміру Яковлевичу принадлежитъ честь обвиненія ихъ въ лѣни,) стану усугублять участь несчастнаго; говорю вамъ далеко поведетъ.

—Воля ваша, я готовъ согласиться, что я непростительно тупъ, но не понимаю васъ,

— О... о... охъ эти мнѣ петербургскіе чиновники, портфельчикъ эдакой сафьянной съ золотымъ замочкомъ подъ мышкой, а плохіе дѣльцы. Да помилуйте, возьмите любое дѣло, да начните отыскивать облегчающія обстоятельства, отъ одного къ дру-

гому, отъ другаго къ третьему, такъ къ концу то и выйдетъ что виноватого вовсе нѣтъ. Что же за порядки?

— Тѣмъ лучше.

— Такъ это по вашему за все по головкѣ гладить. Это гдѣ нибудь въ Филадельфіи хорошо, гдѣ люди другъ друга ѣдятъ, какъ же въ благоустроенномъ обществѣ, виноватаго не наказать?

— Да какой же онъ виноватый, когда вы сами найдете ему оправданіе?

— Ну да эдакъ и всякаго оправдаешь, коли дать волю мудрованіямъ. Я развѣ затѣмъ тутъ посаженъ? Я стараго покроя человѣкъ, мое дѣло буквальное исполненіе, да и такъ не хорошо—ну какъ же видишь что человѣкъ укралъ.—Воръ есть, а тутъ пойдетъ... да онъ отъ голоду укралъ, да мать больна, да отецъ умеръ когда ему было три года, онъ по міру съ тѣхъ поръ ходилъ, привыкъ бродяжничать... и конца нѣтъ; такъ вора и оставить безъ наказанія? Нѣтъ батюшка собственное сознаніе есть, улики есть — прошу не гнѣваться, XV томъ свода законовъ, да статейку. Вотъ отъ того эти облегчительныя обстоятельства для меня ножъ вострый, мѣшаютъ ясному пониманью дѣла.

Теперь я знаете понаторѣлъ и попрывыкъ, а бывало съ начала ей Богу измучишся, такой скверной правъ. Ночью придетъ дѣло въ голову, вникнешь, поразсудишь, не виноватъ да и только, точно

на смѣхъ уснуть не даетъ, кажется изъ чего хлопотать не то что родной или другъ а такъ бродяга, мерзавецъ, бѣглый... поди ты, а сердце кровью обливается. Оправдай этаго, оправдай другаго, а тамъ третьяго . . . на что же это похоже, я себя на службѣ не замаралъ, честное имя хочу до могилы сохранить. Что же начальство скажетъ, все оправдываетъ словно дуракъ какой нибудь, да и самому совѣстно. Я думалъ, думалъ, да и пересталъ искать облегчающихъ причинъ. Наша служба мудреная, не то что въ гражданской палатѣ—довѣренность засвидѣтельствовалъ, купчую совершилъ, духовную утвердилъ, отпускную скрѣпилъ, да и спи спокойно. А тутъ подумаешь, такой то Еремѣй, вотъ двѣ недѣли тому назадъ тутъ стоялъ, говорилъ, а идетъ теперь по Владимірской; такая то Акулина идетъ тоже, да и знаете того . . . на ногахъ . . . ну и сдѣлается жаль. Понимаете теперь?

— Понимаю, понимаю, добрѣйшій и почтенѣйшій Владиміръ Яковлевичъ. Прощайте, этаго разговора я не забуду.

— Пожалуйста, батюшка, по Питеру то не разсказывай такого вздору, ну что скажетъ министръ или особа какая — "Баба, а не товарищъ предсѣдателя."

— О нѣтъ, нѣтъ будьте увѣрены — я вообще съ особами ни о чемъ неговорю.

Москва Май 1846.

III.

ПОВРЕЖДЕННЫЙ.

ПОВѢСТЬ.

III.

ПОВРЕЖДЕННЫЙ.

I.

. . . . Въ одну очень тяжелую эпоху моей жизни, послѣ бурь и утратъ и передъ еще большими бурями и утратами встрѣтилъ я одно странное лицо, котораго слова и сужденія мнѣ сдѣлались больше понятны спустя нѣкоторое время.

Человѣкъ этотъ попался мнѣ на дорогѣ, точно какъ эти мистическія лица чернокнижниковъ, пилигримовъ, пустынниковъ являются въ средневѣковыхъ разсказахъ, для того чтобы приготовить героя къ печальнымъ событіямъ, къ страшнымъ ударамъ, впередъ примиряя съ судьбой, вооружая терпѣніемъ, укрѣпляя думами.

Дѣло было на Корниче.

Я приплылъ на лодкѣ изъ Ниццы въ небольшой городокъ; оттуда я собирался ѣхать сухимъ путемъ,

но лошади единственнаго ветурина только что воротились, надобно было имъ дать отдохнуть, по его словамъ: "два маленькихъ часа," что значило по крайней мѣрѣ четыре очень большихъ. Мнѣ было некуда торопиться и совершенно все равно днемъ позже или раньше пріѣду въ Геную. Я заказалъ себѣ завтракъ и пошелъ бродить по берегу.

Какое счастіе что есть на свѣтѣ полоса земли гдѣ природа такъ удивительно хороша и гдѣ можно еще жить до поры до времени, свободному человѣку.

Когда душа носитъ въ себѣ великую печаль, когда человѣкъ не настолько сладилъ съ собою чтобы примириться съ прошедшимъ, чтобы успокоиться на пониманіи—ему нужна и даль и горы, и море и теплый, кроткій воздухъ; нужны для того чтобы грусть не превращалась въ ожесточеніе, въ отчаяніе, чтобы онъ не зачерствѣлъ. Хорошій край нужнѣе хорошихъ людей. Люди готовы сострадать, но почти никогда не умѣютъ; отъ ихъ состраданія становится хуже, они бередятъ раны, они не ловки. Сверхъ того люди бѣсятъ или разсѣеваютъ; къ чему еще бѣситься, къ чему съ другой стороны бѣжать отъ печали, это также робко и слабо, какъ глупо бѣжать отъ наслажденій когда они еще веселятъ.

Досадно что я не пишу стиховъ. Рѣчи объ этомъ краѣ необходимъ ритмъ, такъ какъ онъ необходимъ морю, которое мѣрными стопами, вовѣки не скончаемыхъ гексаметровъ, плещетъ въ пышный карнизъ

Италіи. Стихами легко разсказывается именно то, чего не уловишь прозой... едва очерченная и замѣченная форма, чуть слышный звукъ, не совсѣмъ пробужденное чувство, еще не мысль..... въ прозѣ просто, совѣстно повторять этотъ лепетъ сердца и шопотъ фантазіи.

День былъ удивительный, жаръ только что начинался, яркое, утреннее солнце освѣщало маленькій городокъ, померанцовую рощу и море. Пригорокъ былъ покрытъ лѣсомъ маслинъ. Я легъ подъ старой, тѣнистой оливой, недалеко отъ берега и долго смотрѣлъ какъ одна волна за другою шла длинной, выгнутой линіей, подымалась, хмурилась, начинала закипать и разливалась пропадая струями и пѣной, въ то время какъ слѣдующая съ тѣмъ же важнымъ и стройнымъ видомъ хмурилась и закипала чтобы разлиться. Намъ такъ чуждо все безкорыстное, такъ дешево все настоящее, что и въ вѣчномъ колыханіи природы человѣкъ невольно ждетъ чего то — слѣдующей волны, развязки... вотъ теперь кажется что то да выйдетъ... кажется что теперь, а волна опять разлилась и шумитъ шурстя камнями, которые утягиваетъ съ собой въ глубь, чтобы при первомъ вѣтрѣ выбросить ихъ снова на берегъ.

Волна моей жизни, думалось мнѣ, тоже перегнулась и течетъ вспять, я чувствую какъ она отступаетъ, касается каменьевъ, дна и берега, какъ увлекаетъ

меня назадъ, необращая вниманія ни на ушибы ни на усталь и нашептывая въ утѣшеніе:

Погоди не много
Отдохнешь и ты!

..... Наша жизнь вовсе не наша, все дѣлается помимо насъ.

Человѣкъ растетъ, растетъ, складывается и прежде нежели замѣчаетъ, идетъ ужъ подъ гору. Вдругъ какой нибудь ударъ будитъ его и онъ съ удивленіемъ видитъ что жизнь не только сложилась, но и прошла. Онъ тутъ только замѣчаетъ тягость въ членахъ, сѣдые волосы, усталь въ сердцѣ, вялость въ чувствахъ. Помочь нечѣмъ. Узелъ которымъ организмъ связанъ и затянутъ—личность — слабѣетъ. Жгучія страсти выдыхаются въ успокоивающія разсужденія, дикіе порывы въ благоразумныя отмѣтки, сердце холодѣетъ, привыкаетъ ко всему, мало требуетъ, мало даетъ, химическое сродство, гдѣ можетъ, утягиваетъ составныя части въ минеральный міръ и замѣняетъ ихъ чѣмъ то мертвымъ, каменнымъ. Безличная мысль и безличная природа одолѣваютъ мало по малу человѣкомъ и влекутъ его безостановочно на свои вѣчныя, неотвратимыя кладбища логики и стихійнаго бытія....

II.

... Когда я пришелъ въ гостинницу, на дворѣ уже было очень жарко, я сѣлъ на балконѣ. Передъ глазами тянулась длинной ниткой обозженная солнцемъ дорога, она шла у самаго моря, по узенькой нарѣзкѣ, огибавшей гору. Мулы звоня бубенчиками и украшенные красными кисточками везли боченки вина осторожно переступая съ ноги на ногу; медленное шествіе ихъ нарушилось дорожной каретой, почталіонъ хлопалъ бичемъ и кричалъ, мулы жались къ скалистой стѣнѣ, вощики бранились, карета покрытая густыми слоями пыли приближались больше и больше и остановилась подъ балкономъ, на которомъ я сидѣлъ.

Почталіонъ соскочилъ съ лошади и сталъ откладывать, толстой трактирщикъ въ фуражкѣ національной гвардіи отворилъ дверцы и два раза привѣстовалъ княжескимъ титуломъ сидѣвшихъ въ каретѣ, прежде нежели слуга спавшій на козлахъ пришелъ въ себя и потягиваясь сошелъ на землю.

Такъ спятъ на козлахъ и такъ апетитно тянутся, только русскіе слуги, подумалъ я и пристально по-

смотрѣлъ на его лицо; русые усы сдѣлавшіеся свѣтлобурыми отъ пыли, широкій носъ, бакенбарды пущенные прямо въ усы на половинѣ лица и особый національный характеръ всѣхъ его пріемовъ, убѣдили меня окончательно, что почтенный незнакомецъ былъ родомъ изъ какой нибудь тамбовской, пензенской или симбирской передней. Какъ ни философствуй и не клевещи на себя, но есть что то шевелящееся въ сердцѣ, когда вдругъ неожиданно встрѣчаешь въ дальней дали своихъ соотечественниковъ. Между тѣмъ изъ кареты выскочилъ человѣкъ лѣтъ тридцати съ сытымъ, здоровымъ и веселымъ видомъ, который даетъ беззаботность, славное пищевареніе и не излишне развитые нервы. Онъ посадилъ на носъ верховые очки висѣвшіе на шнуркѣ, посмотрѣлъ на право, посмотрѣлъ на лѣво и съ дѣтскимъ простодушіемъ закричалъ спутнику въ каретѣ: "Чудо какое мѣсто, ей Богу прелесть, вотъ Италія такъ Италія, небо то, небо синее, яхонтъ! Отсюда начинается Италія!"

"Вы это шестой разъ говорите съ Авиньона," замѣтилъ его товарищъ усталымъ и первымъ голосомъ, медленно выходя изъ кареты. Это былъ худощавый, высокій человѣкъ, гораздо постарше перваго; онъ почти весь былъ одного цвѣта, на немъ былъ свѣтлозеленый пальто, фуражка изъ небѣлепаго батиста, подъ цвѣтъ бѣлокурымъ волосамъ покрытымъ пылью, слабые глаза его оттѣнялись

свѣтлыми рѣсницами и наконецъ лицо завялое и болѣзненное было больше изжелта-зеленоватое, нежели блѣдное.

Печальная фигура посмотрѣла молча въ ту сторону, въ которую показывалъ его товарищъ, не выражая ни удивленія, ни удовольствія.

"Вѣдь это все оливы, все оливы"—продолжалъ молодой человѣкъ.

"Оливовая зелень прескучная и преоднообразная возразилъ свѣтлозеленый товарищъ, наши березовыя рощи красивѣе."

Ба, подумалъ я, да это старые знакомые, это Ноздревъ и Межуевъ переложенные на новые нравы и ѣдущіе не въ Заманиловку, а въ Сенъ Ремо.

Молодой человѣкъ покачалъ головой какъ будто хотѣлъ сказать—неисправимъ хоть брось! и взглянулъ на верхъ. Лице его показалось мнѣ знакомо, но сколько я ни старался, я не могъ припомнить гдѣ я его видѣлъ. Русскихъ вообще трудно узпавать въ чужихъ краяхъ, они въ Россіи ходятъ по нѣмецки безъ бороды, а въ Европѣ по русски отрасчивая съ невѣроятной скоростью бороду.

Мнѣ не пришлось долго ломать головы. Молодой человѣкъ съ тѣмъ добродушіемъ и съ той беззаботной сытостью въ выраженіи, съ которыми радовался оливамъ, бѣжалъ ко мнѣ и кричалъ по русски. "Вотъ не думалъ, не гадалъ — истинно говорятъ гора съ го-

рой не сходится — да вы меня кажется не узнаете? Старыхъ знакомыхъ забывать стали?

— Теперь то очень узнаю; вы ужасно перемѣнились, и борода, и разтолстѣли и похорошѣли, такіе стали кровь съ молокомъ."

— In corpore sano, mens sana, отвѣчалъ онъ отъ души смѣясь и показывая рядъ зубовъ которому бы позавидовалъ волкъ—и вы перемѣнились, постарѣли—а что? жизнь то кладетъ свои нарѣзки? Впрочемъ мы четыре года не видались; много воды утекло съ тѣхъ поръ.

— Не мало. Какъ вы сюда попали?

— Ѣду съ больнымъ...

Это былъ лекарь московскаго университета, исправлявшій нѣкогда должность прозектора; лѣтъ пять передъ тѣмъ я занимался анатоміей и тогда познакомился съ нимъ. Онъ былъ добрый, услужливый малой, необыкновенно прилежный, усердно занимавшійся наукою à livre ouvert, т. е. никогда не ломая себѣ головы ни надъ однимъ вопросомъ, который не былъ разрѣшенъ другими, но отлично знавшій всѣ разрѣшенные вопросы.

— А! такъ этотъ зеленый товарищъ вашъ больной; куда же вы его дѣли?

— Это такой экземпляръ, что и въ Италіи у васъ не скоро сыщешь. Вотъ чудакъ то. Машина была хороша, да немного повредилась (при этомъ онъ

показалъ пальцомъ на лобъ) я и чиню ее теперь. Онъ шелъ сюда, да чортъ меня дернулъ сказать что я васъ знаю, онъ перепугался; ипохондрія доходящая до маніи; иногда онъ цѣлые дни молчитъ, а иногда говоритъ, говоритъ — такія вещи, ну просто волосъ дыбомъ становится, все отвергаетъ, все — оно ужъ эдакъ черезъ край; я самъ знаете не очень бабьимъ сказкамъ вѣрю, однакожъ все же есть что то. Впрочемъ онъ претихой и предобрый; ему ѣхать за границу вовсе не хотѣлось. Родные уговорили, знаете съ рукъ долой, ну да и языка то его побаивались — лакеи, дворники все на откупу у полиціи — поди тамъ оправдывайся. Ему хотѣлось въ деревню, а имѣніе у него съ сестрой недѣленое; та и перепугалась—комунизмъ, говоритъ, будетъ мужикамъ проповѣдывать, тутъ и собирай недоимку. Наконецъ онъ согласился ѣхать, только непремѣнно въ южную Италію, Magna Grecia! Отправляется въ Калабрію и вашъ покорный слуга съ нимъ въ качествѣ лейбъ-медика. Помилуйте что за мѣсто, тамъ кромѣ бандитовъ да поповъ, человѣка не найдешь; я вотъ проѣздомъ въ Марселѣ, купилъ себѣ пистолетъ револьверъ, знаете четыре ствола такъ повертываются.

— Знаю. Однакожъ должность ваша не изъ самыхъ веселыхъ, быть безпрестанно съ сумасшедшимъ.

— Вѣдь онъ не въ самомъ дѣлѣ на стѣну лѣзетъ или кусается. Онъ меня даже любитъ по своему,

хотя и не дастъ слова сказать чтобы не возразить. Я впрочемъ совершенно доволенъ; получаю тысячу серебромъ въ годъ на всемъ готовомъ, даже сигарокъ не покупаю. Онъ очень деликатенъ, что до этаго касается. Чего нибудь стоитъ и то что на свѣтъ посмотришь. Да, послушайте, надобно вамъ показать моего чудака.

— Богъ съ нимъ совсѣмъ. Кстати, вы не только другихъ не знакомьте, но и сами будьте осторожны, со мной вѣрноподданнымъ дозволяется только грубить, а не то, васъ пожалуй послѣ возвращенія изъ Италіи въ такую Калабрію пошлютъ гдѣ ни поповъ, ни разбойниковъ нѣтъ. А можетъ быть и peggio — такое зададутъ arpeggio.

— Ха, ха, ха — экъ языкъ то, языкъ, все тотъ же, все съ ядомъ, все бы кусаться, вотъ небось этаго не забыли — arpeggio. Не боимся мы, наше дѣло медицинское; ну позовутъ къ Леонтію Васильевичу, что же? Я скажу откровенно—помилуйте, генералъ, на дорогѣ встрѣтилъ человѣка безъ живота лежитъ, не можетъ дальше ѣхать, ну я ему лауданума съ мятой далъ, это обязанность званія, долгъ человѣчества. Онъ вѣдь и пойметъ что это вздоръ, ну да умный человѣкъ, надоѣло же все въ Сибирь, да въ Сибирь, скажетъ—ну впередъ будьте осторожны, я говорю для вашего собственнаго блага, это отеческій совѣтъ,— такъ и отпуститъ. Нынче у насъ какъ то меньше смотрятъ за этимъ, сей Богу; у Излера пресса лежитъ

такъ какъ петербургскія вѣдомости, просто на столѣ лежитъ.

— И притомъ еще отборные нумера, не такъ какъ здѣсь сплошъ да рядомъ.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, много небось вы здѣсь выиграли февральской революціей?

— У... у... да вы преопасный человѣкъ, вы ужъ разрѣшили эдакъ, о мятежахъ и злоумышленникахъ говорить—смотрите—до добра это не доведетъ.

— Я притащу моего паціента — ну что вамъ въ самомъ дѣлѣ, черезъ часъ разъѣдитесь; онъ предобрѣйшій человѣкъ и былъ бы преумный.

— Еслибъ не сошелъ съ ума.

— Это несчастіе... вамъ ей Богу все равно, а ему разсѣяніе и нужно и полезно.

— Вы уже меня начинаете употреблять съ фармацевтическими цѣлями, замѣтилъ я, но лекарь уже летѣлъ по корридору.

Я не подчинился бы его желанію и его русской распорядительности чужою волею, но меня наконецъ интересовалъ свѣтлозеленый комунистъ помѣщикъ и я остался его ждать.

Онъ взошелъ робко и застѣнчиво, кланялся мнѣ какъ то больше, нежели нужно и нервно улыбался. Чрезвычайно подвижные мускулы лица, придавали странное и неуловимое колебаніе его чертамъ, которые безпрерывно мѣнялись и переходили изъ грустно печальнаго въ насмѣшливое, а иногда даже въ про-

стоватое выраженіе. Въ его глазахъ, по большей части ни куда не смотрѣвшихъ, была замѣтна привычка сосредоточенности и большая внутренняя работа, подтверждавшаяся морщинами на лбу, которыя всѣ были сдвинуты надъ бровями. Не даромъ и не въ одинъ годъ мозгъ выдавилъ черезъ костяную оболочку свою такой лобъ и съ такими морщинами, не даромъ и мускулы лица сдѣлались такими подвижными.

"Евгеній Николаевичъ, говорилъ ему лекарь, позвольте васъ познакомить, представьте какой странный случай, вотъ гдѣ встрѣтился—старый пріятель, съ которымъ вмѣстѣ кошекъ и собакъ рѣзали."

Евгеній Николаевичъ улыбался и бормоталъ: "очень радъ — случай — такъ неожиданно — вы извините."

"А помните, продолжалъ лекарь, какъ мы собаченкѣ сторожа Сычева перерѣзали пневмогастрическій нервъ—закашляла голубушка."

Евгеній Николаевичъ сдѣлалъ гримасу, посмотрѣлъ въ окно и откашлянувъ раза два, спросилъ меня: "Вы давно изволили оставить Россію?"

— Пятой годъ.

— И ничего, привыкаете къ здѣшней жизни? спросилъ Евгеній Николаевичъ и покраснѣлъ.

— Ничего.

— Дасъ, но очень непріятная, скучная жизнь за границей.

— И въ границахъ, прибавилъ развязный лекарь.

Вдругъ, чего я никакъ не ожидалъ, мой Евгеній Николаевичъ покатился со смѣху и наконецъ послѣ долгихъ усилій успѣлъ на столько успокоиться чтобы сказать прерывающимся голосомъ: "Вотъ Филиппъ Даниловичъ все со мной споритъ, ха, ха, ха, я говорю что земной шаръ или неудавшаяся планета, или больная; а онъ говоритъ что это пустяки; какъ же послѣ этаго объяснить что за границей и дома жить скучно, противно; и онъ опять рязхохатался до того, что жилы на лбу налились кровью. Лекарь лукаво подмигнулъ мнѣ съ такимъ видомъ превосходства, что мнѣ стало его ужасно жаль.

— Отъ чего же не быть больнымъ планетамъ? спросилъ пресерьезно Евгеній Николаевичъ — если есть больные люди?

— Отъ того, отвѣчалъ лекарь за мемя, что планета не чувствуетъ; гдѣ нѣтъ нервовъ, тамъ нѣтъ и боли.

— А мы съ вами что? да для болѣзни нервовъ и не нужно, бываетъ же виноградъ болѣнъ и картофель? Я того и смотрю что земной шаръ или лопнетъ, или сорвется съ орбиты и полетитъ. Какъ это будетъ странно, и Калабрія, и Николай Павловичъ съ зимнимъ дворцомъ, и мы съ вами, Филиппъ Даниловичъ, все полетитъ и вашего пистолета не нужно будетъ. Онъ снова расхохотался и въ туже минуту продолжалъ съ страстной настойчивостію обращаясь ко мнѣ: такъ жить нельзя, вѣдь это очевидно

надобно чтобы что нибудь да сдѣлалось; лучше планетѣ съизнова начать; настоящее развитіе очень неудачно, есть какай то фаутъ. При составѣ что ли, или когда мѣсяцъ отдѣлялся, что то несладилось, все идетъ съ тѣхъ поръ не такъ какъ слѣдуетъ. Сначала болѣзни были острыя; каковъ былъ жаръ внутренній во время геологическихъ переворотовъ! Жизнь взяла верхъ, но болѣзнь оставила слѣды. Равновѣсіе потеряно, планета мечется изъ стороны въ сторону. Сначала ударилась въ количественную нелѣпость; ну пошли ящерицы съ домъ величины, папоротники такіе что однимъ листомъ экзерциргаусъ покрыть можно, ну разумѣется все это перемерло, какъ же такимъ нелѣпостямъ жить. Теперь въ качественную сторону пошло — еще хуже — мозгъ, мозгъ, нервы, развивались, развивались, до того что умъ за разумъ зашелъ. Исторія сгубитъ человѣка, вы что хотите говорите, а увидите—сгубитъ.

Послѣ этой выходки, Евгеній Николаевичъ замолчалъ. Подали завтракъ, онъ очень мало ѣлъ, очень мало пилъ и во все время ничего не говорилъ кромѣ "да" и "нѣтъ." Передъ концомъ завтрака онъ спросилъ бордо, налилъ рюмку, отвѣдалъ и поставилъ ее съ отвращеніемъ. "Что спросилъ лекарь, видно скверное."

"Скверное," отвѣчалъ паціентъ и лекарь принялся стыдить трактирщика, бранить слугу, удивляться корыстолюбію людей, ихъ эгоизму, упрекалъ въ томъ

что трактирщики берутъ 35 процентовъ и все таки обманываютъ.

Евгеній Николаевичъ равнодушно замѣтилъ, что онъ не понимаетъ за что сердится лекарь, что онъ съ своей стороны не видитъ отъ чего трактирщику не брать 65 процентовъ — если онъ можетъ и что онъ очень умно дѣлаетъ продавая скверное вино — пока его покупаютъ.

Этимъ нравственнымъ замѣчаніемъ кончился нашъ завтракъ.

III.

Поврежденный съ самаго перваго разговора удивилъ меня независимою отвагой своего больнаго ума. Онъ былъ явнымъ образомъ "надломленъ" и хотя лекарь увѣрялъ меня, что онъ во всю жизнь не имѣлъ ни большаго несчастія, ни большихъ потрясеній, я плохо вѣрилъ въ психологію моего добраго прозектора.

Мы поѣхали вмѣстѣ въ Геную и остановились въ одномъ изъ дворцовъ, разжалованыхъ въ нашъ мѣщанской вѣкъ въ отели. Евгеній Николаевичъ не показывалъ ни особеннаго интереса къ моимъ бесѣдамъ, ни особеннаго отвращенія отъ нихъ. Съ докторомъ онъ безпрестанно спорилъ.

Когда темныя минуты ипохондріи подавляли его, онъ удалялся, запирался въ комнатѣ, рѣдко выходилъ, былъ желто блѣденъ, дрожалъ какъ въ ознобѣ, а иногда казалось глаза его были заплаканы. Лекарь побаивался за его жизнь бралъ глупыя предосторожности, удалялъ бритвы и пистолеты, мучилъ больнаго разводящими и ослабляющими нервы лекарствами, сажалъ его въ теплую ванну съ ароматн-

ческой травой. Тотъ слушался съ желчной и озлобленной страдательностью, возражая на все и все исполняя, какъ избалованное дитя.

Въ свѣтлыя минуты онъ былъ тихъ, мало говорилъ, но вдругъ рѣчь его неслась какъ изъ прорвавшейся плотины, перерываемая спазматическимъ смѣхомъ и нервнымъ сжатіемъ горла, и потомъ скошенная середь дороги, она останавливалась оставляя слушавшаго въ тоскливомъ раздумьи. Его странныя парадоксальныя выходки казались ему легкими, какъ таблица умноженія. Взглядъ его дѣйствительно былъ вѣренъ и послѣдователенъ тѣмъ произвольнымъ началамъ, которыя онъ бралъ за основу.

Онъ много зналъ, но авторитеты на него не имѣли ни малѣйшаго вліянія, это всего болѣе оскорбляло хорошо учившагося лекаря, который ссылался какъ на окончательный судъ на Кювье или на Гумбольдта.

— Да отъ чего мнѣ—возражалъ Евгеній Николаевичъ — такъ думать какъ Гумбольдтъ. Онъ умный человѣкъ, много ѣздилъ, интересно знать что онъ видѣлъ и что онъ думаетъ, но меня то, это не обязываетъ думать какъ онъ. Гумбольдтъ носитъ синій фракъ — чтоже и мнѣ носить синій фракъ? Вотъ небось Моисею такъ вы не вѣрите.

— Знаете ли — говорилъ глубоко уязвленный докторъ, обращая рѣчь ко мнѣ, что Евгеній Николаевичъ не видитъ разницы между религіей и наукой —что скажете?

— Разницы нѣтъ—прибавилъ тотъ утвердительно, развѣ то, что они одно и тоже говорятъ на двухъ нарѣчіяхъ.

— Да еще то, что одна основана на чудесахъ, а другая на умѣ, одна требуетъ вѣры, а другая знанія.

— Ну чудеса то тамъ и тутъ, все равно, только что религія идетъ отъ нихъ, а наука къ нимъ приходитъ. Религія такъ ужъ откровенно и говоритъ, что умомъ не поймешь, а есть говоритъ другой умъ поумнѣе, тотъ молъ сказывалъ вотъ такъ и такъ. А наука обманываетъ, воображая что понимаетъ какъ... а въ сущности, и та и другая доказываютъ одно, что человѣкъ неспособенъ знать всего, а такъ кое что таки понимаетъ; въ этомъ сознаться нехочется, ну по слабости человѣческой, люди и вѣрятъ, одни Моисею, другіе Кювье; какая повѣрка тутъ? Одинъ разсказываетъ какъ Богъ создавалъ звѣрей и траву, а другой какъ ихъ создавала—жизненная сила. Противуположность не между знаніемъ и откровеніемъ въ самомъ дѣлѣ, а между сомнѣніемъ и принятіемъ на вѣру.

— Да на что же мнѣ принимать на вѣру какія нибудь патологическія истины, когда я ихъ умомъ вывожу изъ законовъ организма?

— Конечно было бы не нужно, да вѣдь ни вы, и ни кто другой не знаетъ этихъ законовъ, ну такъ оно и приходится вѣрить, да помнить.

Въ мірѣ не было человѣка менѣе способнаго

ладить съ нашимъ чудакомъ какъ лекарь, онъ вовсе не былъ глупъ, но принадлежалъ къ числу тѣхъ свѣтлыхъ, практическихъ умовъ, умовъ подкожныхъ такъ сказать, которые дальше разсудочныхъ категорій и общепринятыхъ мнѣній не только не идутъ, но и не могутъ идти. Онъ удивлялся какъ я могъ иной разъ артистически наслаждаться разговорами Евгенія Николаевича и брать его сторону; я утѣшалъ его говоря: "свой своему поневолѣ братъ."

— Однако нѣкоторые законы организма, намъ извѣстны—возражалъ защитникъ наукъ.

— Какіе же напримѣръ?

— Мало ли — я не знаю — да чтобы далеко не искать — вотъ вамъ общій законъ, все родившееся должно умереть.

— За чѣмъ же? возразилъ Евгеній Николаевичъ, что за долгъ умирать? да это и не законъ, это такъ фактъ; внутренней необходимости никакой нѣтъ въ смерти; неужели вы думаете, что медицина, не дойдетъ до того чтобы продолжать жизнь до безконечности?

При этомъ вопросѣ и я грѣшный человѣкъ взглянулъ на него почти также какъ докторъ.

— Я много встрѣчалъ людей, замѣтилъ я въ свою очередь, вѣрющихъ и не вѣрющихъ въ безсмертіе души, но вы первый, который не вѣрите въ смертность тѣла.

— Какъ не вѣрить, я не то говорю — я только не

вижу никакой серьезной необходимости въ смерти. Жить значитъ ѣсть окружающее; если пища будетъ поддерживать химической процессъ, онъ и продолжится. Если пища будетъ мѣшать костямъ каменѣть, хрящу дѣлаться костью, крови становиться гуще или жиже нежели надобно, на что же умирать? Родившееся должно жить; оно умираетъ не потому что родилось, а потому что не ту пищу нужно. Слѣдуетъ ли теперь изъ того что мы плохіе повара, что смерть нельзя удалить на безконечное время? Жизнь лучше не проситъ какъ продолжаться.

— Со стороны послушаешь, точно будто и дѣло —сказалъ Филиппъ Даниловичъ.—А вотъ какъ намъ быть съ этимъ, если медицина дойдетъ до того что людей будутъ лечить отъ смерти; а планета, которая по вашему сильно хирѣетъ, совсѣмъ зачахнетъ и умретъ, странное будетъ положеніе, переѣзжать придется на луну, или прямо на Венеру.

— Вопросъ этотъ нѣсколько смутилъ Евгенія Николаевича, онъ задумался, походилъ по комнатѣ и потомъ съ видомъ человѣка доискавшагося до важнаго разрѣшенія отвѣтилъ: Tout bien pris болѣзнь не такъ глубока, я можетъ ошибался; во-первыхъ ужъ то хорошо что болѣзнь спеціальная — одинъ только родъ человѣческой ею пораженъ. Да и родъ то человѣческой не весь боленъ, Это мѣстная болѣзнь, ендемическая въ одной Европѣ. Такъ какъ холера идетъ съ береговъ Инда, чума съ береговъ Нила,

желтая лихорадка съ устьевъ Миссисипи, такъ болѣзнь историческаго развитія идетъ изъ Европы. Какъ только люди коснутся этой проклятой земли, такъ ихъ мозгъ и поражается болѣзнію. Съ Пелазговъ, съ Грековъ начиная и до нашего времени. Англія разнесла заразу по всему земному шару. Чего, Австралія совсѣмъ негодный материкъ, и тотъ не оставляютъ въ покоѣ. Въ Африкѣ жить нельзя Европейцу, такъ по закраинѣ поселились — вотъ вамъ за холеру, да за чуму, это ужъ не зубъ за зубъ, а челюсть за зубъ.

— Вы такъ разсуждаете, сказалъ я ему шутя и взявъ его за обѣ руки, что я нисколько не удивляюсь, если послѣ вашего возвращенія Николай Павловичъ сдѣлаетъ васъ министромъ народнаго просвѣщенія.

— Не обвиняйте меня, пожалуста не обвиняйте, возразилъ онъ съ чувствомъ, и не шутите надъ моими мыслями. Я самъ шутилъ надъ Руссо, и знаю какъ Вольтеръ ему писалъ, что учиться ходить на четверенькахъ поздно. Трудомъ тяжелымъ и мученическимъ, дошелъ я до того, что понялъ откуда все зло—понялъ, и самъ оробѣлъ; я никому не говорилъ, молчалъ, но когда страданія и плачъ людей становились громче и громче, зло очевиднѣе и очевиднѣе, тогда я пересталъ прятать истину. Мы погибшіе люди, мы жертвы вѣковыхъ отклоненій и платимъ за грѣхи нашихъ праотцевъ, гдѣ насъ лѣчить! Будущія то поколѣнія можетъ опомнятся.

— И такъ à la fin des fins, выздоровленіе человѣка начнется тогда, когда вмѣсто прогресса люди пойдутъ вспять, съ цѣлью зачислиться со временемъ въ орангъ-утанги, сказалъ лекарь закуривая свѣжую сигару.

— Приблизиться къ животнымъ не мѣшаетъ, послѣ неудачныхъ опытовъ сдѣлаться ангелами. Всѣ звѣри разчитаны по средѣ въ которой жить должны, перестановки почти всегда гибельны. Рѣчная вода для насъ пріятнѣе и чище морской, а пустите въ нее какаго нибудь морскаго молюска — онъ умретъ. Человѣкъ вовсе не такъ богато одаренъ природой, какъ воображаетъ; болѣзненное развитіе его нервовъ и мозга, увлекаетъ его въ жизнь ему несвойственную, высшую, въ ней онъ гибнетъ, чахнетъ, мучится. Гдѣ люди переломили эту болѣзнь, тамъ они успокоились, тамъ они довольны и были бы счастливы, если бы ихъ оставляли въ покоѣ. Посмотрите на эти ряды поколѣній гдѣ нибудь въ Индіи, природа имъ дала все съ избыткомъ, язва государственной и политической жизни прошла, болѣзненное преобладаніе ума надъ другими отправленіями организма утихло; всемірная исторія ихъ забыла и они жили такъ какъ людямъ хорошо живется, такъ какъ людямъ возможно жить до проклятой Остъ-Индской компаніи, которая все перепортила.

— Впрочемъ, замѣтилъ лекарь, толпа почти такъ и у насъ живетъ.

— Это было бы важнѣйшее доказательство въ мою пользу, то что вы называете толпой, это то и есть человѣческой родъ; но толпѣ не даютъ жить такъ, какъ она хочетъ—вотъ бѣда то въ чемъ. Просвѣщеніе страшно дорого стоитъ; государство, религія, солдаты, морятъ съ голоду нижніе слои; да чтобы окончательно ихъ сгубить, развѣшиваютъ передъ ихъ глазами свои богатства, они развиваютъ въ нихъ неестественные вкусы, ненужныя потребности и отнимаютъ средства удовлетворенія даже необходимыхъ; какое печальное раздирающее душу положеніе! Снизу кишитъ задавленное работой, изнуренное голодомъ населеніе, сверху вяпетъ и выбивается изъ силъ другое населеніе задавленное мыслію, изнуренное стремленіями, на которыя такъ же мало отвѣта, какъ мало хлѣба на голодъ бѣдныхъ. А между этими двумя болѣзнями, двумя страданіями, между лихорадкой отъ другой жизни и чахоткой отъ сумасшедшихъ нервъ, между ними лучшій цвѣтъ цивилизаціи, ея балованныя дѣти, единственные люди кой-какъ наслаждающіеся, кто же они? Наши помѣщики средней руки и здѣшніе лавочники. Но природа себя въ обиду не даетъ... она клеймитъ за измѣну нехуже всякаго палача... продолжалъ онъ ходя по комнатѣ, и вдругъ остановился передъ зеркаломъ: Ну посмотрите на эту рожу — ха, ха, ха, вѣдь это ужасно, сравните любаго крестьянина

нашего со мной, новая varietas которую Блуменбахъ проглядѣлъ, "кавказко-городская," къ ней принадлежатъ чиновники и лавочники, ученые, дворяне и всѣ эти альбиносы и кретины, которые населяютъ образованный міръ—племя слабое, безъ мышцъ, въ ревматизмѣ, и при томъ глупое, злое, мелкое, безобразное, неуклюжее — точь въ точь я, старикъ въ тридцать пять лѣтъ безпомощный, ненужный, который провелъ всю жизнь какъ кроссъ салатъ вырощенный зимой между двухъ войлоковъ — фу, какая гадость! Нѣтъ, нѣтъ, такъ продолжаться не можетъ, это слишкомъ нелѣпо, слишкомъ гнило. Къ природѣ..... къ природѣ на покой, — полно строить и перестроивать вавилонскую башню общественнаго устройства; оставить ее да и кончено, полно домагаться невозможныхъ вещей. Это хорошо влюбленнымъ дѣвочкамъ мечтать о крыльяхъ, von einer besseren Natur, von einem andern Sonnenlichte. Пора домой на мягкое ложе приготовленное природой на свѣжій воздухъ, на дикую волю самоуправства, на могучую свободу безначалія.

— Такъ это уже просто въ разсыпную по лѣсамъ? замѣтилъ Филиппъ Даниловичъ.

— Люди всегда будутъ жить стадами, отвѣтилъ докторально нашъ чудакъ.

— Евгеній Николаевичъ — прибавилъ я — а вѣдь какъ люди то падуютъ философію исторіи и ученіе о

совершенствованіи, когда они вылѣчатся отъ хронической болѣзни historia morbus и начнутъ жить мирными стадами?

— Да, да, съ восторгомъ подхватилъ онъ — Кондорсе то съ своей книжкой, ха! ха!

И Евгеній Николаевичъ раскраснѣвшійся въ лицѣ, съ жилами налившимися кровью на лбу, вдругъ сморщился, сдѣлалъ серьезный видъ и упорно замолчалъ.

IV.

— Вы тамъ что ни толкуйте Филиппъ Даниловичъ, а въ исторіи вашего больнаго есть какія нибудь странныя событія — сказалъ я разъ доктору, гуляя съ нимъ по мраморной терасѣ у моря.

— Ну да какъ не быть чего нибудь, кто же до тридцати пяти лѣтъ доживалъ безъ какихъ нибудь непріятностей.

— Какія же однако были у него непріятности?

— Я важнаго ничего не знаю. Вы сами видите какой организмъ, нервы почти наружѣ, всякая всячина его раздражаетъ, крови нѣтъ, отъ природы слабъ, пищевареніе скверное, матери было за сорокъ лѣтъ когда онъ родился, да еще по смерти отца, форсепсомъ полуживаго достали. А тутъ петербургской климатъ, богатство, англійская болѣзнь, глупое холенье довоспитали. Съ родными онъ никогда особенно близокъ не бывалъ; оно и не мудрено, онъ давно уже занимается болѣзнію земнаго шара, и излѣченіемъ рода человѣческаго отъ исторіи, а тѣ думаютъ какъ бы побольше денегъ слупить съ крестьянъ. Разумѣется хозяйство шло у него черезъ пень колоду; сестра жила на его счетъ, и теперь на

его счетъ всю семью содержитъ, да это его и незаботитъ, благо конца нѣтъ деньгамъ. Сначала говорятъ онъ жилъ покойно, занимался науками, не выходилъ почти никогда изъ своей половины, пристрастился къ музыкѣ, читалъ всякую всячину, только на службу никакъ не хотѣлъ. Потомъ говорили какая то дѣвчонка обманула его и обобрала. Онъ все становился пасмурнѣе, тяжеле для окружающихъ, ипохондрія развивалась, они его и справодили.

— Какая же это дѣвчонка его обманула?

— У васъ такъ ужъ въ головѣ и вертятся Вертеръ и Шарлота, письма, пистолеты — мечтатели и вы страшные; успокойтесь исторія эта очень проста, Шарлота была сестрина горничная. Онъ презастѣнчивой и отроду не подходилъ близко къ женщинѣ, не знаю ужъ какъ тамъ ихъ Богъ свелъ, только говорятъ онъ ее любилъ, воображалъ, что чудо открылъ, кантатрису, а она какъ то сговорившись съ любовникомъ обокрала его — вотъ вамъ и весь романъ. Я видѣлъ ее передъ отъѣздомъ, такъ неважная, а впрочемъ недурна, еслибъ мы дольше остались въ Петербургѣ, я такъ и быть, приволокнулся бы за ней.

Больше я не могъ ничего добиться отъ моего патолога, мнѣ было досадно что онъ такъ играя скользитъ по жизни, досадно, а можетъ и завидно...

Стройная, высокая Генуэзска въ черномъ платьи и покрытая бѣлымъ, длиннымъ, прикрѣпленнымъ

къ косѣ вуалемъ, шмыгнула мимо насъ, незамѣтно улыбнулась, прищурила глаза, и быстро прошла. Ah che bellezza, che bellezza! закричалъ лекарь. Она обернулась и поблагодарила его тѣмъ граціознымъ, легкимъ, чисто итальянскимъ движеніемъ руки, которымъ они кланяются, и какъ будто этаго было мало, кивнула своей прекрасной головкой. Лекарь бросился за ней.

Я оставилъ его и пошелъ въ Stabilimento della Concordia.

Это самое пзящное, самое красивое кафе во всей Европѣ. Тамъ бродя между фонтанами, цвѣтами, при гремящей музыкѣ, и ослѣпительномъ освѣщеніи, переходя пзъ мраморныхъ залъ въ садъ и пзъ саду въ залы, разкрытыя al fresco, середь энергическихъ, воронихъ головъ римскихъ пзгнанниковъ, середь безконечныхъ савойскихъ усовъ, и генуэзскихъ породистыхъ красавицъ, я продолжалъ думать о поврежденномъ.

Вспоминая его рѣчи и разсказъ лекаря, я пошелъ къ одному пзъ маленькихъ столиковъ въ саду и спросилъ гранпту. Увидя меня, человѣкъ сидѣвшій за ближнимъ столомъ, поспѣшно всталъ, выпилъ наскоро свою рюмку росоліо и собрался уйдти. Это былъ слуга Евгенія Пиколаевича, который такъ по русски тянулся на козлахъ.

— Для чегожъ вы это идете? Я вамъ не мѣшаю, пи вы мнѣ.

— Помилуйтесь, отвѣчалъ Спиридонъ снявши шляпу, оно нашему брату неприходится то есть съ господами.

— Вѣдь вы теперь не въ Петербургѣ и не въ Москвѣ. Пожалуйста надѣньте вашу шляпу, и останьтесь—или я уйду.

Онъ остался и надѣлъ шляпу, но садиться нехотѣлъ никакъ.—Да вѣдь вы сидѣли же прежде меня, почемъ вы знаете кто были ваши сосѣди, можетъ князья какіе нибудь, спросилъ я.

— Это точно-съ. Но вѣдь вы русскіе, а тѣ что же—Тальянцысъ.

— Voilà mon homme, подумалъ я, и потребовалъ у камеріера графинчикъ марсалы и двѣ рюмки.

— Что это вашъ Евгеній то Николаевичъ, здоровьемъ эдакъ разстроенъ; жаль его, такой кажется хорошій человѣкъ.

— Этосъ позвольте вамъ доложить, такихъ господъ нарѣдкость, самый душевной-съ характеръ. Какъ же не жаль-съ, оченно даже жаль; мыслями все разстроиваются... такой правъ-съ. Все изволютъ къ сердцу брать и никакой отрады не имѣютъ. Бывало когда имъ на душѣ не хорошо сдѣлается, сядутъ за клавикордъ—то есть такъ играли, что не уступятъ любому музыканту въ александрынскомъ оркестѣ. Господа, прекрасно одѣтые, барыни, настоящія, останавливались иной разъ на улицѣ. Бывало въ передней сидишь, сердце радуется каково нашъ то отличается.

Иногда такъ жалобно играютъ, что даже истома возьметъ — отмѣнно играли. Ну впрочемъ какъ оставили музыку, такъ больше стали сбиваться, по нашему замѣчанію.

— Да развѣ онъ совсѣмъ не игралъ дома послѣднее время?

— Больше двухъ годовъ-съ. Разъ Софія Николаевна, сестрица ихъ, бывши въ ихъ комнатѣ отворили клавикордъ и такъ взяли одну акорду: "Вечеркомъ красна дѣвица." А Евгеній Николаевичъ только глухо сказали: "Зачѣмъ это вы сестрица, Боже мой." Да такъ какъ пластъ и упали, потомъ сдѣлались спазмы, слезы и смѣхъ-съ—съ полчаса продолжалось. Дохтуръ говоритъ нервы у нихъ такъ разстроены, не могутъ слышать музыки. Такъ съ тѣхъ поръ нашъ домъ и замолкъ-съ. А имъ все хуже; въ лицѣ много перемѣны, старѣютъ... такъ жаль, что сказать нельзя, больше все молчатъ, а иногда слово одно скажутъ "ты усталъ чай, Спиридонъ, поди ка да лягъ," такимъ трогательнымъ голосомъ и взглядъ такой доброй у нихъ сдѣлается, и видно самимъ то имъ плохо, наболѣло на сердцѣ; вотъ тѣ и богатства и все, — иной разъ доложить вамъ откровенно слеза прошибетъ.

— Мнѣ Филиппъ Даниловичъ говорилъ, что у Евгенія Николаевича какая то исторія была съ горничной.

— Дѣло точно было-съ. И она, эта самая Ульяна,

доводится мнѣ сродни, племянница, сестрина дочь. Наварила каши, чего сама не стоитъ—а добрѣйшая душа была, ей Богу-съ. Жаль что баринъ тогда такъ къ сердцу приняли и огорчились. Просто дуру слѣдовало проучить и все тутъ; и она благодарить стала бы потомъ, ей всего было лѣтъ восмнадцатъ, какой умъ въ эти лѣта, къ тому же баловство-съ.

— Да въ чемъ же дѣло то?

— Извольте видѣть, Ульяна эта у Софіи Николаевны при комнатѣ находилась, и барыня ее жаловали, умница такая была. Былъ у насъ тоже-съ человѣкъ Ѳедоръ, человѣкъ пьющій, но впрочемъ игралъ на скрыпкѣ отмѣнно; только рука ужъ очень дрожала отъ горячихъ напитковъ, а чести былъ примѣрной. Вотъ Ѳедоръ этотъ возьми и обучи пѣсни пѣть Ульяну, голосомъ она брала-съ и на музыку препонятливая. Такъ это шло, годъ другой и никто подумать не могъ что за катавасія выйдетъ. Баринъ нашъ слышали нѣсколько разъ какъ Ульяна поетъ и говорятъ сестрицѣ, вѣдь это кладъ, дайте ей молъ вольную, а я ее пѣвицей сдѣлаю. Вотъ извольте замѣтить какая душа, не хотѣли чтобы обучимшись, крѣпостной осталась. Сестрица имъ въ глаза смотрѣли "сейчасъ молъ Енюша," и отпускную совершила. Учитель ходилъ изъ Нѣмцовъ, иной разъ съ нами вступалъ въ разговоръ, шинель когда подаешь или что, пріостановится не гордой былъ простой, — вотъ какъ вы теперь изволите примѣромъ со мной раз-

говорывать — ну говорилъ онъ, а помѣщикъ вашъ въ музыкѣ собаку съѣлъ, мнѣ у него учиться приходится и голосъ у фрейленъ Юльхенъ оченно прекрасенъ; да и глаза то у нея не дурны, философъ то вашъ знаетъ гдѣ раки зимуютъ. Ну такъ, бывало посмѣемся для балагурства, а то въ самомъ то дѣлѣ онъ у насъ велъ себя какъ красная дѣвица, только къ церкви не былъ прибѣженъ и постовъ не соблюдалъ. Однако мы стали замѣчать ужъ и промежъ себя, что Евгеній Николаевичъ очень руководствуются Ульяной. Ужъ и сестрица то перепужались, что молъ много воли заберетъ. Но только она никому вреда никогда не дѣлала и смысла не имѣла о томъ; такъ дѣтской, пустой правъ, безъосновательной — поетъ себѣ бывало, день деньской да конфетъ накупитъ— а грубаго слова никто не слыхалъ, совсѣми преласковая была.

Къ тому случаю у Евгенія Николаевича будь камердинеромъ Архипъ. Съ дѣтства при нихъ состоялъ, только былъ года четыре помоложе, казачкомъ такъ поступилъ съ малолѣтства къ Евгенію Николаевичу на половину. И кто его знаетъ какой человѣкъ, не то что дурной, а безалаберной и нерегулярный. Пить пойдетъ, весь домъ попитъ до положенія ризъ и съ себя все спуститъ, часы, жилетку, исподнее. Барипъ его жаловали очень, съ дѣтства на примѣръ росли вмѣстѣ и что ему давали невѣроятно, они же забывчивы. Евгеній Никола-

евичъ ему вѣрили какъ самому себѣ. Вотъ этотъ самый Архипъ и сбилъ съ толку Ульяну. Мудрено ли глупую дѣвку съ ума свести, а ужъ это до добра въ домѣ никогда недоводитъ; на сторонѣ развѣ мало есть, слава Богу, этаго снадобья довольно, Петербургъ не клиномъ сошелся. Сначала все шло благополучно, вдругъ только случись такая бѣда, что у насъ въ домѣ отродясь не бывало; у барина изъ шкатунки пропало двѣ тысячи рублевъ. Евгеній Николаевичъ изволите видѣть сами какой человѣкъ, самый безсчетный, они бы можетъ и не догадались но деньги то слѣдовало сестрицѣ отдать, они ихъ и приготовили свечера, утромъ хвать по хвать а денегъ нѣтъ. Поднялся въ домѣ гвалтъ, Архипъ нашъ суетится, ищетъ, платья, швыряетъ, волосы на себѣ рветъ — денегъ нѣтъ. Баринъ то и ничего, словно не его дѣло, но Софія Николаевна расходилась, говоритъ это дѣло Ѳедьки музыканта онъ все пьянъ, откуда деньги беретъ. Такъ-съ женское разсужденіе, видите на вино эдакой кушъ укралъ. Взялъ я смѣлость и говорю, вы меня простите барыня а только Ѳедоръ человѣкъ слабый, точно, но воромъ не будетъ, я его съ малолѣтства знаю. Ты говоритъ молчи, да за себя отвѣчай и Ѳедора отправили при запискѣ во вторую адмиралтейскую. Жаль мнѣ стало старика, такъ мочи нѣтъ, сошелъ я въ людскую, да и говорю, ребята, если воръ дома, слѣдуетъ его сыскать и выдать, а стараго человѣка и невиннаго

неприходится отдать на терзаніе, хоша на то и барская воля, но мы въ очистку себя и его, вора поймать должны. Всѣ наши говорятъ въ одно слово, какъ не сыскать вора, коли дома. Ну думаю, постой неуйдешь ты голубчикъ отъ нашего глаза, а самъ пошелъ на верхъ и присматриваюсь часокъ, другой, такъ какъ будто не мое дѣло. Вижу я-съ эдакъ въ Архипѣ перемѣну, э! брать это не мадель, суетится слишкомъ Архипъ, ищетъ послѣ обѣда за диваномъ, изволите знать у насъ что называются турецкимъ диваномъ, подушки по стѣнѣ. Что молъ ты это Архипъ хлопочешь? Да что говоритъ все эти проклятыя деньги, такая бѣда.

— Да какъ же молъ деньгамъ попасть за диванъ?

— А онъ мнѣ въ отвѣтъ, да вотъ молъ подите съ полоумнаго спрашивайте отчетъ, все побросаетъ, а потомъ ищи за нимъ, да еще чего добраго скажутъ что кто нибудь укралъ.

Посмотрѣлъ я ему въ глаза, вижу взглядъ не хорошъ, ну думаю, была не была — то есть Ѳедора мнѣ было смерть жаль, да и на домъ похула не хороша — я таки не говоря худаго слова, хвать его въ грудь, да и на полъ, тутъ я его колѣнкой прижалъ да и говорю "ну признавайся мошенникъ, твое это дѣло, а другихъ не марай и за себя не губи." Онъ такъ оторопѣлъ что ни слова. На этотъ шумъ выходитъ баринъ. Я ему докладываю, батюшка молъ Евгеній Николаевичъ, извольте меня на поселенье

послать, какъ угодно, а деньгамъ вашимъ воръ никто иное какъ Архипъ.— Да ты братецъ пьянъ, баринъ то мнѣ въ отвѣтъ—оставь его, какъ воромъ называть?

— Нѣтъ-съ говорю воля ваша, а я не пьянъ и до квартальнаго надзирателя его не пущу. Что Ѳедора невиннаго человѣка, сестрица ваша отправила въ часть, это Богъ разсудитъ. А воръ вашихъ денегъ вотъ.

— Баринъ эдакъ пріостановился, подумалъ и такимъ тихимъ и грустнымъ голосомъ сказалъ Архипъ, неужели въ самомъ дѣлѣ? Невыдержалъ Архипъ, въ три ручья залился, рванулся отъ меня и барину въ ноги, виноватъ, говоритъ, кругомъ виноватъ и запираться не намѣренъ. Запутался я въ одномъ нечистомъ дѣлѣ, мнѣ приходилось въ острогъ идти или выкупиться, ну лукавый подтолкнулъ меня. Готовъ я всякое наказаніе принять, а деньги ваши, Евгеній Николаевичъ еще цѣлы." При этомъ, онъ въ азартѣ, разплаканный вытащилъ изъ кармана ассигнаціи завернутыя въ бумажку и подалъ.

Баринъ все время не говорили ни слова, только взямши деньги они вздрогнули, и вышли вонъ. А Архипъ такъ и взвылъ, посажу себѣ пулю въ лобъ, не хочу больше горе мыкать, лучшаго я недостоенъ Господи, что я надѣлалъ, вѣдь деньги то были завернуты въ Ульянино письмо—сгубилъ я себя и ее.

"Спиридонъ," позвалъ баринъ изъ кабинета — я взошелъ. А Архипъ такъ и остался на колѣняхъ

разплаканный, индо самому мнѣ жаль его стало. Баринъ стояли близь дверей, прислонимшись къ стѣнѣ такой страшной, будто не живой, губы поспнѣли; они два раза хотѣли что то сказать — и не могли, голоса не было,—потомъ они такъ ручку приложили ко лбу — плохо-съ имъ было. Собрались съ силами наконецъ, и говорятъ такимъ глухимъ голосомъ, Спиридонъ, никто въ домѣ не знаетъ что было. Такъ вотъ поди сюда, вотъ отпускная Архипа и еще отпускная — тутъ они остановились, однако такъ и не сказали — такъ ты имъ отдай, да устрой чтобы сейчасъ изъ дому переѣхали, только сейчасъ, немѣшкая возьми сколько надобно денегъ изъ тѣхъ. Да ты, Спиридонъ, сдѣлай это все помягче, понимаешь; ну да хорошо, ступай, прибавилъ онъ видя что слова то не выходятъ.

Ну ужъ какъ бѣдная Ульяна плакала, у меня сердце надорвалось. И взять ничего нехотѣла своего, у меня ничего, говоритъ, нѣтъ собственнаго. Хоть бы взглянуть еще разъ на него, прощенья бы попросить, руку бы поцаловать. Вѣдь какъ добръ то онъ былъ ко мнѣ, какъ ласково смотрѣлъ—пусть бы кажется побилъ меня, все лучше бы было. Ну я говорю послушай Уля, о томъ надобно было думать прежде, а теперь убирай-ка свои пожитки. Пока я съ ней хлопоталъ, привелъ полицейской Ѳедора и комисаръ съ нимъ, говоритъ сколько мы его ни припимались сѣчь, не признается, видно деньги не онъ

укралъ. Я посмотрѣлъ Ѳедоръ въ лицѣ не хорошъ. Комисаръ говоритъ барынѣ слѣдуетъ допросить другихъ на кого есть подозрѣніе, она пошла къ братцу, что то по французки потолковали, вдругъ она выходитъ въ залъ и говоритъ комисару: "представьте какой случай, братъ мой пашелъ деньги, мнѣ право совѣстно что васъ даромъ обезпокоили."—Помилуйте это наша обязанность," говоритъ комисаръ, а она ему красненькую, да Ѳедора приказала чаемъ напоить.

Я вечеромъ взошелъ съ докладомъ, барынъ сидѣлъ за столомъ опершись на обѣ руки. Увидивши меня, онъ какъ съ испуга вскочилъ поднялъ руку и сказалъ: "не нужно." Съ тѣхъ поръ и помину не было объ этой исторіи. Тѣмъ дѣло почитай и кончилось. Ну только Ѳедоръ слегъ въ постель, да мѣсяца черезъ два и померъ. Невинную душу загубила Софья Николаевна. Наше крѣпостное дѣло, не приведи Богъ!

— Я не понимаю въ этой исторіи одного, какъ же Ульяна могла такъ сблизиться съ Архипомъ—изъ вашихъ словъ видно, что она Евгенія Николаевича любила.

— Да еще какъ-съ. Вотъ теперь третій годъ пошелъ какъ она выбыла изъ дома. Безъ слезъ ни разу не говорила о баринѣ и Архипъ ей совсѣмъ опостылѣлъ; онъ впрочемъ ушелъ въ солдаты охотникомъ, мы объ немъ не слыхали послѣ. Все вѣтренность-съ и баловство. По нашему простому

разсужденію извольте видѣть Ульяна и не подумала, ей и въ голову не приходило, что она барину въ самомъ дѣлѣ что нибудь значитъ. Вѣдь все же онъ былъ баринъ, не могла же она его не бояться, быть его ровной, не могла эдакъ вольной духъ имѣть съ нимъ какъ съ Архипомъ, они же по характеру всегда серьезны бывали. Изволите сами знать молодость кипитъ, все бы смѣхи, да дурачества. Ну Архипъ мелкимъ бѣсомъ бывало разсыпается и пляшетъ, и на торбанѣ играетъ, и кроновскимъ пивомъ подчуетъ, и мороженымъ угощаетъ, — всякой подъ Богомъ ходитъ, оно не хорошо потачку давать, но такъ къ слову по человѣчеству разсудить такъ оно и понятно. Въ самый день нашего отъѣзда, утромъ изъ ресторація съ Сучка, гдѣ мы обыкновенно чай пивали, прибѣгаетъ за мной половой, говоритъ, барыня васъ требуетъ какая то, что думаю за пропасть, однако пошелъ. Смотрю Ульяна сидитъ и опять заливается слезами. Дяденька, говоритъ, уладьте какъ хотите, мнѣ хоть бы взглянуть на Евгенія Николаевича и что у нихъ за сердце, за жесткое, что гнѣваются такъ долго; меня говоритъ въ театръ въ хористки взяли, ему вѣдь я обязана что пѣть обучилъ. Хоть бы поблагодарить, слово одно сказать, камень точно на сердцѣ. Да еще Василиса говоритъ, что и болѣзнь ихъ, все черезъ меня — жизнь мнѣ не мила. Не хотѣлось мнѣ долго барина безпокоить, но вижу она никакаго интереса не имѣетъ а сильно кручинится, думаю что же голо-

вы не сниметъ. Вхожу въ кабинетъ, Евгеній Николаевичъ какъ обыкновенно сидятъ въ задумчивости, видъ ничего добрый. Я эдакъ не много позамямшись говорю, да вотъ еще, Евгеній Николаевичъ, я осмѣлюсь доложить, такъ ужъ оченно меня проспла; вдругъ у нихъ глаза такъ сверкнули, лице перемѣнилось. Я поскорѣе за чемоданъ. Она потомъ бѣдняжка въ людской спряталась, чтобы въ окно взглянуть, когда мы поѣдемъ, тутъ я Филиппу Даниловичу ее показывалъ....

— Я вамъ очень, очень благодаренъ, сказалъ я Спиридону, ну пойдемъ-те-ка въ наше Croce di Malta, да выпьемъ-те послѣднюю рюмку марсалы за здоровье бѣдной Ульяны. Мнѣ ее жаль не смотря ни на что.

— Точно-съ, не наше дѣло чужіе грѣхи судить, и за ваше сударь здоровье съ тѣмъ вмѣстѣ прибавилъ Спиридонъ....

С. Еленъ, возлѣ Ниццы. Зимой 1851.

IV.

ДОКТОРЪ КРУПОВЪ.

ПОВѢСТЬ.

IV.

О
ДУШЕВНЫХЪ БОЛѢЗНЯХЪ ВООБЩЕ
И
ОБЪ ЭПИДЕМИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ ОНЫХЪ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

Сочиненіе Доктора Крупова.*

Много и много лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ какъ я постоянно посвящаю время, отъ леченія больныхъ и исполненія обязанностей остающееся, на положеніе сравнительной психіатріи съ точки зрѣнія совершенно новой. Но недовѣріе къ силамъ, скромность и осторожность доселѣ воспрещали мнѣ всякое обнародованіе моей теоріи.

* Этотъ небольшой отрывокъ былъ помѣщенъ въ "Современникѣ" 1847 года, съ значительными пропусками, сдѣланными цензурой. Мы его печатаемъ теперь въ настоящемъ видѣ.

Нынѣ дѣлаю первый опытъ сообщить благосклонной публикѣ часть моихъ наблюденій. Дѣлаю оное побуждаемый предчувствіемъ скораго перехода въ минерально-химическое царство — коего главное неудобство отсутствіе сознанія. Полагаю, что на мнѣ лежитъ обязанность, узнанное мною закрѣпить такъ сказать внѣ себя добросовѣстнымъ разсказомъ для пользы и соображенія сотоварищамъ по наукѣ; мнѣ кажется, что я не имѣю права допустить мысль мою безслѣдно изчезнуть, при новыхъ предстоящихъ большимъ полушаріямъ мозга моего — химическихъ сочетаніяхъ и разложеніяхъ.

Узнавъ случайно о вашемъ Сборникѣ я рѣшился послать въ него отрывокъ изъ введенія, потому именно что оно весьма общедоступно, въ ономъ собственно содержится не теорія, а исторія возникновенія оной въ головѣ моей. Присемъ не излишнимъ считаю предупредить васъ, что я всего менѣе литераторъ и проживая нынѣ лѣтъ тридцать въ губернскомъ городѣ, удаленномъ какъ отъ резиденціи такъ и отъ столицы, я отвыкъ отъ краснорѣчиваго изложенія мыслей и не привыкъ къ модному языку. Не должно однако терять изъ виду, что цѣль моя вовсе не бельлетристическая, а патологическая. Я не плѣнить хочу моими сочиненіями, а быть полезнымъ сообщая чрезвычайно важную теорію, доселѣ отъ вниманія величайшихъ врачей ускользнувшую, нынѣ же недостойнѣйшимъ изъ учениковъ Гиппо-

крата — наукообразно развитую и наблюденіями провѣренную.

Сію теорію, посвящаю я вамъ, самоотверженные врачи, жертвующіе временемъ вашимъ печальному занятію лѣченія и хожденія за страждущими душевными болѣзнями.

S. Croupoff M. et Ch. Doctor.

I.

Я родился въ одномъ помѣщичьемъ селеніи на берегу Оки. Отецъ мой былъ Діакономъ. Возлѣ нашего домика жилъ пономарь, человѣкъ хилой, бѣдный и обремененный огромной семьей. Въ числѣ восьми дѣтей, которыми Богъ наградилъ пономаря, былъ одинъ ровесникъ мнѣ, мы съ нимъ вмѣстѣ росли, всякой день вмѣстѣ играли въ огородѣ, на погостѣ, или передъ нашимъ домомъ. Я ужасно привязался къ товарищу, дѣлился съ нимъ всѣми лакомствами которыя мнѣ давали, даже кралъ для него спрятанные куски пирога, кашу — и передавалъ черезъ плетень. Пріятеля моего всѣ звали косой Левка, онъ дѣйствительно немного косилъ глазами. Чѣмъ болѣе я возвращаюсь къ воспоминаніямъ о немъ, чѣмъ внимательнѣе перебираю ихъ, тѣмъ яснѣе мнѣ становится, что понамаревъ сынъ былъ ребенокъ необыкновенный; шести лѣтъ онъ плавалъ какъ рыба, лазилъ на самыя большія деревья, уходилъ за нѣсколько верстъ отъ дома одинъ одинехонекъ, ничего не боялся, былъ какъ дома въ лѣсу, зналъ всѣ дороги и въ то же время былъ чрезвычайно

непонятливъ, разсѣянъ, даже тупъ. Лѣтъ восьми насъ стали учить грамотѣ; я черезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣгло читалъ псалтырь, а Левка не дошелъ и до складовъ. Азбука сдѣлала переворотъ въ его жизни. Отецъ его употреблялъ всевозможныя средства, чтобы развить умственныя способности сына—и не кормилъ дня по два, и сѣкъ такъ что недѣли двѣ рубцы были видны, и половину волосъ выдралъ ему и запиралъ въ темный чуланъ на сутки — все было тщетно, грамота Левкѣ не давалась; но безжалостное обращеніе онъ понялъ, ожесточился и выносилъ все что съ нимъ дѣлали съ какою то злою сосредоточенностію. Это ему не дешево стоило; онъ исхудалъ, видъ его выражавшій прежде дѣтскую кротость и дѣтскую беззаботность сталъ выражать дикость запуганнаго звѣря; на отца онъ не могъ смотрѣть безъ ужаса, и отвращенія. Побился еще года два пономарь съ сыномъ, увидѣлъ наконецъ что онъ глупо-рожденный и предостовилъ ему полную волю.

Освобожденный Левка сталъ пропадать цѣлые дни, приходилъ домой грѣться или укрываться отъ непогоды, садился въ уголъ и молчалъ, а иногда бормоталъ про себя разныя неясныя слова и велъ дружбу только съ двумя существами—со мной и съ своей собаченкой. Собаченку эту онъ пріобрѣлъ неотъемлемымъ правомъ. Разъ, когда Левка лежалъ на пескѣ у рѣки, крестьянскій мальчикъ вынесъ щенка, привязалъ ему камень на шею и подойдя къ крутому берегу гдѣ

рѣка была поглубже, бросилъ туда собаченку; въ одинъ мигъ Левка отправился за нею, нырнулъ, и черезъ минуту явился на поверхности со щенкомъ; съ тѣхъ поръ они не разлучались.

Лѣтъ двѣнадцати меня отправили въ семинарію. Два года я не былъ дома, на третій я пріѣхалъ провести ваканціонное время къ отцу. На другой день утромъ рано, я надѣлъ свой новый затрапезный халатъ и хотѣлъ идти осматривать знакомыя мѣста. Только я вышелъ на дворъ, у плетня стоитъ Левка, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ бывало я ему давалъ пироги; онъ бросился ко мнѣ съ такою радостью что у меня слезы навернулись. "Сенька, говорилъ онъ, я всю ночь ждалъ Сеньку, Груша вчера молвила Сенька пріѣхалъ," и онъ ласкался ко мнѣ какъ звѣрокъ, съ какимъ то подобострастіемъ, смотрѣлъ мнѣ въ глаза и спрашивалъ: "ты не сердитъ на меня? Всѣ сердиты на Левку,— не сердись Сенька, я плакать буду, не сердись, я тебѣ векшу поймалъ." Я бросился обнимать Левку; это такъ ново, такъ необыкновенно было для него, что онъ просто зарыдалъ и схватившп мою руку цаловалъ ее, я не могъ ее отдернуть, такъ крѣпко онъ держалъ ее. Пойдемъ-ка въ лѣсъ, сказалъ я ему. Пойдемъ далеко за буераки, хорошо будетъ, очень хорошо, отвѣчалъ онъ. Мы пошли, онъ велъ версты четыре лѣсомъ, поднимавшимся въ гору и вдругъ вывелъ на открытое мѣсто; внизу текла Ока, кругомъ верстъ на двад-

цать стелился одинъ изъ превосходныхъ сельскихъ видовъ Великороссіи.

— Здѣсь хорошо, говорилъ Левка, здѣсь хорошо. Что же хорошо? спросилъ я его, желая испытать. Онъ остановилъ на мнѣ какой то невѣрной взглядъ, лицо его приняло другое болѣзненное выраженіе, онъ покачалъ головой и сказалъ—"Левка не знаетъ, такъ хорошо! Мнѣ стало смерть стыдно. Левка сопровождалъ меня на всѣхъ прогулкахъ, его безграничная преданность, его безпрерывное вниманіе сильно трогали меня. Привязанность его ко мнѣ была понятна, одинъ я обходился съ нимъ ласково. Въ семьѣ имъ гнушались, стыдились его; крестьянскіе мальчики дразнили его, даже взрослые мужики дѣлали ему всякаго рода обиды и оскорбленія приговаривая: "юродиваго обижать не надо, юродивый божій человѣкъ." Онъ обыкновенно ходилъ задами села, когда же ему случалось идти улицей, одни собаки обходились съ нимъ по человѣчески; онѣ издали завидя его виляли хвостомъ и бѣжали къ нему на встрѣчу, прыгали на шею, лизали въ лицо и ласкались до того, что Левка тронутый до слезъ садился середь дороги и цѣлые часы занималъ изъ благодарности своихъ пріятелей, занималъ ихъ до тѣхъ поръ, пока какой нибудь крестьянской мальчикъ пускалъ камень на удачу въ собакъ ли попадетъ или въ бѣднаго мальчика; тогда онъ вставалъ и убѣгалъ въ лѣсъ.

Передъ сельскимъ праздникомъ мой отецъ, видя что Левка весь въ лохмотьяхъ, велѣлъ моей матери скроить ему длинную рубашку и отдать ее сестрамъ сшить. Управитель услышавши объ этомъ далъ толстаго домашняго сукна для него на кафтанъ. При господскомъ домѣ былъ приставленъ старикъ лакей, онъ былъ приставленъ не столько по способности смотрѣть за чѣмъ нибудь, сколько за пьянство. Этотъ лакей былъ фершалъ и портной; онъ весьма затруднился, когда получилъ отъ управляющаго приказъ сшить Левкѣ кафтанъ — какъ скроить дурацкой кафтанъ? сколько онъ ни думалъ, все выходилъ довольно обыкновенный кафтанъ, а потому онъ и рѣшился на отчаянное средство пришить къ нему красный воротникъ изъ остатковъ какой то старинной ливреи. Левка былъ ужасно радъ и новой рубашкѣ, и кафтану, и красному воротнику, хотя по правдѣ сказать радоваться было нечему. Доселѣ крестьянскіе мальчики нѣсколько удерживались, но когда на Левку надѣли парадный мундиръ дурака—гоненія и насмѣшки удвоились. Одни женщины были на сторонѣ Левки, подавали ему лепешки, квасу и браги, и говорили иногда привѣтливое слово; мудрено ли впрочемъ, что бабы и дѣвки задавленныя патріархальнымъ гнетомъ мужниной и отцовской власти, сочувствовали безвинно гонимому мальчику. Мнѣ было чрезвычайно жаль Левку, но помочь ему было трудно; унижая его казалось добрые люди росли въ

своихъ собственныхъ глазахъ. Серьезно съ нимъ никто слова не молвилъ, даже мой отецъ отъ природы вовсе не злой человѣкъ, хотя исполненный предразсудковъ и лишенный всякаго снисхожденія, и тотъ иначе не могъ обращаться съ Левкой какъ унижая его и возвышая себя.—А что Левка говорилъ онъ ему, любишь ли ты кого нибудь больше этаго пса смердящаго? Люблю, отвѣчалъ Левка, Сеньку люблю больше.—Видишь губа то не дура, ну а еще кого больше любишь? Никого, простодушно отвѣчалъ Левка.—Ахъ глупорожденный, глупорожденный, ха, ха, ха, а мать родную меньше любишь развѣ?—меньше, отвѣчалъ Левка—а отца твоего?—Совсѣмъ не люблю.—О господи Боже мой, чти отца твоего и матерь твою, а ты дуракъ что? безсмысленныя животныя и тѣ любятъ родителей, какъ же разумному подобію божію не любить ихъ?

— Какія животныя?

— Ну какія лошади, псы, всякіе.

Левка качалъ головой. "Развѣ щенята, а большіе нѣтъ. Они такъ любятъ кто по праву придется, вотъ наша кошка Машка любитъ моего Шарика."

И батюшка мой хохоталъ отъ души прибавляя "Блаженны нищіе духомъ!"

Я тогда уже оканчивалъ риторику и потому не трудно понять отъ чего мнѣ въ голову пришло написать "Слово о богопротивномъ людей обращеніи съ глупорожденными." Желая расположить мое

сочиненіе по всѣмъ квинтиліановскимъ правиламъ съ соблюденіемъ законовъ хріи, я обдумывая его пошелъ по дорогѣ, шелъ, шелъ и не замѣчая того очутился въ лѣсу; такъ какъ я взошелъ въ него безъ вниманія, то и не удивительно что потерялъ дорогу, искалъ, искалъ и еще болѣе терялся въ лѣсу; вдругъ слышу знакомый лай левкиной собаки, я пошелъ въ ту сторону откуда онъ раздавался и вскорѣ былъ встрѣченъ Шарикомъ; шагахъ въ пятнадцати отъ него, подъ большимъ деревомъ спалъ Левка. Я тихо подошелъ къ нему и остановился. Какъ кротко, какъ спокойно спалъ онъ! Онъ былъ дуренъ собой на первый взглядъ, бѣлые льняные волосы прямо падали съ головы странной формы, блѣдный лицемъ, съ бѣлыми рѣсницами и нѣсколько косившимися глазами. Но никто никогда не далъ себѣ труда вглядѣться въ его лицо; оно вовсе не было лишено своей красоты, особенно теперь, когда онъ спалъ, щеки его немного разкраснѣлись, косые глаза не были видны, черты его выражали такой миръ душевный, такое спокойствіе, что становилось завидно.

Тутъ, стоя передъ этимъ спящимъ дурачкомъ, я былъ пораженъ мыслью которая преслѣдовала меня всю жизнь. Съ чего люди окружающіе его воображаютъ что они лучше его, отъ чего считаютъ себя въ правѣ презирать, гнать это существо тихое, доброе никому никогда не здѣлавшее вреда? И какой то таинственный голосъ шепталъ мнѣ отъ того что и всѣ

остальные юродивые — только на свой ладъ и сердятся что Левка глупъ по своему, а не по ихъ.

Странная мысль эта выгнала у меня изъ головы всѣ хріи и метафоры, я оставилъ спящаго Левку и пошелъ бродить на удачу по лѣсу съ какой-то внутренной болью перевертывая и вглядываясь въ новую мысль. Въ самомъ дѣлѣ, думалось мнѣ, чѣмъ Левка хуже другихъ? тѣмъ что онъ не приноситъ никакой пользы, ну а пятьдѣсятъ поколѣній, которыя жили только для того на этомъ клочкѣ земли чтобы ихъ дѣти не умерли съ голоду сегодня и чтобы никто не зналъ за чѣмъ они жили и для чего они жили, гдѣ же польза ихъ существованія? Наслажденіе жизнію — да они ей никогда не наслаждались, по крайней мѣрѣ гораздо меньше Левки. Дѣти? дѣти могутъ быть и у Левки, это дѣло не хитрое. Зачѣмъ Левка не работаетъ? что за бѣда; онъ ни у кого ничего не проситъ, кой-какъ сытъ. Работа не наслажденіе, кто можетъ обойтись безъ работы тотъ не работаетъ, всѣ остальные на селѣ работаютъ безъ всякой пользы, работаютъ цѣлый день чтобы съѣсть кусокъ черстваго хлѣба, а хлѣбъ ѣдятъ для того чтобы завтра работать, въ твердой увѣренности что все выработанное не ихъ. Здѣшній помѣщикъ, Ѳедоръ Григорьевичъ, одинъ ничего не дѣлаетъ, а пользы получаетъ больше всѣхъ, да и то онъ ее не дѣлаетъ, она какъ-то сама дѣлается ему. Жизнь его сколько я знаю проходитъ въ боль-

шей пустотѣ, нежели жизнь Левки, который чего нѣтъ другаго гуляетъ, а тотъ все сердится.

Чѣмъ Левка сытъ я не понимаю, но знаю одно, что какъ онъ ни тупъ но если наберетъ земляники или грибовъ, то его не такъ-то легко убѣдить, что онъ можетъ ѣсть одни неспѣлыя ягоды да сыроѣжки, а что вкусныя ягоды и бѣлые грибы принадлежатъ, ну хоть отцу Василью. Левка никогда дома не живетъ, не исполняетъ ни гражданскихъ, ни семейныхъ обязанностей сына, брата. Ну а тѣ которые дома живутъ развѣ исполняютъ? У него есть еще семь братьевъ и сестеръ, живущихъ дома въ какомъ-то состояніи постоянной войны между собой и съ понамаремъ. Все такъ, но пустая жизнь его. Да отъ чего же она пустая? Онъ вжился въ природу, онъ понимаетъ ея красоты по своему — а для другихъ жизнь пошлый обрядъ, тупое одно и тоже, ни къ чему не ведущее.

И я постоянно возвращался къ основной мысли, что причина всѣхъ гоненій на Левку состоитъ въ томъ, что Левка глупъ на свой особенный салтыкъ— а другіе повально глупы; и такъ какъ картежники не любятъ непграющаго, а пьяницы не пьющаго, такъ и они ненавидятъ бѣднаго Левку. Однако диссертаціи я не написалъ; для меня ученика семинаріи казалось трудпымъ и даже не приличнымъ писать о такихъ суетныхъ предметахъ. Насъ учили все писать

о предметахъ возвышенныхъ, душу и сердце возносящихъ горѣ. Вакаціонное время прошло, пора мнѣ было возвращаться въ монастырь. Когда батюшка мой заложилъ нѣгую лошадку нашу въ телѣгу чтобы отвезти меня, Левка пришелъ опять къ плетню, онъ не совался впередъ а прислонившись къ вереѣ, обтиралъ по временамъ грязнымъ спущеннымъ рукавомъ рубашки слезы. Мнѣ было очень грустно его оставить; я подарилъ ему всякихъ бездѣлушекъ, онъ на все смотрѣлъ печально. Когда же я сталъ садиться въ телѣгу, Левка подошелъ ко мнѣ и такъ печально, такъ грустно сказалъ: "Сенька прощай," а потомъ подалъ мнѣ Шарика и сказалъ: "возьми Сенька Шарика себѣ." Дороже предмета у Левки не было и онъ отдавалъ его. Я на силу уговорилъ его оставить Шарика у себя, что пусть онъ будетъ мой—но жить у него. Мы поѣхали. Левка пустился лѣсомъ и выбѣжалъ на гору, мимо которой шла дорога, я увидѣлъ его и сталъ махать платкомъ. Онъ стоялъ не подвижно на горѣ опираясь на свою палку.

Мысль о Левкѣ, о причинѣ его страннаго развитія не выходила изъ головы моей. Она мѣшала мнѣ вполнѣ предаваться изученію духовныхъ предметовъ и я вмѣсто превыспреннихъ созерцаній стремился къ изученію предметовъ земныхъ; не смотря на то, что я зналъ ничтожность всего тѣлеснаго и суетность всего физическаго. Мало по малу во мнѣ развилось неопреодолимое желаніе

изучать медицину. Когда я впервые заикнулся объ этомъ отцу моему, онъ взошелъ въ неописанный гнѣвъ. "Ахъ ты баловень презорный, кричалъ онъ на меня, вотъ какъ схвачу за вихры, такъ ты у меня и узнаешь гдѣ раки зимуютъ. Дѣды твои и отцы не хуже тебя были, да не выходили изъ своего званія, а ты что вздумалъ? Пришлось подъ старость дожить до такаго сраму, вотъ и радость приносимая сыномъ отъ плоти моей рожденнымъ. Не одинъ видно пономарь посѣщенъ Богомъ, не даромъ съ дуракомъ валандаешся вѣчно, свой своему поневолѣ братъ. А все ты малоумная баба испортила его,"—прибавилъ батюшка, обращаясь къ матушкѣ. Почему именно матушка была виновата что я хотѣлъ учится медицинѣ, этаго я не знаю. Господи, думалъ я, да что же я сдѣлалъ такое, мнѣ хочется заниматься медициной, а послушаешъ батюшку, право подумаешъ что я просился на большую дорогу людей рѣзать. Далъ я мѣсто родительскому гнѣву, промолчалъ; черезъ мѣсяцъ опять завелъ было рѣчь; куда ты—съ перваго слова такъ его лицо и зардѣло. Дѣлать нечего, жду особаго случая, а самъ только и занимаюсь латынью. Отецъ Ректоръ славно зналъ латинской языкъ и полюбилъ меня за мои успѣхи. Я выбралъ минуту добрую, да въ ноги ему; онъ такъ, кротко и благосклонно сказалъ: "встань сынъ мой, встань, что тебѣ надобно, говори просто." Я разсказалъ ему о моемъ желаніи, и просилъ замолвить отцу. Отецъ Ректоръ

покачалъ головой и велѣлъ мнѣ утромъ и вечеромъ сверхъ обыкновенной читать другую молитву, говорилъ что это вліяніе нечистой силы, отвлекающей отъ служенія престолу къ служенію мірскому, отъ леченія духовнаго—къ леченію плотскому. Потомъ напомнилъ четвертую заповѣдь, далъ прочесть сочиненіе Нила Сорскаго о монашескомъ житіи. Я все исполнилъ въ точности, но не могъ переломить влеченія къ медицинѣ.

На вакаціи поѣхалъ я опять домой. Левка еще болѣе одичалъ, онъ добровольно помогалъ пастуху пасти стадо и почти никогда не ходилъ домой. Меня однако онъ принялъ съ прежней безграничной, нечеловѣческой привязанностью; грустно мнѣ было на него смотрѣть особенно потому что у него языкъ какъ-то сдѣлался невнятнѣе, сбивчивѣе и взглядъ еще болѣе одичалъ. Черезъ годъ мнѣ приходилось окончить курсъ, временить было нечего, батюшка уже готовилъ мнѣ мѣсто. Что было дѣлать, утопающій за соломенку хватается; слыхалъ я отъ дворовыхъ людей что сынъ нашего помѣщика, (они жили это лѣто въ деревнѣ,) добрый баринъ, ласковой я и подумалъ еслибы онъ черезъ Ѳедора Григорьевича попросилъ обо мнѣ моего отца, можетъ тотъ видя такое высокое ходатайство и согласился бы. Почему не сдѣлать опыта? Надѣлъ я свой нанковый сертукъ тщательно вычистилъ сапоги, повязалъ голубой шейной платокъ и пошелъ въ господскій домъ. На до-

рогѣ попался Левка. Сенька, кричалъ онъ мнѣ, въ лѣсъ, Левка гнѣздо нашелъ; птички маленькія, едва пушекъ, матери нѣтъ, грѣть надо, кормить надо.

— Нельзя брать, иду за дѣломъ, вонъ туда.

— Куда?

— Въ барской домъ.

— У-у! сказалъ Левка поморщившись, у-у! весной, весной дядя Захаръ—его били, Левка смотрѣлъ, дядя Захаръ здоровый, сильный, а дуракъ стоитъ, его бьютъ — а онъ ничего — дядя Захаръ дуракъ, сильный, большой и стоитъ. Не ходи прибьютъ.

— Не бось, дѣло есть. Онъ долго смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ, потомъ свиснулъ своей собакѣ и побѣжалъ къ лѣсу, но едва я успѣлъ сдѣлать двадцать шаговъ Левка нагналъ меня. "Левка идетъ туда — Сеньку бить будутъ — Левка камнемъ пуститъ," при этомъ онъ мнѣ показалъ булыжникъ величиною съ индѣичье яйцо. Но мѣры его были ненужны, люди отказали, говоря что господа чай кушаютъ; потомъ я раза три приходилъ все недосугъ молодому барину, послѣ третьяго раза, я не пошелъ больше. И чѣмъ же это молодой баринъ такъ занятъ, вѣчно ходитъ или съ ружьемъ или такъ просто безъ всякаго дѣла по полямъ, особенно гдѣ крестьянскія дѣвки работаютъ. Неужели онъ не могъ оторваться на пять минутъ?

Самъ Богъ показалъ выходъ, хотя по правдѣ очень горестный. Въ селѣ Порѣчьѣ верстъ восемь отъ насъ былъ храмовой праздникъ; село Порѣ-

чье казенное, торговое, богаче нашего, праздникъ у нихъ справлялся всегда отлично. Тамошній священникъ (онъ же и благочинный) пригласилъ насъ всѣхъ на праздникъ. Мы отправились на канупѣ, отецъ Василій съ попадьей, батюшка одинъ, причетникъ и я, для того чтобы отслужить всенощную соборнѣ. Праздникъ былъ великолѣпный, фабричные пѣли на крылосѣ. Во время Литургіи пріѣхалъ самъ капитанъ исправникъ, съ супругой и двумя засѣдателями. Голова за мѣсяцъ собиралъ по двадцати пяти копѣекъ серебромъ съ тягла начальству на закуску. Словомъ сказать было весело шумно; одинъ я грустилъ, грустилъ я и потому что намѣренія мои неудались, и по непривычкѣ къ многолюдію; вина я тогда еще въ ротъ не бралъ, въ хороводахъ ходить не умѣлъ, а пуще всего мнѣ досадно было что всѣ перемигивались глядя на меня и на дочь порѣчинскаго священника. Я приглянулся ея отцу и онъ предлагалъ какъ меня похиротонисаютъ, женить на дочери, а онъ де мѣсто уступитъ и обзаведеніе, самому молъ на отдыхъ пора. А дочь то его не смотря на то что ей было не болѣе 18 или 19 лѣтъ, была сильно поражена избыткомъ плоти, такъ что скорѣе напоминалаъ образъ и подобіе аладій, нежели господа Бога.

Такимъ образомъ поскучавъ въ Порѣчьи до вечера, я вышелъ на берегъ рѣки; откуда ни возмись Левка тутъ, и онъ бѣдняга приходилъ на праздникъ, самъ

не зная за чѣмъ. Его никто не зналъ и не подчивалъ. Стоитъ лодочка причаленная къ берегу, и покачивается, давно я не катался, — смерть захотѣлось мнѣ ѣхать домой по водѣ. На берегу нѣсколько мужичковъ лежали въ синихъ кафтанахъ, въ новыхъ поярковыхъ шляпахъ съ лентами; выпивши, они лихо пѣли пѣсни во все молодецкое горло, (по счастію въ селѣ Порѣчьи не было слабонервной барыни.) Позвольте молъ, православные, лодочку взять прокататься до Раздеришина, сказалъ я имъ—съ нашимъ удовольствіемъ мы де вашего батюшку знаемъ. Митюхъ, Митюхъ отвяжька лодочку-то, извольте взять; и Митюхъ нѣсколько покачиваясь и безъ нужды ступая въ воду по колѣна отвязалъ лодку, я принялся править, а Левка грѣсти; поплыли мы по Окѣ рѣкѣ. Между тѣмъ смерклось, мѣсяцъ взошелъ, съ одной стороны было такъ свѣтло, а съ другой черныя тѣни береговъ насупившись бѣжали на лодку. Поднимавшаяся роса словно дымъ огромнаго пожара бѣлѣла на лунномъ свѣтѣ и двигалась по водѣ, будто нехотя отдираясь отъ нея.

Левка былъ доволенъ, мочилъ беспрестанно свою голову водой, и встряхивалъ мокрые волосы, падавшіе въ глаза. Сенька хорошо? спрашивалъ онъ, и когда я отвѣчалъ ему: очень, очень хорошо, онъ былъ въ неописанномъ восторгѣ. Левка умѣлъ мастерски грѣсть, онъ отдавался въ какомъ-то опьяненіи ритму разсѣкаемыхъ волнъ и вдругъ поднималъ оба весла,

и лодка тихо, тихо скользила по волнамъ, и тишина заступавшая мѣрные удары клонила къ какому-то полусну, а издали слышались пѣсни 'празднующихъ Порѣчанъ, носимыя вѣтромъ то тише, то громче.

Мы пріѣхали поздно ночью, Левка отправился съ лодкой назадъ, а я домой. Только что я легъ спать, слышу подъѣзжаетъ телѣга къ нашему дому. Матушка, она не ѣздила на праздникъ, ей что-то нездоровилось, матушка послушала, да говоритъ—это не нашей телѣги скрыпъ—стучатъ, треба молъ вѣрно какая нибудь. "Не вставайте матушка, я схожу посмотрѣть," да и вышелъ, отворяю калитку, порѣчинской голова стоитъ, немножко хмѣльный.—Что Макаръ Лукичъ? Да что говоритъ, дѣло-то не ладно — вотъ что.—Какое дѣло? спросилъ я, а самъ дрожу всѣмъ тѣломъ какъ въ лихорадкѣ.—Вѣстимо на счетъ отца діакона.—Я бросился къ телѣгѣ, на ней лежалъ батюшка безъ движенія. Что съ нимъ такое? — А Богъ его вѣдаетъ, все былъ здоровъ, да вдругъ что ни есть приключилось. Мы внесли батюшку въ домъ, лице у него посинѣло, я теръ его руки, вспрыскивалъ водой, мнѣ казалось что онъ хрипитъ, я уложилъ его на постель и побѣжалъ за пьянымъ портнымъ; на этотъ разъ онъ еще былъ довольно трезвъ, схватилъ ланцетъ, бритъ, и побѣжалъ со мною. Раза три просѣкъ руку, кровь не идетъ.... я стоялъ ни живой ни мертвый; портной вынулъ табатерку, понюхалъ, потомъ началъ грязнымъ платкомъ обтирать инструментъ.—Что?

спросилъ я какимъ-то не своимъ голосомъ. Не нашего ума дѣло-съ, экскузе—отвѣчалъ онъ—а извольте молитву читать. Матушка упала безъ чувствъ, у меня сдѣлался ознобъ, а ноги такъ и подламывались.

II.

Послѣ смерти отца матушка не препятствовала и я выхлопоталъ себѣ наконецъ увольненіе изъ семинаріи и вступилъ въ московскую медико-хирургическую академію студентомъ. Читая печатную программу лекцій я увидѣлъ что адъюнктъ ветеринарнаго искуства, если останется время, будетъ читать студентамъ оканчивающимъ курсъ общую психіатрію, то есть науку о душевныхъ болѣзняхъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ конца года и хотя мнѣ еще не приходилось слушать психіатріи явился на первую лекцію адъюнкта. По я тогда такъ мало былъ образованъ по медицинской части, что почти ничего не понялъ, хотя слушалъ съ такимъ вниманіемъ что до сихъ поръ помню краснорѣчивое вступленіе ветери-

нарнаго врача. "Психіатрія, говорилъ онъ, безспорно самая трудная часть врачебной науки, самая необъясненная, самая необъяснимая, но за то нравственное вліяніе ея самое благотворное. Ни метафизика, ни философія, не могутъ такъ ясно доказать независимость души отъ тѣла, какъ психіатрія. Она учитъ что всѣ душевныя болѣзни, растройства тѣлесныя, она учитъ слѣдственно, что безъ тѣла, безъ сей скудельной оболочки, духъ былъ бы вѣчно здравъ и пр." Я уже въ семинаріи зналъ Вольфіеву философію, но совершенно ясно изложенія адъюнкта не понималъ, хотя и радовался что самая медицина служитъ доказательствомъ высокихъ метафизическихъ соображеній,

Когдо я порядкомъ изучилъ пріуготовительныя части, я сталъ мало по малу дѣлать собственныя наблюденія надъ одержимыми душевными болѣзнями, тщательно записывая все видѣнное въ особую книгу. Воскресные и праздничные дни проводилъ я почти всегда въ домѣ умалишенныхъ. Всѣ наблюденія мои вели постоянно къ мысли поразившей меня при созерцаніи спавшаго Левки, то есть, что официальные патентованные сумасшедшіе въ сущности и не глупѣе и не поврежденнѣе всѣхъ остальныхъ, но только самобытнѣе, сосредоточеннѣе, независимѣе, оригинальнѣе, даже можно сказать геніальнѣе тѣхъ. Странные поступки безумныхъ, раздражительную ихъ злобу объяснялъ я себѣ тѣмъ, что все окружающее нарочно сердитъ ихъ и ожесточаетъ безпрерывнымъ

противурѣчіемъ, жесткимъ отрицаніемъ ихъ любимой идеи. Замѣчательно что люди дѣлаютъ все это только въ домахъ умалишенныхъ, внѣ ихъ существуетъ между больными какое то тайное соглашеніе, какая то патологическая деликатность, по которой безумные взаимно признаютъ пункты помѣшательства другъ въ другѣ. Все несчастіе явно безумныхъ—ихъ гордая самобытность и упрямая неуступчивость, за которую повально поврежденные со всею злобою слабыхъ характеровъ, запираютъ ихъ въ клѣтки, поливаютъ холодной водой и пр.

Главный докторъ въ заведеніи былъ добрѣйшій человѣкъ въ мірѣ, но безъ сомнѣнія болѣе поврежденный нежели половина больныхъ его, (онъ надѣвалъ на примѣръ на себя одинъ шейный и два петличныхъ ордена для того чтобы пройти по палатамъ безумныхъ; онъ давалъ чувствовать фельдшерамъ что ему пріятно, когда они говорятъ Ваше Превосходительство, а чиномъ былъ Статскій Совѣтникъ, и разныя другія шалости ясно доказывали пораженіе большихъ полушарій мозга) больные ненавидѣли его отътого что онъ самъ стоя на одной почвѣ съ ними вступалъ всегда въ соревнованіе. "Я китайскій Императоръ," кричалъ ему одинъ больной привязанный къ толстой веревѣ, которой по необходимости ограничили высочайшую власть его. "Ну когда же китайскій Императоръ сидитъ на веревкѣ?" отвѣчалъ добрѣйшій Нѣмецъ съ пресерьезнымъ видомъ,

какъ будто онъ самъ сомнѣвался не дѣйствительно ли китайскій Императоръ передъ нимъ. Больной выходилъ изъ себя слыша возраженіе, скрежеталъ зубами, кричалъ что это Вольтеръ и Іезуиты посадили его на цѣпь и долго не могъ потомъ успокоиться. Я совсѣмъ напротивъ подходилъ къ нему съ видомъ величайшаго подобострастія. Лазурь неба, прозрачнѣйшій братъ солнца, говорилъ я ему, плодородіе земли, позволь мнѣ презрѣнному червю, грязи отставшей отъ безсравненныхъ подошвъ твоихъ, покапать холодной воды на свѣтлое чело твое, да возрадуется океанъ что вода имѣетъ счастіе освѣжать священную шкуру покрывающую бѣлую кость твоего черепа."

И больной улыбался и позволялъ съ собою дѣлать все что я хотѣлъ.

Обращаю особенное вниманіе на то что я для этаго больнаго не дѣлалъ ничего особеннаго, а поступалъ съ нимъ такъ какъ добрые люди поступаютъ другъ съ другомъ всегда—на улицѣ, въ гостинной.

Въ заведеніе ѣздилъ одинъ тупорожденный старичекъ, воображавшій что онъ гораздо лучше докторовъ и смотрителей знаетъ какъ надобно за больными ходить и всякой разъ приказывалъ такой вздоръ что за него дѣлалось стыдно; однако главный докторъ съ непокрытой головой слушалъ его до конца благоговѣйно и не говорилъ ему что все это вздоръ, не дразнилъ его, а китайскаго Императора дразнилъ. Гдѣ же тутъ справедливость!

Продолжая мои наблюденія я открылъ, что между собой нерѣдко сумасшедшіе признаютъ другъ друга; эти уже ближе къ обыкновенному гражданскому благоустройству. Такъ въ V палатѣ жили восемь человѣкъ легко помѣшанныхъ въ большой дружбѣ. Одинъ изъ нихъ сошелъ съ ума на томъ что онъ сверхъ своей порціи имѣетъ призваніе ѣсть по полупорціи у всѣхъ товарищей, основывая пресмѣшно свои права на томъ, что его отецъ умеръ отъ объяденія, а дѣдъ опился. Онъ такъ увѣрилъ своихъ товарищей что ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ ѣсть своей порціи не отдавъ ему лучшей части не смѣлъ ее взять украдкой боясь угрызеній совѣсти. Когда же изрѣдка кто либо изъ дерзкихъ скептиковъ утаивалъ кусокъ, онъ гордо уличалъ преступнаго и шесть остальныхъ готовы были оттаскать злодѣя; онъ называлъ его воромъ, стяжателемъ; и глава этой общины до того добродушно вѣрилъ въ свое право, что не имѣя возможности съѣдать все набранное, съ величавой важностью награждалъ избранныхъ ихъ же ѣдою, и награжденный точилъ слезы умиленія, а остальные слезы зависти.

Нельзя отказать этимъ безумнымъ въ высокомъ политическомъ смыслѣ, такъ точно какъ нельзя отказать въ безуміи людямъ не только считающимъ себя здоровыми (самые бѣшенные собою совершенно довольны), но признаваемымъ за такихъ другими. Для убѣдительнаго доказательства присовокуплю от-

рыковъ изъ моего журнала, предпославъ оному слѣдующую краткую діагностику безумія.

Главные признаки разстройства умственныхъ способностей состоятъ:

a) Въ неправильномъ, но и непроизвольномъ сознаніи окружающихъ предметовъ;

b) Въ болѣзненной упорности, стремящейся сохранить это сознаніе съ явнымъ даже вредомъ самому больному и отсюда—

c) Тупое и постоянное стремленіе къ цѣлямъ не существеннымъ и упущеніе цѣлей дѣйствительныхъ.

Этаго достаточно для того, чтобы убѣдиться въ истинѣ моихъ выводовъ.

Выписка изъ журнала:

Субъектъ 29. Мѣщанка Матрена Бучкина. Сложеніе сангвиническое, наклонность къ толщинѣ, лѣтъ тридцати, замужемъ.

Субъектъ этотъ находится у меня въ услуженіи въ должности кухарки, а потому я изучалъ его довольно внимательно въ главныхъ психическихъ и многихъ физіологическихъ отправленіяхъ, Alienatio mentale не подлежащее никакому сомнѣнію; всѣ умственныя отправленія поражены, не смотря на хорошія врожденныя способности, что доказывается сохранившеюся ловкостію общитивать при покупкахъ и утаивать половину провизіи. Какъ женщина, Матрена живетъ болѣе сердцемъ нежели умомъ; но

всѣ ея чувства такъ ниспровергнуты болѣзненнымъ отклоненіемъ дѣятельности мозга отъ нормальнаго отправленія, что они не только не человѣческія, но и неживотныя,

а) Чувство любви:

Не видать чтобы у нея была особенная нѣжность къ мужу, но отношенія ихъ въ высшей степени замѣчательны и драгоцѣнны какъ патологическій фактъ. Мужъ ея сапожникъ и живетъ въ другомъ домѣ, онъ приходитъ къ ней обыкновенно утромъ въ воскресенье, Матрена покупаетъ на послѣднія деньги простаго вина и печетъ пирогъ или блины. Часу въ десятомъ, мужъ ея напивается пьянъ и тотчасъ начинаетъ ее продолжительно и больно бить; потомъ онъ впадаетъ въ летаргической сонъ до понедѣльника, а проснувшись отправляется съ страшной головной болью за свою работу, питаясь пріятной надеждой черезъ семь дней снова отпраздновать такъ семейно и кротко воскресный день.

Такъ какъ она приходила всякой разъ съ горькими жалобами ко мнѣ на своего мужа, я совѣтовалъ ей не покупать ему вина, основываясь на томъ, что оно имѣетъ на него дурное вліяніе. Но больная весьма оскорблялась моимъ совѣтомъ и возражала "что она не безчестная какая нибудь и не пищая, чтобы своему законному мужу не поднести стакана вина свять день до обѣда, что сверхъ того она покупаетъ вино

на свои деньги а не на мои и что — если мужъ ее и колотитъ—такъ все же онъ Богомъ данный ей мужъ." Отвѣтъ этотъ много разъ повторяемый очень замѣчателенъ; можно добраться по немъ до странныхъ законовъ мышленія мозга пораженнаго болѣзнію; ни однаго слова нѣтъ въ ея отвѣтѣ, которое бы шло къ моему замѣчанію, а при болѣзни мозга ей казалось что она вполнѣ опровергала меня.

Но до какой степени и это поверхностно я доказываю тѣмъ, что стоило мнѣ, продолжая мои наблюденія, сказать ей: "А ты зачѣмъ съ нимъ споришь, ты бы смолчала, вѣдь онъ твой мужъ и глава." Тогда больная приходила въ состояніе близкое маніи и съ сердцемъ говорила: "онъ злодѣй мнѣ, а не мужъ, я ему не дура досталась молчать, когда онъ несетъ всякой вздоръ." И тутъ она начинала бранить не только его, но и барыню свою, которая истинно въ материнскихъ попеченіяхъ своихъ о подданныхъ, сама приняла на себя трудъ, избрать ей мужа; выборъ палъ на сапожника неслучайно, а потому что онъ крѣпко хмѣлемъ зашибалъ, такъ барыня думала что онъ остепенится женившись—конечно не ея вина что она ошиблась, errare humanum est!

b) Отношеніе къ дѣтямъ:

Любопытно до высшей степени и имѣетъ двойной интересъ. Тутъ я имѣлъ случай видѣть какъ съ самаго дня рожденія прививаютъ безуміе. Сначала чисто

механически крѣпкимъ пеленаніемъ, при чемъ сдавливаютъ ossa parietalia черепа, чтобы помѣшать мозговому развитію—это съ своей стороны уже очень дѣйствительно. Потомъ употребляются органическія средства; онѣ состоятъ преимущественно въ чрезмѣрномъ развитіи прожорливости и въ дурномъ обращеніи. Когда организмъ ребенка неизловчился еще претворять всю дрянь, которая ему давалась отъ грязной соски до жирныхъ лепешекъ, дитя иногда страдало; мать лечила сама, и въ медецинскихъ убѣжденіяхъ своихъ далеко расходилась со всѣми врачами отъ Ипократа до Боергава и отъ Боергава до Гуфланда; иногда она откачивала его такъ какъ спасаютъ утопленниковъ (средство совершенно безвредное если утопленникъ умеръ и способное показать усердіе присутствующихъ) ребенокъ впадалъ въ морскую болѣзнь отъ качки, что его дѣйствительно облегчало, или мать начинала на извѣстномъ основаніи Ганеманова ученія клинъ клиномъ вышибать, кормить его селедкой, капустой; если же ребенокъ не выздоровливалъ мать начинала его бить, толкать, дергать, наконецъ прибѣгала къ послѣднему средству—давала ему или настойки или маковаго молока и радовалась очевидной пользѣ отъ лекарства, когда ребенокъ впадалъ въ тяжелое опьяненіе или въ летаргическій сонъ. Въ дополненіе слѣдуетъ замѣтить, что Матрена, на свой манеръ чрезвычайно любила ребенка. Любовь ея къ дитяти была совершенно въ родѣ любви къ

мужу; она покупала на скудныя деньги свои какой нибудь тафтицы на одѣяльце и потомъ безщадно била ребенка за то, что онъ не нарочно капалъ на него молоко. Мнѣ очень жаль, что я скоро разстался съ Матреной и не могъ доучить этотъ интересный субъектъ, къ тому же я впослѣдствіи услышалъ, что ея ребенокъ не выдержалъ воспитанія и умеръ.

c и *d*) Отношенія гражданскія и общественныя; отношенія къ церкви и государству.....

Но я полагаю сказаннаго совершенно достаточно, чтобы убѣдиться что жизнь этаго субъекта проходила въ чаду безумія. А по сему снова обращаюсь къ прерванной нити моего жизнеописанія, которое съ тѣмъ вмѣстѣ и есть описаніе развитія моей теоріи.

По окончаніи курса меня отправили лекаремъ въ одинъ пѣхотный полкъ. Я не нахожу нужнымъ въ предварительной части говорить о наблюденіяхъ сдѣланныхъ мною на семъ спеціальномъ поприщѣ безумія, я имъ посвятилъ особый отдѣлъ въ большомъ сочиненіи моемъ.* Перехожу къ болѣе разнообразному поприщу. Черезъ нѣсколько лѣтъ по распоряженію высшаго начальства, которому пользуясь симъ случаемъ свидѣтельствую искреннѣйшую благодарность за начальственное вниманіе — полу-

* См. Сравнительной психіатріи часть II. глава IV. Марсоманія отдѣлъ I. Марсоманія мирная и т. д.

чилъ я мѣсто по гражданскому вѣдомству; тутъ съ большимъ досугомъ предался я сравнительной психіатріи. Для занятій и наблюденій, я избралъ на первый случай два заведенія—домъ ума лишенныхъ и канцелярію врачебной управы.

Добросовѣстно изучая субъекты въ обоихъ заведеніяхъ я былъ пораженъ сходствомъ чиновниковъ канцеляріи съ больными; разумѣется наружныя различія тоже бросались въ глаза, но врачь долженъ идти далѣе, по наружности долгое время кита считали рыбою. Самое важное различіе между писарями и больными состояло въ образѣ поступленія въ заведеніе; первые просились объ опредѣленіи, а вторые были опредѣляемы высшимъ начальствомъ, вслѣдствіе публичнаго испытанія въ губернскомъ правленіи. По однажды помѣщенные въ канцелярію писаря тотчасъ подвергались психической эпидеміи, весьма быстро заражавшей все нормально человѣческое и еще быстрѣе развивавшей искаженныя потребности, желанія, стремленія; цѣлые дни работали эти труженики съ усердіемъ, болѣе нежели съ усердіемъ, съ завистью; штаты тогда были еще невѣроятные, едва эти бѣдняки въ будни до сыта наѣдались, и въ праздники до пьяна напивались, а ни одинъ не хотѣлъ занятся какимъ нибудь ремесломъ, считая всякую честную работу не совмѣстною съ человѣческимъ достоинствомъ, дозволяющимъ только брать двугривенные за справки. Признаюсь,

когда я вполнѣ убѣдился что чиновничество (я разумѣется далѣе XIII класса восходить не смѣю) есть особое специфическое пораженіе мозга, мнѣ опротивѣли всѣ эти журнальныя побасенки, наполненныя насмѣшками надъ чиновниками. Смѣяться надъ больными показываетъ жесткость сердца.

Вліяніе эпидеміи до того сильно, что мнѣ случалось наблюдать ея дѣйствіе на организаціи болѣе крѣпкія и здоровыя, и тутъ то я увидѣлъ всю силу ея. Какое то безпокойное чувство, похожее на угрызеніе совѣсти, овладѣвало вновь поступавшими здоровыми субъектами; имъ становилось замѣтно тягостно быть здоровыми, они такъ страдали тоскою по безумію, что излечались отъ умственныхъ способностей разными спиртными напитками и я замѣтилъ что при надлежащемъ и постоянномъ употребленіи ихъ они дѣйствительно успѣвали себя поддерживать въ искуственномъ состояніи безумія, которое мало по малу становилось естественнымъ.

Отъ чиновниковъ я перешелъ къ прочимъ жителямъ города и въ скоромъ времени не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія что всѣ они поврежденные.— Предоставляю тѣмъ, которые долго трудились надъ какимъ нибудь открытіемъ, оцѣнить то чувство радости, которымъ исполнилось сердце мое когда я убѣдился въ этомъ драгоцѣнномъ фактѣ.

Городокъ нашъ вообще оригиналенъ, это губернское правленіе обросшее разными домами и жите-

лями собравшимися около присутственныхъ мѣстъ; онъ тѣмъ отличается отъ другихъ городовъ, что онъ возникъ собственно для удовольствія и пользы начальства. Начальство составило сущность, цвѣтъ, корень и плодъ города. Остальные жители — какъ купцы, мѣщане—больше находились для порядка, ибо нельзя же быть городу безъ купцовъ и мѣщанъ. Всѣ получали смыслъ только въ отношеніи къ начальству (и къ откупу впрочемъ); мастеровые на пр. портные, сапожники—шили для чиновниковъ фраки и сапоги; содержатель трактира имѣлъ для нихъ биліардъ. Прочіе неслужащіе въ городѣ занимались исключительно произведеніемъ тѣхъ средствъ, на которыя чиновники заказывали фраки, сапоги и увеселялись на бильярдѣ.

Въ нашемъ городкѣ считалось 5,000 жителей; изъ нихъ человѣкъ двести были повергнуты въ томительнѣйшую скуку отъ отсутствія всякаго занятія, а четыре тысячи семьсотъ человѣкъ повергнуты въ томительную дѣятельность отъ отсутствія всякаго отдыха. Тѣ которые денно и нощно работали, не вырабатывали ничего, а тѣ которые ничего не дѣлали безпрерывно вырабатывали и очень много.

Утвердивъ на прочныхъ началахъ общую статистику помѣшательства, перейдемъ снова къ частнымъ случаямъ. Въ качествѣ врача я былъ часто призываемъ лечить тѣло, тамъ гдѣ слѣдовало лечить душу; невѣроятно въ какомъ чаду нелѣпостей, въ какомъ

рѣзкомъ безумiи находились всѣ мои пацiенты обоихъ половъ.

— Пожалуйте сейчасъ къ Аннѣ Ѳедоровнѣ, Аннѣ Ѳедоровнѣ очень дурно. — Сiю минуту, ѣду. Анна Ѳедоровна лѣтъ тридцати женщина, любившая и любящая многихъ мущинъ за исключенiемъ своего мужа, богатаго помѣщика, точно также расположеннаго ко всѣмъ женщинамъ кромѣ Анны Ѳедоровны. У нихъ отъ розовыхъ цѣпей брачныхъ осталась одна, которая обыкновенно бываетъ крѣпче прочихъ —ревность, и ею они неутомимо преслѣдовали другъ друга десятый годъ. Пріѣзжаю; Анна Ѳедоровна лежитъ въ постелѣ съ вспухшими глазами, у нея жаръ, у нея боль въ груди; все показываетъ что было семейное Бородино, дѣло горячее и продолжительное. Люди ходятъ испуганные, мебель въ безпорядкѣ, въ дребезги разбитая трубка (явнымъ образомъ не случайно), лежитъ въ углу и переломленый чубукъ въ другомъ.

— У васъ Анна Ѳедоровна, нервы разстроены, я вамъ пропишу немножко лавровишневой воды — на свѣтъ не ставьте — она портится, такъ принимайте, сколько-бишъ вамъ лѣтъ? капель по 20. Больная становится веселѣе и кусаетъ губы. Да знаете ли что, Анна Ѳедоровна, вамъ бы надо ѣхать куда нибудь, ну хоть въ деревню; жизнь которую вы ведете васъ разстроитъ окончательно.

— Мы ѣдемъ въ Маѣ мѣсяцѣ съ Никаноръ Ивановичемъ въ деревню.

— А! превосходно—такъ вы останетесь здѣсь. Это будетъ еще лучше.

— Что вы хотите этимъ сказать!

— Вамъ надобенъ покой, безусловный, тишина; иначе я не отвѣчаю за то, что наконецъ изъ всего этаго выйдутъ серьезныя послѣдствія.

— Я несчастнѣйшая женщина Семенъ Ивановичъ, у меня будетъ чахотка, я должна умереть. И все виноватъ этотъ извергъ — ахъ, Семенъ Ивановичъ, спасите меня.

— Извольте. Только мое лекарство будетъ не изъ аптеки, вотъ рецептъ "возьми небольшой чистенькій домъ, въ самомъ дальнемъ разстояніи отъ Никапоръ Ивановича, прибавь мебель, цвѣты и книги. Жить какъ сказано тихо, спокойно." Этотъ рецептъ вамъ поможетъ.

— Легко вамъ говорить, вы не знаете что такое бракъ.

— Незнаю—но догадываюсь; полюбовное насиліе жить вмѣстѣ— когда хочется жить врозь и совершеннѣйшая роскошь— когда хочется и можно жить вмѣстѣ; не такъ ли?

— О вы такой вольнодумъ! Какъ я покину мужа!

— Анна Ѳедоровна, вы меня простите, одна долгая практика въ вашемъ домѣ позволяетъ мнѣ идти

до такой откровенности, я осмѣлюсь сдѣлать вамъ вопросъ.

— Что угодно, Семенъ Ивановичъ, вы другъ дома, вы.....

— Любите ли вы сколько нибудь вашего мужа?

— Ахъ нѣтъ, я готова это сказать передъ всѣмъ свѣтомъ, безумная тетушка моя сварганила этотъ несчастный бракъ.

— Ну а онъ васъ?

— Искры любви нѣтъ въ немъ. Теперь почти въ открытой интригѣ съ Полиной, вы знаете — мнѣ Богъ съ нимъ совсѣмъ, да вѣдь денегъ что это ему стоитъ....

— Очень хорошо-съ. Вы другъ друга не любите, скучаете, вы оба богаты, что васъ держитъ вмѣстѣ?

— Да помилуйте Семенъ Ивановичъ, за кого же вы меня считаете, моя репутація дороже жизни, что обо мнѣ скажутъ?

— Это конечно. Но Боже мой—половина перваго! что это, какъ время то? Дасъ, такъ по 20 каплей лавровишневой воды, хоть три раза до ночи, а я заѣду какъ нибудь завтра взглянуть.

Я только въ залу, а ужъ Никаноръ Ивановичъ небритый, съ испорченнымъ отъ спирту и гнѣва лицемъ меня ждетъ — Семенъ Ивановичъ, Семенъ Ивановичъ ко мнѣ въ кабинетъ.

— Чрезвычайно радъ.

— Вы честный человѣкъ, я васъ всю жизнь зналъ

за честнаго человѣка, вы благородный человѣкъ — вы поймете что такое честь. Вы меня по гробъ обяжете ежели скажете истину.

— Сдѣлайте одолженіе. Что вамъ угодно?

— Да какъ вы считаете положеніе жены?

— Оно не опасно; успокойтесь, это пройдетъ; я прописалъ капельки.

— Да чортъ съ ней, не объ этомъ дѣло, по мнѣ хоть сегодня ногами впередъ, да и со двора. Это змѣя а не женщина, лучшія лѣта жизни отняла у меня. Не объ этомъ рѣчь.

— Я васъ не понимаю.

— Что это ей Богу съ вами? Ну то есть болѣзнь ея подозрительна или нѣтъ?

— Вы желаете знать на счетъ того, нѣтъ ли какихъ надеждъ на наслѣдничка?

— Наслѣдничка—я ей покажу наслѣдничка! Что это за женщина! Знаете для меня ужъ коли женщина въ эту сторону, все кончено—нѣтъ не могу! Законная жена, Семенъ Ивановичъ, она мое имя носитъ, она мое имя пятнаетъ.

— Я ничего не помнпаю. А впрочемъ знаете Никаноръ Ивановичъ, жили бы вы въ разныхъ домахъ, для обоихъ было бы спокойнѣе.

— Да-съ—такъ ей и позволить, ха, ха, ха, выдумали ловко! ха, ха, ха, какъ же — позволю! Нѣтъ вѣдь я не Француз какой нибудь! вѣдь я родился и выросъ въ благочестивой русской дворянской семьѣ,

нѣтъ-съ вѣдь я знаю законъ и приличіе! О еслибы моя матушка была жива, да она изъ своихъ рукъ ее на столъ бы положила. Я знаю ея продѣлки.

— Прощайте почтеннѣйшій Никаноръ Ивановичъ, мнѣ еще къ вашей сосѣдкѣ надобно.

— Что у нея? спросилъ, въ расплохъ взятый супругъ и что то сконфузился.

— Не знаю—присылали горничную, дочь что то все нездорова, дѣвка не умѣла разсказать порядкомъ.

— Ахъ Боже мой — да какъ же это? я на дняхъ, видѣлъ Полину Игнатьевну.

— Да-съ бываютъ быстрыя болѣзни.

— Семенъ Ивановичъ, я давно хотѣлъ—вы меня извините, вѣдь ужъ это такъ заведено, священникъ живетъ отъ алтаря, а чиновникъ отъ просителей, я такъ много доволенъ вами. Позвольте вамъ предложить эту золотую табатерку, примите ее въ знакъ искренной дружбы — только Семенъ Ивановичъ я надѣюсь что во всякомъ случаѣ,—молчаніе ваше....

— Есть вещи на которыя докторъ имѣетъ уши—но рта не имѣетъ.

Никаноръ Ивановичъ обнялъ меня и своими мокрыми губами и потнымъ лицемъ произвелъ довольно непріятное впечатлѣніе на щекѣ.

И кто нибудь скажетъ что это не поврежденные! Позвольте еще примѣръ.

Рядомъ со мною живетъ богатый помѣщикъ, гордый своимъ имѣніемъ, скряга. Онъ держитъ домъ

на заперти, никого не пускаетъ къ себѣ, рѣдко самъ выѣзжаетъ и что дѣлаетъ въ городѣ понять нельзя; не служитъ, процесовъ не имѣетъ, деревня въ 50 верстахъ, а живетъ въ городѣ. Были правда слухи, что, одинъ мужикъ, котораго онъ наказалъ, какъ то дурно посмотрѣлъ на него и сглазилъ, онъ такъ испугался его взгляда, что очень ласково отпустилъ мужика, а самъ на другой день перебрался въ городъ. Главное занятіе его стяжаніе и накапливаніе денегъ; но это дѣлается за кулисами; я вамъ хочу показать его въ торжественныхъ минутахъ жизни. У него въ гостинницѣ и на почтѣ закуплены слуги чтобы извѣщать его когда по городу проѣзжаетъ какой нибудь сановникъ, генералъ внутренной стражи, генералъ путей сообщенія, ревизующій чиновникъ не ниже V класса.

Сосѣдъ мой получивши вѣсть тотчасъ надѣвалъ дворянскій мундиръ и отправлялся къ его превосходительству; тотъ разумѣется съ дороги спалъ, сосѣда не пускали; онъ давалъ на водку цѣлковый, синенькую, упорствовалъ, дожидался часы цѣлые, наконецъ объ немъ докладывали. Генералъ, (ибо въ эти минуты и чиновникъ V класса чувствовалъ себя не только генераломъ, но генералъ фельдмаршаломъ), принималъ просителя не скрывая ярости и не воздавая вѣсу и мѣры словамъ и движеніямъ. Проситель послѣ долгихъ околичностей докладывалъ, что вся его просьба, отъ которой зависитъ

его счастіе, счастіе его дѣтей и жены, состоитъ въ томъ, чтобы его превосходительство изволило откушать у него завтра, или отъужинать сегодня; онъ такъ трогательно просилъ, что ни одинъ высокій сановникъ не могъ противустоять и давалъ ему слово. Тутъ наставали поэтическія минуты его жизни. Онъ бросался въ рыбные ряды, покупалъ стерлядь ростомъ съ извѣстнаго тамбуръ-мажора и ее живую перевозили въ подвижномъ озерѣ къ нему на дворъ, выгружалось старинное серебро, вынималось старое вино. Онъ бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, бранился съ женою, дѣлалъ отеческія исправленія дворецкому, грозился на всю жизнь сдѣлать уродомъ и несчастнымъ повара (для ободренія), звалъ человѣкъ двадцать гостей, бѣгалъ съ курильницей по комнатамъ, встрѣчалъ въ сѣняхъ генерала, цаловалъ его въ шовъ идущій подъ руку. Шампанское лилось у скряги за здравіе высокаго проѣзжаго. И замѣтьте все это изъ помѣшательства, все это безкорыстно. И что еще важнѣе для психіятріи, что его безуміе всякой разъ полярно переносилось съ обратными признаками на гостя. Гость вѣрилъ что онъ по гробъ одолжаетъ хозяина тѣмъ, что прекрасно обѣдалъ. Каковы діагностическіе знаки безумія!

Отвсюду текли доказательства очевидныя, неподлежащія сомнѣнію моей основной мысли.

Успокоившись на счетъ жителей нашего города я

пошелъ далѣе. Выписалъ себѣ знаменитѣйшія путешествія, древнія и новыя историческія творенія и подписался на аугсбурскую Всеобщую Газету.

Слезы умиленія не разъ наполняли глаза мои при чтеніи. Я не говорю уже объ аугсбурской газетѣ, на нее я съ самаго начала смотрѣлъ не какъ на суетный дневникъ всякой всячины, а какъ на всеобщій бюльтень разныхъ богоугодныхъ заведеній для несчастныхъ страждущихъ душевными болѣзнями. Нѣтъ! чтобы историческое я ни начиналъ читать, вездѣ, во всѣ времена открывалъ я разныя безумія, которыя соединялись въ одно всемірное хроническое сумасшествіе. Тита Ливія я бралъ или Муратори, Тацита или Гиббона, ни какой разницы; всѣ они, равно какъ и нашъ отечественный историкъ Карамзинъ, всѣ доказываютъ одно: что исторія ничто иное какъ связный разсказъ родоваго, хроническаго безумія и его медленнаго излеченія (этотъ разсказъ даетъ по наведенію полное право надѣяться, что черезъ тысячу лѣтъ двумя тремя безуміями будетъ меньше). Истинно не считаю нужнымъ приводить примѣры; ихъ милліоны. Разверните какую хотите исторію, вездѣ васъ поразитъ, что вмѣсто дѣйствительныхъ интересовъ, всѣмъ заправляютъ мнимые, фантастическіе интересы; вглядитесь изъ за чего льется кровь, изъ за чего несутъ крайность, что восхваляютъ, что порицаютъ — и вы ясно убѣдитесь въ печальной на первый взглядъ истинѣ—и истинѣ полной утѣшенія

на второй взглядъ, что все это слѣдствіе разстройства умственныхъ способностей. Куда ни взглянешъ въ древнемъ мірѣ, вездѣ безуміе почти также очевидно какъ въ новомъ. Тутъ Курцій бросается въ яму для спасенія города, тамъ отецъ приноситъ дочь на жертву, чтобы былъ попутный вѣтеръ и нашелъ стараго дурака, который прирѣзалъ бѣдную дѣвушку и этаго бѣшенаго не посадили на цѣпь, не свезли въ желтый домъ, а признали за первосвященника. Здѣсь персидскій царь гоняетъ море сквозь строй, также мало понимая нелѣпость поступка, какъ его враги Аѳиняне, которые цикутой хотѣли лѣчить отъ разума и сознанія. А что это за бѣлая горячка была, вслѣдствіе которой императоры гнали христіанство. Развѣ трудно было разсудить что эти средства палачества, тюремъ, крови, истязаній ничего не могли сдѣлать противъ сильныхъ убѣжденій, а удовлетворяли только животной свирѣпости гонителей.

Какъ только христіанъ домучили, дотравили звѣрями, они сами принялись мучить и гнать другъ друга съ еще большимъ озлобленіемъ нежели ихъ гнали. Сколько невинныхъ Нѣмцевъ и Французовъ погибло такъ изъ вздору, и помѣшанные судьи ихъ думали что они исполняли свой долгъ и спокойно спали въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста гдѣ дожаривались еретики.

Кто не видитъ ясные признаки безумія въ среднихъ вѣкахъ — тотъ вовсе незнакомъ съ психіатріей.

Въ среднихъ вѣкахъ все безумно. Если и выходитъ что нибудь путное, то совершенно противуположно желанію. Ни одного здороваго понятія не осталось въ средневѣковыхъ головахъ, все перепуталось. Проповѣдывали любовь и жили въ ненависти, проповѣдывали миръ и лили рѣками кровь. Къ тому же цѣлыя сословія подвергались эпидемической дури—каждое на свой ладъ; на примѣръ одного человѣка въ латахъ считали сильнѣе тысячи человѣкъ вооруженныхъ дубьемъ, а рыцари сошли съума на томъ, что они дикіе звѣри и сами себя содержали по селлюлярному порядку новыхъ тюремъ въ укрѣплѣнныхъ сумасшедшихъ домахъ по скаламъ, лѣсамъ и пр.

Исторія доселѣ остается непонятною отъ ошибочной точки зрѣнія. Историки будучи большею частію не врачами, не знаютъ на что обращать вниманіе; они стремятся вездѣ выставить послѣ придуманную разумность и необходимость всѣхъ народовъ и событій; совсѣмъ напротивъ надобно на исторію взглянуть съ точки зрѣнія патологіи, надобно взглянуть на историческія лица съ точки зрѣнія безумія, на событія съ точки зрѣнія нелѣпости и ненужности.

Исторія — горячка производимая благодѣтельной натурой, посредствомъ которой человѣчество пытается отдѣлываться отъ излишней животности; но какъ бы реакція ни была полезна, все же она болѣзнь. Впрочемъ въ нашъ образованный вѣкъ стыдно до-

казывать простую мысль, что исторія, аутобіографія сумасшедшаго.

Интересъ лѣтописей и путешествій тотъ же самый который мы находимъ въ анатомико патологическомъ кабинетѣ. Кстати о путешествіяхъ, они не менѣе исторіи принесли мнѣ подтвержденій и тѣмъ пріятнѣйшихъ, что всѣ описываемыя въ нихъ безумія дѣлались не за тысячу лѣтъ а совершаются теперь, сейчасъ, въ ту минуту какъ я пишу, и будутъ совершаться въ ту минуту какъ вы, любезный читатель, займетесь чтеніемъ моего отрывка. Доказательства и здѣсь совершеннѣйшая роскошь; разверните Магелана, разверните Дюмонъ д' Юрвиля и читайте первое что раскроется—будетъ хорошо ; вамъ или Индеецъ попадется какой нибудь, который во славу Вишны сидитъ двадцать лѣтъ съ поднятой рукой и не утираетъ носу для пріобрѣтенія безконечной радости на томъ свѣтѣ, или женщина которая изъ учтивости и приличія бросается на костеръ, на которомъ жгутъ трупъ мужа. Востокъ классическая страна безумія, но впрочемъ и въ Европѣ очень удовлетворительные симптомы и въ ирландскомъ вопросѣ, и въ вопросѣ о пауперизмѣ, и во многихъ другихъ. Да сверхъ того въ Европѣ остались нѣсколько видоизмѣненными и всѣ Азіятскія глупости, собственно перемѣнились только названія.

Здѣсь я останавливаюсь. Я хотѣлъ передать публикѣ на первый случай небольшой отрывокъ.

Кто желаетъ болѣе знать по сей части, тотъ пусть купитъ курсъ психіатріи когда онъ выйдетъ (о цѣнѣ и условіяхъ подписки своевременно черезъ вѣдомости объявлено будетъ).

Объяснительное прибавленіе отъ автора.

Я не могу положить пера не сказавъ еще нѣсколько объяснительныхъ и такъ сказать предупредительныхъ замѣчаній. Знаю я, что неблагонамѣренность обвинить меня въ желаніи блеснуть новизною въ гордости и пренебреженіи къ больнымъ — за то что я ихъ не считаю здоровыми. Совѣсть моя чиста. Не гордость и пренебреженіе, а любовь привела меня къ моей теоріи и когда я совершенно убѣдился въ истинности ея, весь нравственный бытъ мой перемѣнился; мнѣ стало легко, упованія и надежды разцвѣли какъ въ молодости. Прежняя нетерпимость, готовность порицанія и осужденія, замѣнились теплымъ чувствомъ состраданія къ больнымъ и вмѣсто желанія отвратительной мести за дѣйствія, явнымъ образомъ сдѣланныя подъ вліяніемъ болѣзни явилось кроткое снисхожденіе, и сильное желаніе помочь больному. (Я даже въ домѣ умалишенныхъ вывелъ наказанія, не желая вступать въ соревнованіе съ безумными, ни побѣждать ихъ въ нелѣпости). Что же касается до предполагаемаго мною обвиненія въ желаніи блеснуть новизною, то я обязанъ замѣтить, что въ разныхъ формахъ мысль медицинская мною

проведенная, являлась многимъ въ голову. Аристотель называлъ Анаксагора единымъ трезвымъ въ сонмѣ пьяныхъ. Спиноза видѣлъ одно безсиліе разума въ человѣкѣ безнравственномъ, Бентамъ прямо сказалъ "что всякой преступникъ, прежде всего, дурной счетчикъ," человѣкъ съ здравымъ смысломъ не можетъ дурно считать. Бентамъ правъ; онъ однако не понялъ, что если преступникъ дѣлаетъ ариѳметическія ошибки слишкомъ грубыя, то всѣ остальные тоже дурные счетники, но ошибаются въ мелочахъ или съ общаго согласія. Люди окружены цѣлой атмосферой призрачной и одуряющей, всякой человѣкъ болѣе или менѣе какъ Матренина дочь (зри выше) съ малыхъ лѣтъ при содѣйствіи родителей и семьи, пріобщается мало по малу къ эпидемическому сумасшествію окружающей среды, (нѣмецкіе врачи называютъ эту болѣзнь der historische Standpunkt); вся жизнь наша, всѣ дѣйствія такъ и расчитаны по этой атмосферѣ, въ томъ родѣ какъ нелѣпыя формы Ихтіосауровъ, Мастодонтовъ были расчитаны и сообразны первобытной атмосферѣ земнаго шара.

Мѣстами воздухъ становится чище, болѣзни душевныя укрощаются. Но не легко переработывается въ душѣ человѣческой родовое безуміе; большія усилія надобно употреблять для малѣйшаго шага. Вспомните романтизмъ — эту духовную золотуху, одну изъ злотворнѣйшихъ психическихъ эпидемій, поддерживающую организмъ въ безпрерывномъ и неес-

тественнымъ раздраженіи, поселяющую отвращеніе къ всему дѣйствительному, практическому и истощающую страстями вымышленными.

Вспомните аристократизмъ, эту застарѣлую подагру нравственнаго міра Іудейскую проказу исключительной національности и пр.

Предвижу еще одинъ вопросъ. Что же ты занимавшійся столько лѣтъ исторической психіатріей, открылъ ли какія нибудь средства леченія? что же плодъ твоихъ трудовъ?

— Во первыхъ истина, во вторыхъ точка зрѣнія, въ третьихъ я далеко не все сказалъ, а намекнулъ, означилъ, слегка указалъ только.

— Средствъ я нашелъ мало, но средства есть. При дальнѣйшемъ развитіи органической химіи, при благодѣтельной помощи натуры можно будетъ выдѣлывать и поправлять вещество мозга.

Мы имѣемъ уже драгоцѣнныя наблюденія касательно возможности химически улучшать и видоизмѣнять духовную сторону, хотя она совершенно независима. Такъ на пр. прилично употребленное леченіе шампанскимъ располагаетъ человѣка къ дружбѣ, къ доблести, къ чувствамъ радостнымъ и объятіямъ разверстымъ. Дѣйствуя же бургонскимъ, точно такимъ же образомъ, то есть отправляя его черезъ желудокъ въ вены и оттуда въ голову, выходитъ результатъ совсѣмъ иной, человѣкъ дѣлается мраченъ, несообщителенъ, болѣе склоненъ къ ревности, нежели

къ любви, къ раскаянію, нежели къ наслажденію, къ плачу о грѣхахъ міра сего, нежели къ снисхожденію, — для меня тутъ ключъ къ психо-терапіи, и вотъ я дѣсятый годъ, не щадя ни издержекъ ни здоровья, занимаюсь постоянно изученіемъ дѣйствія на умственныя способности вышеозначенныхъ медикаментовъ и разныхъ другихъ. Чего не сдѣлаетъ человѣкъ изъ пламенной любви къ наукѣ!

Москва 10 Февраля 1846.

Лондонъ, вольная русская книгопечатня.
2, Judd Street, Brunswick Square. W. C.

Второе изданіе Полярной Звѣзды и сочиненій ИСКАНДЕРА (А. Герцена). Н. ТРЮБНЕРА и Ко.

Изданія вольной русской типографіи въ Лондонѣ разошлись съ быстротою въ послѣдніе два года. Н. Трюбнеръ и Ко. пріобрѣли отъ Г. Герцена право на второе изданіе его сочиненій: * и сборника подъ заглавіемъ

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

за 1855, 1856, 1857, годы.

У нихъ можно найти кромѣ Сборника слѣдующія сочиненія 2го изданія пересмотрѣнныя Авторомъ:

ПРЕРВАННЫЕ РАЗСКАЗЫ (съ портретомъ автора).
ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ И ИТАЛІИ (1847-1852).
СЪ ТОГО БЕРЕГА.
КРЕЩЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.
НАРОДНЫЙ СХОДЪ въ St. Martins Hall.
ГОЛОСА ИЗЪ РОССІИ I, II, III, IV.

Сверхъ того вновь вышедшую поэму:

ЮМОРЪ.

Г. Трюбнеръ готовъ съ своей стороны предпринимать всякаго рода русскія изданія ученыя, политическія, учебныя и художественныя, о чемъ и извѣщаетъ русскихъ литераторовъ, не всегда имѣющихъ полную возможность печатать свои сочиненія въ Россіи. Успѣхъ предпріятія Г. Герцена и его благосклонный пріемъ новаго русскаго органа позволяютъ Г. ТРЮБНЕРУ надѣяться на довѣріе публики.

TRÜBNER & CO.,
60, Paternoster Row, London.

* Г. Герценъ исключилъ Тюрьму и Ссылку. Это сочиненіе войдетъ въ полное изданіе его записокъ подъ заглавіемъ: "БЫЛОЕ И ДУМЫ."

LIBRARY OF CONGRESS
00025325229